

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 2(51)
 2021
 XXI
 ВЕК

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Это было, было, было...
- Архивы учат
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

Журнал приглашает
 к сотрудничеству организации
 и всех заинтересованных лиц

ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК 2 2021

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 2(51)
 2021

XXI
 ВЕК

- Драма «Три сестры»
- Хутор Ждан
- Перекрестье
- Как живется нам в сансаре
- «Две Ольги – два Олега»
- Дюйма. Старо-новая сказка
- Звонок
- О свободе ливня
- День музыки
- Только вместе...
- Подлинная гармония
- Неодолимый дурман
- Зал ожидания

*«Ничто нас в жизни не может
 вышибить из седла!»
 Константин Симонов*

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

СПб: Негосударственное учреждение культуры «Серебряный век», 2021

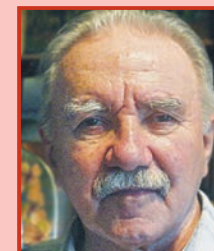
ISBN 978-5-6045884-6-8

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Журнал «Писатель. XXI век», 2021

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 22.07.21. Формат 70х100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт». 197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37.
Тел. (812) 649-73-09.
www.l-print.spb.ru

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонов

М. М. Рыбаков

М. Л. Дьяконова

В. А. Орлов

Любовь Гольт

Е. М. Алексеева

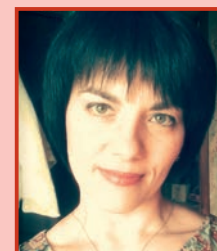
Бах Ахмедов

Андрей-Viktoria-Андреев

Эдуард Дэлуж

Ева Талая

Людмила Сытенко

Людмила Аристархова

Ида Замирская

Наталья Самарина

Н. М. Менендес

Александр Железов

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. Драма «Три сестры» и ее воплощение на сцене МХТ (1901)..... 2

МАЛАЯ ПРОЗА

Михаил Рыбаков. Хутор Ждан..... 13

Перекрестье..... 26

Мария Дряконова. Как живет нам в сансаре..... 31

Валерий Орлов. «Две Ольги — два Олега» 33

Любовь Гольт. Рассказ..... 44

Дюйма. Старо-новая сказка..... 46

Екатерина Алексеева. Мотя спасает рыбу, показывая свое черное нутро..... 49

Бах Ахмедов. Звонок..... 50

О свободе ливня..... 53

День музыки..... 54

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

*Андрей-Viktoria-Андреев, Эдуард Дэлуж, Ева Талая, Людмила Сытенко,
Бах Ахмедов, Людмила Аристархова, Наталья Самарина* 55

ПЕРЕВОДЫ

Ида Замирская. Переводы с английского языка..... 78

Любовь Гольт. Переводы с немецкого языка..... 80

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

Наталья Менендес. Только вместе..... 83

АРХИВЫ УЧАТ

Александр Железов. Подлинная гармония..... 96

Неодолимый дурман 103

ПРОЗА XXI ВЕК

Наталья Менендес. Зал ожидания (повесть в рассказах)..... 107

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

Ефим Роговер. Константин Симонов (литературный портрет)..... 146

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Валерий Орлов. Китайская литература 19 века 157

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ДРАМА «ТРИ СЕСТРЫ» И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ НА СЦЕНЕ МХТ (1901)

Свою работу над пьесой «Три сестры» Чехов завершает в декабре 1900 года в Ницце, куда он уезжает в связи с ухудшением здоровья. Путешествуя в январе по Италии (Пиза, Флоренция), писатель ожидает скорой постановки своей драмы. Ее премьера на сцене МХТ состоялась 31 января 1901 года.

Первые представления «Трех сестер» прошли без Антона Павловича. Он увидел пьесу на сцене только осенью. Он активно вмешался в режиссуру своего произведения, лично ставил сцены пожара и полностью прошел роль Андрея с В. В. Лужским. О своем вмешательстве в режиссуру Чехов сообщил в письме к актеру Л. В. Средину 24 сентября: «Три сестры», — писал драматург, — идут великолепно, с блеском, идут гораздо лучше, чем написана пьеса. Я прорежиссировал слегка, сделал кое-кому авторское внушение, и пьеса, говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон» [1].

Печаталась пьеса в журнале «Русская мысль» в феврале, но корректура, посланная Чехову в Италию, пришла с опозданием, и пьеса была опубликована без авторской правки. Возвратившись в Россию, Чехов выправил текст для издания VII тома Собрания сочинений, выпускавшегося А. Марксом. Так возникли две редакции пьесы «Три сестры».

Изменения во второй редакции касались отдельных эпизодов, финала и ряда характеристик (Чебутыкина, Андрея, Кулыгина и Соленого); была проведена и стилистическая правка. Новый финал стал бодрее, в нем передавалась вера в жизнь, выраженная и Машей, и Ириной. Ощутимее стали смены драматических и комических, высоких и обыденных по звучанию диалогов. В тексте появилась фраза «Бальзак венчался в Бердичеве», фраза, которая разрушает возникшее было лирическое настроение персонажей.

В пьесе заметна четкая фабула: жизнь трех сестер в доме Прозоровых после смерти их отца, женитьба их брата Андрея, появление в доме Наташи, которая вскоре заводит себе любовника Протопопова, постоянный захват всего дома в руки воинствующей мещанки; превращение Ольги из учительницы в начальницу гимназии; любовь Маши к Вершинину, соглашение Ирины стать женой Тузенбаха; полное торжество Наташи; расставание Маши с Вершининым, оплакивание Ириной гибели Тузенбаха на дуэли. Возникает грустное одиночество сестер Прозоровых. Но это очень несложная фабула у Чехова обогащена рядом сквозных мотивов, множеством существенных подробностей и деталей, новыми персонажами и пре-

вращена в развитый драматический сюжет.

«Три сестры» связаны с предшествующей прозой Чехова, в частности с рассказом «У знакомых» (здесь Надя — предшественница Ирины, Варя — Ольги, а Таня — Наташи). Очевидна и преемственность новой пьесы с «Дядей Ваней», где финальный монолог Сони намечает звучание концовки IV акта в «Трех сестрах».

Но в драме 1901 года рельефнее выступила серость повседневности и пошлость обыващины, агрессивность мещанства и гибельность уступчивости ей. Существенно обогатилась атмосфера раздумий и рефлексии, усилилась жажда иного существования. Ощущается тревожная атмосфера близости «здоровой, сильной бури». В новой пьесе затруднительно выделить центрального или исключительного героя: здесь все персонажи охвачены страстным стремлением вырваться из трясины жизни.

Местом действия в «Трех сестрах» является губернский город, прототипом которого стал, по замечанию самого Чехова, город Пермь, однако автор значительно увеличил его население: с 45 тысяч (столько жителей было в Перми в 1890 году) до ста тысяч, названных Вершининым в пьесе. Такая перенаселенность драматургу понадобилась для того, чтобы придать городу «Трех сестер» избыточную самодостаточность, изобразить замкнутый мир, из которого весьма трудно выйти [2]. Одной из особенностей данного места действия стало пребывание в городе «военных на постое» (в Перми чеховского времени было пять тысяч военных!). Люди в погонах постоянно противопоставляются штат-

ским как самые порядочные и воспитанные. С присутствием в городе военных на постое связана неременная любовная интрига. Она возникает и в чеховской пьесе, где есть свои «пять пудов любви». Но Чехов меняет сюжетную ситуацию и показывает, что в его пьесе «нелюбви» не меньше [3].

Есть в «Трех сестрах» многие ялтинские реалии (связь с семьями Ярцевых и Срединых в Ялте, недовольство провинции, тоска по Москве, связь с начальницей Ялтинской женской гимназии В.К. Харкевич) и ассоциации с семейными особенностями и привычками [4].

Тщательно продумано и четко обозначено в пьесе и время действия. Произведение начинается ранней весной: открываются первые рамы, в комнатах, в частности в гостиной сестер Прозоровых, много цветов, слышно пение птиц. Настроение персонажей соответствует этому весеннему обновлению, оно празднично. Завершается пьеса холодной осенью: улетают журавли, полк покидает город, жизнь его замирает. Между весенним утром и этим осенним днем тянется длинная череда будней, иссушивших души сестер, истязавших их сердца, оборвавших их надежды, стремления и планы. Между началом и концом — зимние сумерки II акта и летняя ночь — III акта.

Внешняя тема пьесы — утрата людьми счастья, на которое они так уповали и к которому так стремились. Внутренней же темой этого произведения становится поиск осмысленной деятельности. Ирина страстно мечтает о труде и, отрешившись от праздного существования, поступает трудиться на телеграф. Тузенбах, по его словам, «не работал

ни разу в жизни», но приходит к твердому убеждению в необходимости трудиться. Он оставляет чуждую ему офицерскую среду, получает отставку и намерен работать на кирпичном заводе. «Труд без поэзии, без мыслей» тяготит и Ольгу, и Машу, и Андрея. Но на их долю выпадает именно такого рода деятельность, особенно угнетающая Ольгу, которая, вопреки желанию, становится начальницей гимназии.

Через всю чеховскую пьесу проходят устойчивые мотивы. А. Розкен, один из глубоких интерпретаторов «Трех сестер», к таким ведущим творческим мотивам относил загубленность русских жизней, бездомность (сестры теряют не столько свой дом, сколько место в протекающей жизни), мотив будущего и мечты о Москве как мечты об утраченной родине [5]. Эти ведущие мотивы цементируют четырехактную пьесу и выражают существо авторского замысла, раскрытого в пьесе. Мотивы у Чехова равноправны, и в сложном контрапункте пьесы все голоса одинаково значимы.

В этом чеховском творении, как и в «Чайке», и в «Дяде Ване», очень много любви. Интимные отношения персонажей образуют ряд любовных «треугольников». Первый из них: Тузенбах — Ирина — Соленый. Любовь названных героев к Ирине, равнодушие Ирины к Тузенбаху и антипатия к Соленому, ревность последнего, дуэль и убийство Тузенбаха именно тогда, когда счастье стало совсем близко, — составляют первую драму пьесы. Второй треугольник: Маша — Кулыгин — Вершинин. Отношения этих персонажей образуют вторую драму этой пьесы. Третий треугольник: Андрей — Наташа — Протопопов.

Появление в доме Прозоровых Наташи, ее столкновение с сестрами, ее превращение из робкой гостьи в деспотичную хозяйку — это третья глубинная драма произведения. А сближение Наташи с Протопоповым и горестная судьба Андрея — это четвертая драма пьесы. Все они сплетаются в «Трех сестрах» и обнаруживают ту исключительную роль, которую играет в этой пьесе любовь. Это могучее чувство во многом определяет возникающие в пьесе столкновения героев.

Однако враждой Наташи и сестер Прозоровых, поединком Тузенбаха и Соленого конфликт пьесы не исчерпывается. Он оказывается значительно более широким, чем эти частные столкновения. Как отметил А. Скафтымов, «драматически-конфликтные положения у Чехова состоят не в противопоставлении волевой направленности разных сторон, а в объективно вызванных противоречиях, перед которыми индивидуальная воля бессильна». Поэтому в «Чайке», «Дяде Ване» и в «Трех сестрах» «нет виноватых», нет индивидуально и сознательно препятствующих чужому счастью <...> Виновато сложение обстоятельств, находящихся как бы вне сферы воздействия данных людей. Печальная ситуация складывается вне их воли, и страдания приходят само собой» [6]. Люди виноваты лишь в том, что они слабы, отказываются от личного счастья, и в этом выражается внутренний драматизм пьесы.

Названные обстоятельства определяют обрисовку в «Трех сестрах» отдельных характеров. Самыми обаятельными в пьесе являются образы сестер, воспитанных, образованных, гуманных, лишенных искусственности и жеманства, наделенных

деликатностью и человеческим изяществом. Имена всех трех сестер связаны с Ольгой Леонардовной Книппер, как об этом поведала Мария Павловна Чехова [7]. Сама же О.Л. Книппер стала прототипом Маши, любимой роли актрисы.

Маша в пьесе — жена Федора Ильича Кулыгина, за которого вышла замуж в восемнадцать лет. В свое время он казался ей умным, важным и «ужасно ученым». Ныне она испытывает в нем разочарование и переживает любовь к Вершинину, одному из офицеров размещившегося в городе полка. В мечтания своих сестер она не верит и часто повторяет строки из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила»: «У Лукоморья дуб зеленый; златая цепь на дубе том...». Стихи эти становятся лейтмотивом ее образа, выражением ее тоски о неудачном замужестве и напрасно пропадающей молодости. Она тоже скована цепью, обречена жить в этой тоскливой провинции, оставив мысль о Москве, находящейся в ином пространстве и времени, как сказочное «Лукоморье».

Ольга — учительница в гимназии, чувствующая себя предельно усталой. Гимназия и уроки по вечерам отнимают у нее силы и молодость. Она тонко переживает весну, но для нее это «весна на чужбине». Она очень тоскует по родине, мечтает о своей Москве, видит ее во сне, стремится «скорее в Москву», но во втором и третьем действиях учительница уже исполняет обязанности начальницы гимназии, а в последнем акте становится начальницей, переезжает на казенную квартиру и обретает тем самым свою «златую цепь».

Ирина — младшая сестра Прозоровых, двадцатилетняя девушка, полная ожидания счастья и ощущение

радости. Но эти эмоции она испытывает лишь в первом действии, когда отмечают ее именины. Ее речь в этом акте взволнованная, образная, энергичная (она говорит о парусах, голубом небе и белых птицах). Во втором действии она уже служит телеграфисткой и возвращается домой усталой и недовольной. Затем она трудится в городской управе и уже презирует все, что поручают ей делать. Через четыре года она еще дальше уходит от «прекрасной жизни». В третьем акте ее самочувствие передается авторскими ремарками: «плачет», «рыдает», «громко рыдает», «нервно». В четвертом действии она вновь испытывает желание трудиться, но переживает скуку, ей уже «ненавистна комната», в которой она живет. Хотя она не любит Тузенбаха, но дает согласие выйти за него замуж, при этом признаваясь в «нелюбви». Происходит заметное возмужание ее характера, и уже самые горестные испытания не могут ее сломить.

Очень интересна чеховская разработка в пьесе и мужских характеров. Тузенбах особенно привлекателен своей жаждой труда. Он разделяет тоску по труду, свойственную Ирине, и оставляет военную службу, чтобы работать, служить на кирпичном заводе. Он глубоко чувствует красоту природы, музыки и самой жизни, но противоречит себе, не верит в возможность изменения жизни.

Вершинин спорит с Тузенбахом. Он верит в то, что жизнь переменится и станет счастливой для всех. Чехов доверяет этому герою свои самые заветные мысли о будущем: «Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем <...>, страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель на-

шего бытия...». Но отношение Чехова к Вершинину двойственно, сложно. Разделяя его убеждения, автор иронически относится к интеллигентским мечтаниям героя. Иронизирует над Вершининым и Тузенбах. Своеобразен и Вершининский лейтмотив «мои девочки», звучащий во всех актах. Вершинин мечтатель и любитель «пофилософствовать». Его речь отличается стройностью, логичностью, последовательностью и художественной выразительностью. Она насыщена определениями, синонимами, повторяющимися союзами. Его необычно звучащие звуко сочетания («грам-там-там») отражают интимный и зашифрованный язык влюбленных и высокую степень душевной близости [8]. Многие особенности Вершинина восприняты у его прототипа — Вячеслава Игнатьевича Маевского, давнего приятеля Чехова. Схожими были их возраст, отчества, семейное положение, манеры, пристрастия к философствованию, интеллигентность, прогрессивность взглядов [9]. И здесь Чехов отталкивается от самой действительности, из которой черпает материал для своих произведений.

Андрей Прозоров — секретарь земской управы, разочарованный в своей семейной жизни человек. Он талантлив, разносторонен, но очень слаб, и пошлость очень быстро засасывает его; он играет в карты, проигрывает большие суммы, закладывает дом, принадлежащий однако не только ему, но и сестрам, и превращается в обывателя, раздавленного суровой жизнью. Тем не менее Чехов изображает Андрея не одной черной краской и вызывает к нему сочувствие.

Наташа, его жена, пошлая и эгоистичная женщина, «мещанка»,

как называет ее Маша. Она резко и грубо разговаривает с прислугой, а няню Анфису, прослужившую тридцать лет в доме Прозоровых, хочет отправить в деревню. Методично захватывает она пространство в доме, вытесняя сестер из комнат, потом с этажа; мужа она всецело подчинила своей власти, и он, защищая ее, сам же называет ее «шершавым животным». К тому же у нее полное отсутствие вкуса и бессвязная речь, насыщенная провинциальными словами и сниженно-разговорными выражениями, речь, сопровождающаяся категорическими требованиями и властными интонациями, словами с уменьшительными и ласкательными суффиксами (светленькие, неделька, цветочки). Наташа заводит себе любовника — Протопопова, и Софочка, родившаяся у Наташи, вероятнее всего его ребенок. Однако Наташа, будучи в глазах сестер Прозоровых воплощением зла, является, по словам Чехова, одной из четырех интеллигентных женщин пьесы. Не только она, и даже не столько она является виновницей страданий сестер, сколько общее сложение жизни, обрывающее крылья мечты героев. Как справедливо заметил В.Б. Катаев, «в пьесе Чехова все без исключения вовлечены в то, что причиняет страдания другим, или, по крайней мере, на порыв, полет мечты, проявление радости отвечают насмешкой, грубостью, равнодушием, неделикатностью. Все герои связаны скрытой общностью, которую не хотят замечать» [10].

Чебутыкин — военный доктор, когда-то любивший мать сестер Прозоровых. Он глубоко недоволен собой и всей окружающей жизнью, и в третьем действии впадает в запой. Обывательская жизнь

превратила этого доктора в тупое и бессмысленное существо, проявляющее полное равнодушие к жизни. Его цинизм передается двумя выражениями: «все равно» и «тара-ра-бумбея», выражающими скуку жизни и безучастность к происходящему вокруг. Эта английская песенка «тара-ра-бумбея» из водевиля о проститутке прикрывает глухоту Чебутыкина к творящемуся в мире, глухоту, содействующую дуэли и убийству Тузенбаха. Безразличным оказывается этот персонаж и к горю одиноких сестер в четвертом акте драмы.

Носителями пошлости в пьесе оказываются и самодовольный учитель Кулыгин, муж Маши, этот новый вариант «человека в футляре», и Соленый с его грубостью, претензией на позу разочарованного героя и жестокостью, делающей его убийцей милого Тузенбаха.

В «Трех сестрах» Чехов не идеализирует своих героев, а усиливает требовательность к ним. Драматург показывает слабость и ограниченность таких людей, как Андрей Прозоров, который не может выбраться из тины повседневных забот и оказывается в плену у пошлости. В еще большей мере писатель осуждает равнодушных к творящемуся вокруг, как Чебутыкин и Кулыгин. Но с глубокой симпатией он относится к тем персонажам пьесы, которые всем существом своим устремлены в будущее и пытаются разгадать его. В последнем акте драмы сходятся два ведущих мотива пьесы, получающих выражение в двух финальных репликах — равнодушие к действительности и попытка проникнуть в грядущее. Сначала Чебутыкин произносит свои формулы отстранения от жизни:

«тара-ра-бумбея... сижу на тумбе я» и «все равно!». А потом Ольга тихо восклицает: «Если бы знать, если бы знать!».

Чехов применил в «Трех сестрах» свои новаторские принципы драматургии. Он довел до предела «повествовательность» драмы, которая преобразует ее и уподобляет большому эпическому произведению. Но это эпическое начало он подчиняет крупному философскому обобщению, а повседневные, будничные сцены связывает и пронизывает «подводным течением». «Ни в одной предыдущей пьесе, — отмечал Вл.И. Немирович-Данченко, — Чехов не разворачивал с такой свободой, как в «Трех сестрах», свою новую манеру стройки произведения. Я говорю об этой, почти механической, связи отдельных диалогов. По-видимому, между ними нет ничего органического. Точно действие может обойтись без любого из этих кусков. Говорят о труде, тут же говорят о влиянии квасцов на ращение волос, о новом батарейном командире, о его жене и детях, о запое доктора <..> Все действие так переполнено этими, как бы ничего не значащими диалогами, никого не задевающими <..>, но, без всякого сомнения, схваченными из жизни и прошедшими через художественный темперамент автора и, конечно, глубоко связанными каким-то одним настроением, какой-то одной мечтой» [11].

Пьеса в еще большей мере чем предыдущие чеховские драмы, построена на резком противопоставлении мечты и действительности, быта и лирики, внешнего и внутреннего действия. Мечта о будущем теперь звучит очень громко и становится предчувствием ожидаемого, совсем неясного, но прекрасного

завтра. При этом «Три сестры» отрицали существующие жизненные условия, ставили проблему ответственности человека за изменение жизни и приводили к идее перемены обстоятельств, окружающих людей.

По-новому подошел Чехов к вопросу о жанре пьесы. Драматург, отмечая светлое жизнеутверждение пьесы, настаивал на интерпретации ее как комедии, но он же чуть раньше утверждал, что написал драму и раскрыл настроение «мрачнее мрачного». К.С. Станиславский вспоминал: «...драматург был уверен, что он написал веселую комедию, а на чтении все приняли пьесу как драму и плакали, слушая ее. Это заставило Чехова думать, что пьеса непонятна и провалилась» [12]. Противоречия здесь нет, ибо Чехов создал особый тип произведения, соединяющего драматическое, комическое и лирическое начала в неразрывную целостность.

Работа над спектаклем «Три сестры» началась под руководством К.С. Станиславского. Вл.И. Немирович-Данченко уехал в это время за границу, хотя успел провести предварительную беседу с актерами. Репетиции проводил Станиславский, пользуясь режиссерским планом, который он тогда же составлял. «Первое, что поражает в новой режиссерской работе Станиславского, — писала историк МХАТа М.А. Строева, — это подход к пьесе как к единому целому, как к гармонически развивающемуся симфоническому произведению» [13]. Все элементы (отдельные куски, характеристики действующих лиц, настроение сцены) последовательно

включались в общую ткань спектакля, связываясь единой режиссерской мыслью. Идея спектакля — показ внутренней борьбы человека с «властью пошлости». Пошлый быт становился активной, наступательной, опасной силой, но напряжена и внутренняя жизнь человека.

Первое действие трактовалось как светлая, радостная прелюдия, первый день весны. На сцене много цветов, слышится игра на скрипке Андрея, смех, неожиданное веселье. Печаль воспоминаний о прошлом заглушается мечтой о Москве. Идет борьба этих мотивов. Так строилась у Станиславского партитура первого действия. Второй акт начинался почти мрачно. В гостиной темно. Комната украшена во вкусе Наташи. Крутом пеленки, игрушки. Нет уголка, куда бы не заполз мещанский быт Наташи. Нянька Анфиса гасит повсюду лампы. Слышится гармоника и пьяные голоса как безнадежные пошлости. Во время исповеди Маши и Вершинина под диваном скребется мышь. Ирина мечтает о Москве, но Вершинин шумит Петрушкой, создавая иронический аккомпанемент. Маша вновь говорит с Вершининым о счастье, но в это время звучит зловеющий звонок: письмо извещает Вершинина, что его жена опять отравилась. Подчеркивается контраст между состоянием людей и действительностью. Идет выход ряженных. Он вносит жизнерадостное настроение, но Наташа ряженных не выпускает. Слышны бубенцы тройки приехавшего Протопопова. Лампа в столовой тухнет. Ирина стонет как бы от боли: «В Москву; в Москву».

В третьем действии, по Станиславскому, «переходы, движения у всех — нервные, быстрые». Через

все действие гремит учащенный набат в «густой колокол». Проезжают пожарные. Пошлость переходит в наступление. С Ольгой Наташа говорит без крика, но твердо, потом раздражается и доходит до визгливого крика и слез. Ирина валится на кровать, рыдает за ширмами. Маша обнимает Ирину и Олю и произносит: «Люблю этого человека». Открытость Маши — это следствие возвышенно-лирической ее натуры, но не покаяния в грехе. Станиславский подчеркивает, что сестры понимают и сочувствуют друг другу. Оля нежно ласкает Машу и Ирину. Чехов возражал: ему была важна разобщенность, одиночество героев. Но Станиславскому было важно вскрыть единое для сестер сквозное действие акта, дать решение более активное.

Четвертое действие — крушение всех надежд. «Счастье — это удел наших далеких потомков» — вот лейтмотив последнего действия. Осень. На сцене царит обстановка прощания. Суматоха создается при помощи многочисленных проходов: дворника, денщика, кухарки, горничной, офицеров. Тузенбах, прощаясь с Ириной, пытается подавить в себе печаль, старается казаться веселым. Ирина тревожна. В том же состоянии ожидания находится и Маша. В саду сгушается печальная атмосфера, а в доме властвует Наташа с Протопоповым. Станиславский показывал, как атмосфера дома просачивается в сад. В момент расставания режиссер убирает пошлость со сцены. Он раскрывает моральную победу сестер, победу антимещанского начала. «Преодоление страдания — вот, что важнее всего режиссеру в финале спектакля». Он видит «бодрящую мысль автора

в том, что чеховские герои даже в минуту глубокого горя находят в себе силы подняться до мечты о будущем счастье людей». Финальный монолог Ольги сопровождается подчеркнутым указанием режиссера: «Насколько возможно, говорить бодрее» [14]. Четвертое действие «Трех сестер» по своей структуре аналогично последнему акту «Дяди Вани». Но лирический тон подчеркнут в гораздо большей степени. А мучительное раздумье, выраженное в словах трех сестер, становится шагом вперед в оптимистическом разрешении конфликта. В словах сестер отражена не только их глубокая драма, но и надежды на реальные изменения жизни.

Стремление трех сестер в Москву, которая по мере развития действия в спектакле все более отдаляется от них — это иносказание, означающее извечную, явственно или смутно осознаваемую потребность в другой жизни, переписанной, как полагает герой, «набело», жизни настоящей. Но желание это иллюзорно.

В середине января 1901 года в репетиционную работу над спектаклем вошел возвратившийся из-за границы Вл.И. Немирович-Данченко. Он вник в замысел Станиславского, высоко оценил его, но освободил спектакль от пестрых излишеств и подробностей, а главное — от борьбы персонажей, их активности в противостоянии натиску пошлости. Теперь сестры пассивно подчинялись своей судьбе. Спектакль развертывался как эпическое повествование без толчков, без видимой логической связи.

При этом в спектакле были сохранены все чеховские повторы, переключки, созвучия: упоминания о труде, о счастье, об одиночестве,

идушем времени, о несчастье, о будущем и о буре. В пьесе варьируются мотив разбитых вещей, потерянных ключей (от шкафа и ро-яля), летящих птиц и мотив цветов. Особенно настойчиво повторяется мотив «все равно» (это выражение произносит Чебутыкин, Кулыгин, Соленый, Вершинин, Андрей, Маша, Ирина, Ольга и Тузенбах). Режиссура добивалась того, чтобы спектакль прозвучал трагедией современной русской интеллигенции, но чтобы не гасла мечта о светлом будущем России.

За неделю до премьеры заменили исполнителя роли Вершинина. Вместо актера Судьбинина эту роль стал играть сам Станиславский, значительно усиливший светлое начало пьесы. Мейерхольду, игравшему Тузенбаха, предложили добиваться большей жизнерадостности.

23 декабря состоялась генеральная репетиция первых двух актов в декорациях и костюмах. Потом были другие генеральные. На одной из них побывала Мария Павловна Чехова, которая вспоминала: «Постановка произвела на меня большое впечатление. Я совершенно искренно писала брату: «Поставили твою пьесу и играют ее превосходно. Три сестры играют очень хорошо, нельзя ни к чему положительно придраться. Сцены между ними бывают удивительно трогательны. Савицкая страшно симпатичная. Не удовлетворяет меня только Лилина, мне кажется, она несколько утрирует... Если бы ты знал, как интересно и весело идет первый акт? <...> Думаю и чувствую, что пьеса будет иметь огромный успех» [15].

Окончательно роли были распределены следующим образом: Вершинина исполнял К.С. Станис-

лавский, Тузенбаха — В.Э. Мейерхольд (позже — В.И. Качалов), Чебутыкина — А.Р. Артем, Кулыгина — А.Л. Вишневский, Машу играла О.Л. Книппер, Ольгу — М.Г. Савицкая, Ирину — Н.Н. Литовцева, Наташу — М.П. Лилина, Соленого — М.М. Громов (позже — Л.М. Леонидов), Андрея — В.В. Лужский, Роде — И. М. Москвин.

31 января 1901 года состоялась премьера спектакля МХТ в Москве (через некоторое время — в Петербурге). У широкого зрителя (особенно в Петербурге) она имела огромный успех, растущий с каждым днем, вопреки черносотенной критике из газеты «Новое время». О.Л. Книппер и А.Л. Вишневский сообщали Чехову в Ялту о торжестве театра, о благодарности Петербургу «во всех отношениях»: здесь спектакли все давно проданы. Спектакль отличается и новизной, и современным звучанием, соответствием настроениям демократической публики, которой была близка авторская мысль о том, что дальше так жить невозможно. Ей импонировали две основные темы спектакля: «тоска от жизни» и «тоска о жизни», идея жизни во имя будущего, бодрая нота всего представления в целом.

Высоко были оценены декорации художника В.А. Симова, передававшие пошлость и измеченность провинциального быта, захолустье уездного (но не губернского, как у Чехова) городка, душную, давящую атмосферу квартиры капитанских (но не генеральских, как у автора) дочек с истертым ковром и обыкновенной изразцовой печью. Эта сценография полностью соответствовала замыслу режиссеров спектакля.

На долю ряда исполнителей выпал особый успех. Т.А. Щепкина-Ку-

перник писала об игре О.Л. Книппер так: «Окончательное признание Книппер большой актрисой пришло в пьесе «Три сестры». В этой роли Книппер достигла вершин своего таланта <...>, в Маше она всецело проявила ту щепкинскую простоту и правду, которым страстно учил Станиславский» [16]. Сама О.Л. Книппер восторженно рассказывала об игре Лилиной в роли Наташи: «Как тонко создавала Лилина Наташу в «Трех сестрах» — это маленькое мещанское существо, сумевшее отравить, как вредное насекомое, всю жизнь семьи Прозоровых. Актриса предельно раскрыла эту душонку со всем ее безвидием, властностью, требованиями и полным непониманием благородства сестер, молча переносивших ее мещанские причуды» [17]. С.И. Смирнова-Сазонова свой отклик на спектакль зафиксировала в дневнике: «Смотрела чеховскую драму «Три сестры». Московская труппа решительно производит революцию в драматическом искусстве. После ее представления по старому пути нельзя больше идти. Казенную рутину надо оставить <...> Нас приводят в чужой дом и вскрывают нам до мелочей всю его будничную жизнь. Мы вместе переживаем все ее горести и радости <...> И все так идет, как в жизни. Никто не читает монологов у суфлерской будки» [18].

В печати появились противоречивые отзывы критики о спектакле. Откровенно реакционная критика резко осуждала новый театр за якобы присущий ему натурализм. Так, Ченко из «Нового времени» уверял, что на сцене предстала масса «излишних, а часто смешных или неприятных подробностей, и в результате — самый грубый натурализм»

[19]. Близок к этому автору оказался Неизвестный из газеты «Россия», который писал о «Трех сестрах» как о «художественной неправде» и «клевете на жизнь», как о спектакле, сотканном из «частных случаев», и о сестрах, которые просто «с жиру бесятся» [20]. Рецензент той же газеты Л. Оболенский пытался убедить читателей в том, что жизнь, описанная в «Трех сестрах», — «это мираж, это призрак, а не живая действительность» [21].

Либеральная критика упрекала спектакль за безнадежный пессимизм. Так, С.А. Андреевский свел содержание «Трех сестер» к «грусти», кроме которой в пьесе нет «ничего более» [22]. С.Н. Трубецкой усмотрел в спектакле диалоги лишних людей о «лишнем человеке», четыре действия, собравших все самое тоскливое, самое скучное, самое неинтересное из жизни «пошлого семейства в каком-то захолустье» [23].

Марксистская критика (А.В. Луначарский) упрекала МХТ за то, что он «не трубит зорю и боевые марши» и не призывает к борьбе против существующих норм жизни. М. Горький тоже осуждал Ольгу, видевшую, как ломалась жизнь ее сестер, но не произносящую «ни одного живого, сильного слова, протеста против пошлости» [24].

Однако многие критики с восторгом встретили спектакль и новую пьесу Чехова и высоко оценили уровень их новаторства. Так, Андреевич (Г. Соловьев) замечал, что пессимизм в спектакле особого, «исторического» рода. «Стоит лишь жизни встряхнуться, расправить свои крылья..., как от исторического пессимизма не останется и следа» [25]. П. Перцов тонко уловил, что в «Сестрах» преобладает пассивность действия, ко-

торая вредит сценичности, зато «сильнее выдвигает и подчеркивает инертность жизни — этот чеховский Фатум». «Народился великий ансамбль» [26]. Зигфрид (Э.А. Старк) отметил, что спектакль «произвел

громадное впечатление». Критик очень высоко оценил игру Станиславского, Алиной, Книппер, Качалова, Артема и Лужского и выразил свою благодарность «прекрасным жрецам прекрасного искусства» [27].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чехов А.П. Указ.соч. Т.ХІХ. – С. 139–140
2. Звянцковский В.Я., Панич А.О. «У Лукоморья дуб зелёный...» // Чеховиана. «Три сестры» - 100 лет. М.: Наука, 2002. – С. 87
3. Печерская Т.И. Сюжетная ситуация «военные на постое» в пьесе «Три сестры» // Чеховиана. «Три сестры» - 100 лет. М.: Наука, 2002. – С. 108–112.
4. См.: Левицкая З.Г. Ялтинские реалии в пьесе «Три сестры» // Чеховиана. «Три сестры» - 100 лет. М.: Наука, 2002. – С. 317–321; Козичева А.П. Семейные истоки пьесы «Три сестры». // Там же. – С. 321–337
5. Роскин А. «Три сестры» // А. Роскин. А.П. Чехов. Статьи и очерки. М.: Гослитиздат, 1959. – С. 272–278
6. Скафтымов А. Статьи о русской литературе. С.: Саратовское книжн. изд-во, 1959. – С. 272–278
7. Ханило А.В. «Три сестры». Ольга Леонардовна Книппер: 100-летие со дня венчания // Чеховиана. «Три сестры» - 100 лет. ... С. 350–355
8. Роскин А. «Три сестры» на сцене МХТ. М.: Изд. ВТО, 1946. – С. 51
9. Лебедева Е.А. Старинный приятель // Чеховиана. «Три сестры» - 100 лет. М.: Наука, 2002. – С. 346
10. Катаев В.Б. Антон Павлович Чехов // «История русской литературы XIX века». 70 – 90-е годы. 2-е изд. М.: ОНИКС, 2006. – С. 608
11. Немирович-Данченко Вл. И. Предисловие к книге Н.Е. Эфроса «Три сестры» в постановке МХТ. П., 1919. – С. 8–10
12. Станиславский К.С. Собр. соч. в 8-и тт. М., 1960. Т.І. – С. 235
13. Строева М.Н., Режиссура К.С. Станиславского в чеховских спектаклях МХТ // Театральное наследство. К.С. Станиславский. Материалы. Письма. Исследования. М.: Изд. АН СССР, 1955, т.І – С. 654
14. Там же. С. 662
15. Чехова М.П. Из далекого прошлого. М.: Гослитиздат, 1960. – С. 213
16. Щепкина-Куперник Т.Л. О.Л. Книппер-Чехова в ролях пьес А.П. Чехова // Ежегодник Московского Художественного театра. 1945. М.; Л., 1948. Т.1 – С. 528
17. Книппер-Чехова О.Л. Из воспоминаний. // Ежегодник Московского Художественного театра. 1949–1950. М., 1952. – С. 508
18. «Литературное наследство», М.: Наука, 1978. – т.87. – С. 311
19. Ченко. Театральная распря в Москве. // «Новое время», 1901, 14 февраля.
20. Неизвестный. Журнальные заметки // «Россия», 1901, 16 марта
21. Оболонский Л. Не пора ли очнуться? // Там же.
22. Андреевский С.А. Театр молодого века. // С.А. Андреевский. Литературные очерки. 3-е изд. СПб, 1902. – С. 467–477
23. Трубецкой С.Н. Лишние люди и герои нашего времени // «А.П. Чехов. Его жизнь и сочинения», М., 1907. – С. 467
24. Горький М. А.П. Чехов // Горький А.М. Портреты, 1936. – С. 142–143
25. «Жизнь», 1901, № 3. – С. 229
26. Перцов П. «Три сестры» // «Мир искусства», СПб, 1901, № 2–3. – С. 96–99
27. Зигфрид (Старк Э.А.). Гастроли Московского Художественного театра «Три сестры» // «Санкт-Петербургские ведомости», 1907, № 94, 28 апреля.

Михаил Рыбаков
(Россия, г. Устюжна)

ХУТОР ЖДАН

Иван шёл и шёл... направлением, не дорогой. Новенькие командирские сапоги немного жали, но он пока терпел... Это нечто на громадном косоугоре давнишнего распада почвы, делило две огромные площади на чернозёмы и откровенный подзол глинистый, только отдельные вклинения, языки, как тут выражаются. Вот по такому вязнущему в дожди и в колдобинах, в сухую погоду и топал Иван. Он давно уже сбросил китель и фуражку... Наконец забрезжила развилка впереди. И сразу ноги налились свинцом, загорелись пятки.

— Гляди, как вытянулись... берёзоньки, а были чуть выше макушки, да и то... тридцать лет, считай мелькнуло и...

Он погладил белесую кору трёх сестёр, обнял, прижался и вспомнил, как мама перекрестила, провожая невесть куда...

Он сел на старую колдобину, разул сапоги, легко вздохнул, размял ступни, глянул на пятки, а там волдыри... Не сиделось. Связав за ушки сапоги, надел ранец, взял китель и фуражку, Иван потопал зарастающей тропой туда, к пруду, к мазанке, где его родили.

Но вместо хаты росла крапива в полтора роста, а вместо пруда тёк небольшой ручеёк. Плотины уничтожили, видать, гранатой.

Когда подошёл к бывшему берегу, заметил меж двух камней то ли лаз, то ли вход и поспешил туда. Он на что-то надеялся и точно, он нашёл в той пещере свою красавицу маму. Только она не узнавала сына, просила попить, он сбегал к ручью и принёс кружку воды. Она долго пила маленькими глоточками, не сказав больше ни слова, успокоилась в своей берлоге.

Он провёл рукой по когда-то роскошным кудрям...

Мама встрепелулась...

— Не надо... так Иванушка ласкал меня.

— Мама, я твой Ванюшка.

— Иди, марá, иди, сгинь!

Он понял, что мама плохо видит, сходил за новыми портянками и мылом, принёс воды и стал промывать её глаза, взявшиеся струпом. Вытер насухо, встряхнул старую попону, расстелил за камнем, где было затишно, и вынес её на свет божий, прикрыл хламидкой. Она сначала забеспокоилась, потом мирно уснула.

Иван нашёл в уголке съедобные коренья, нащипал щавель, надёргал барбарису, открыл банку консервов и стал варить кандёр.

Он кормил маму из ложечки, вытаскивал самые смачные кусочки. Та насытилась и скоро уснула.

Прошла неделя. Мама уже сама вставала, выпивала приготовленную воду, прислоняла ковшиком руку к глазам, разглядывала прищельца... вдруг поняла, что это её Ванюшка вернулся...

Как прорвало Марину — вся жизнь, как на колесе, провернулась за мгновение.

— Ванечка! Ты где, сынок?

— Тут я, мама, — а сам бежал к ней, разбросав отцовские руки.

И она увидела его! А он обнял худенькие плечи и гладил волосы...

— Сыночек вернулся...

— Слава богу, ты вновь стала видеть. А пойдём, я тебя покормлю, ещё ушка не остыла...

Потом Марина наблюдала, как Иван носил мешком красную глину, потом рубил саблей лозу потолка, заострял край и забивал плоским камнем поглубже. Она хотела помочь сыну месить глину с порубленной прошлогодней травой, но он не разрешил.

— Погуляй, мама, ты ещё слаба.

Но она умудрялась помесить раствор, когда тот ходил утром на речку потрусить свои янтера, и потом с аппетитом уплетала уху или кандёр. Она ожидала на глазах, появилась розовинка на впалых щеках, распушились её рыжеватые кудри. Она стала ухаживать за своими корешками и съедобной травкой.

Иван наносил воды, нагрел целый казан. Была пятница, но он собрался в город.

— Иди, мама, я приготовил тебе душистый веничек.

— Нет, Ванюша, ты уж сам, я — потом.

Вымылся, а мама жмётся...

— Что случилось?

— Вань, если я сниму грязное — оно рассыплется, а больше нечего...

— И молчала.... Есть у меня тренировочные штаны, будут чуть свободны, да ничего, день-два, а там поглядим...

И вот она, посветлевшая, помолодевшая, в его штанах и сорочке, с подогнутыми рукавами. Но как же она хороша, он залюбовался, и вспомнил её образ, который приходил в редких снах в санбатах...

— Не гляди на меня так, сынок, мне не с руки.

— Не смущайся, мама, ты у меня самая красивая.

Он добрался, как и предполагал, к открытию рынка.. Вдруг увидел, как мужик запрягает лошадь, подошёл, поздоровался.

— Чем, крещёный, торговать собрался?

— Здоров будь, а гляди...

— Всё, что мне надо. Завертай оглобли и паняй на хутор Ждана.

— Так там же никого...

— Зря ты так, там мама!

— Лады, казаче.

— Держи.

— Погодь, доберёмся, там и рассчитаешься.

— Езжай, я тут по делам... и догоню.

В канцелярии атамана было прохладно и тихо:

— Мне бы в розыск подать?

— Заполняйте бланк, я подпишу.

И всех делов.

— Придёт уведомление, ждите.

Он зашёл в магазин, где продавались женские вещи.

— Мне бы три плаття, на вас, уважаемая. Два лёгких, одно тёплое и всё, что положено женщине.

— Минутку... Даша, зайди в примерочную,

— Может эта ближе к вашим размерам?

— Вы правы.

— Есть готовые, вам на молодую?

— Средних лет. Но очень красивую.

Та улыбнулась.

— Вот ведь...

— Не удивляйтесь, это мама моя. Вот эти два подойдут, а тёплое?

— Есть, но дорогое

— Не беда.

— Грудь?

— А... Красивые, средние... Мне кажется, что Даша подойдёт.

Через минут пятнадцать ему вручили увесистый свёрток. И Иван, забежав в скорняцкий магазин, купил себе лыковые постолы да лопату, пустился вдогонку за возом...

Нагнал мужика около речки Шостка, паром стоял на том берегу.

— Не плывёт?

— Кричал уже сколько раз, как вымерли...

— Я их подгоню. Он быстро разделся, взял наган в зубы и легко, саженками, перемахнул речку, подошёл к куреню... Послышался выстрел, потом взрыв гранаты.. Иван поднялся из-за кучи песка, продул наган, проверил, живы ли? Отвязал чалку и пригнал паром...

— Грузись, земляк.

Тот не стал медлить, с таким орлом или в кресты, или в кусты, но разом.

— Пошаливают местные здесь, но чтоб так, не приходилось слышать...

— Аппетит, Егор, приходит неограниченный, хочется всё больше и больше.. Мы такие, если долго запрягаем, то быстро едем — отсюда наш характер, непостижимый для остальных. А видишь — всё просто, у кого нервы сильней, тот битву и выигрывает.

— Приехали... Мамця! Отзовись, — а перепуганная связанная Марина лежала в пещерке с кляпом во рту.

— Это уже зря, хотел, как люди, мирно да ладком... Не получится. Буду изводить до ноги!

Они распутали верёвки, вынули грязную тряпку. Егор стоял, глядел на Марину, как на икону писаную.

— Мама, кто это сделал?

— А трое на конях, с ними девка, зараза...

— Давно?

— Только перед вами исчезли, в заозёрья подались.

— Егор, останься тут, а я мигом.

— А бывать у вас можно?

— Это у хозяйки спроси.

Мама только кивнула застенчиво.

Иван, как знал, наточил накануне шашку. Он вскочил на коня, и тот почувствовал опытную руку седока, подтянулся. Он погладил коню шею, сказал что-то в ухо, и они понеслись по еле заметной тропке...

Вернулся Иван с пятью конями, с оружием и патронами.

— Сынок?

— Всё тихо, мама, не тревожься.

Когда поели маминого кулеша со свежатиной от Егора, погутарили у костерка.

— Наверно, поеду я, по холодку. Думаю — никто не тронет...

— Езжай, дома работ хватает, не исчезай, брат, хороший человек ты.

— И не надейся...

Он явился на двух подводах, полных до верху.

— Так что принимайте, я насовсем.

Мама улыбнулась Егору, начала помогать носить вещи к землянке.

Иван бросил замазывать устои дамбы, тоже стал разгружать.

— Внизу на втором возе захватил досок сороковки. Надо бы до осени расширить внутри, обшить стены и потолок, да сделать крепкие двери.

— Сделаем, куда нам деваться.

— А весной поставим такие же опоры, как делаешь, и надо перевезти дом.

— Это было бы здорово!

Марина слушала их планы, и слёзы наворачивались на глаза.

Как-то к обеду появился служивый. Он тихо шёл по кособогу. Тяжёлый ранец оттягивал плечи. У костра сидела женщина.

— Бабушка. Бабушка Марина!

— Ой, Ванюшка... Деточка, пришёл, мой соколик. — Она, как девочка, побежала навстречу, а тот сбрасывал фуфайку, ранец, шашку, шлём и бежал к ней, как к своему спасению...

На возгласы поднялись мужики. У Ивана сердце ёкнуло — сын! Егор стоял, просто растерянный, но понял, что это внучок Марины, успокоился.

— Ванюшка, а глянь, кто с тобой рядом?

— Тятя..?

Иван ступил к сыну и они впервые обнялись, постигая в близости друг друга.

— А это, сын, дедушка твой, Егор.

— Теперь, мужики, давайте к костру, он же голодный весь...

У них сегодня впервые был свой хлеб, кулеш сёрбали из котла, заедали хлебом, таким вкусным, что голова временами кружилась.

— А игде ставок наш?

— Какая-то сволочь гранатой рванула... Но восстановим! Теперь нас трое. Срочно потребовался загон для лошадок.

— Кузню бы нам...

— Есть, тятя, кузня, у меня в ранце. С угольком будет плохо, нигде дуба нет...

— Дуб, вернее остатки его, есть в версте отсюда. Покажу, перевезём.

— Заготовки на подковы у меня зарыты в потайном месте и железо разное.

— Съездим, деда, заберём.

Пришлось в землянке делать выгородку за стенной дверцей.

Осень наступила незаметно, банда притихла — мужики не могли сообразить, откуда наказание божье грянуло?

А трое пахали на перемену заросшее кустарником поле, отдохнувшая обедневшая земля отдавала блесками чернозёма. Тут медлить ни минуты нельзя, сразу зерно втроём засеяли, граблями заволочили и на славу, аль на беду, прошёл грибной дождик. Быть с хлебом!

А с дамбой получилось так, что к зиме не успевали и решили отложить до весны, там дело покажет, принялись за фундамент дома. Зимой на санях, на волокуше, сподручней будет перевозить брёвна, и зачать можно в морозную погоду — звенеть будет в углях.

— Сначала, хлопцы, сделайте мне хорошую нишу для добра, не валяться же вот так, не по-божески, деньги плачены.

Занялись, за день сделали, и Марине открылся непочатый край забот. Но скоро в землянке было чисто прибрано, повешены салфеточки, зеркальце, которое внучек принёс бабушке.

А мужики били фундамент. Благо глина nanoшена, колья застроганы и куча гальки — все под рукой, только соображай и от темна до темна... Через неделю, ещё не выпал снег, они закрыли рогожками основу дома и принялись ремонтировать старые сани да две волокуши. Коня, привычные к подножному корму, но без овса, нуждались в подкормке. Пришлось три стожка Егоровых перетащить первыми. И вот разметили все брёвна, сняли конёк и крышу, свезли к землянке, потом месяц перетаскивали брёвна. Овин и два сарая оставили на закуску. И вот, разгребли свежий снег, солнце вставало алое, мороз крепчал. Они занесли первый венец, потом второй... Утро удивило такой морозинкой, что глаза было больно раскрыть.

— Может денёк перекурим?

— Непорядок будет, хоть бревно, но положить надо, — возразил Егор, — примета есть...

С трудом, но послушали и положили целых три венца. Не так страшен, как малюют...

К весне, остался венец и конёк. Дом стоял капитально, надёжно, сделанный для себя... Не стали торопиться с окнами-дверями, а принялись за дамбу. И правильно поступили, к таянью, к Великдню, поставили шлюз, испытали. Получилось надёжно, постоит... За ночь воды набралось целый аршин, пропусков не было, шлюз открывался и закрывался. Потом ударили пасхальные приморозки. Две недели стоял пруд новый, скованный льдом, а потом пошло половодье. Дежурили у шлюза поочерёдно, за неделю набралось воды столько, что решили спустить на пол-аршина, не было б беды...

Беда подкрадывалась, откуда её не ждали. Проснулись мужицкие души, глаза завидующие на чужое добро, а тут... три мужика, да мы их в суконку! И налетели, и влетели, сработала интуиция и воинская дисциплина. У Егора нашёлся немецкий ручной пулемёт с десятью дисками. Когда Иван младший поднял тревогу — Егору оставалось только высунуть дуло и нажать на гашетку... Накрошил, говорили, что самого атамана Яшку Сивого пришили и всю его сотню. Брешут, поди... разбежались зайцы, подыхать кому охота...

И заказали местные собираться с чёрными мыслями... отловили органы остальных, пустили в расход. Им выдали благодарность с сургучовыми печатями, которые украшают стены землянки.

В новый дом заселились к Троице, отмечали с зеленью и цветными лентами. Марина щеголяла в роскошном венке из ромашек и васильков.

Иван и не надеялся, что его розыск что-то даст. Но осенью прискакал гонец. Его просили прибыть в канцелярию. Иван летел, как на крыльях, к обеду вошёл в здание, и его проводили к атаману. Тот встал, уважительно пожал руку.

— Товарищ полковник, первое, чем хочу вас порадовать, жена ваша нашла в госпитале города Сумы. Подробности в письме, держите.

— Второе. Я стар уже, и здоровье, знаете... Придётся вам принимать дела коша. Думайте. Знаю, что работа тяжкая влезать по самое некуда в людские души, но надо. По сему, разрешите откланяться, процедуры ждут.

Вот такого поворота он не ожидал, но раз глаз положен, придётся потрудиться.

Они возвращались домой. Госпиталь с вонью разлагающегося тела, с воплями от боли, с забытыми сёстрами и нянечками, с врачами, подсевшими на наркоту от безысходности, — остался позади.

— Катюша, ты как?

Та оцупала лицо Ивана, навернулись слёзы...

— Хорошо мне, Ванечка, так ещё не бывало. А как Ванька?

— О, Ванька меня перерос, в деда Колю пошёл.

— Ты и деда помнишь?

— Конечно, радость моя, ещё бы не помнить его ремень с бляшками...

— За что он тебя отходил?

— А сказал, что тебя нарушил...

— Ой, дурной ты мой... Как же я тебя любила... Она зажмурила невидящие глаза, наверно припомнила тот уголок за посадками, где мы с ней в любовь играли. Иван позволил себе провести по её пышной груди рукой.

Она замерла, схватила руку, поднесла к губам и, не отрываясь, пока он не погладил её завитушки и не поцеловал под ушко. Она задрожала, наверно, все годы сдерживания, когда уже или шашку наголо, или отдаться первому бродяге...

— Ванечка, прости за всё, я без тебя не могу.

— Я тоже вспоминаю, каждую чёрточку твоего тела, твоей улыбки, твоих криков...

— Не надо, родной, не надо...

Иван не знал, куда деваться от набросившихся чувств.

Проводница, которая закончила разносить чай, открыла дверь в своё купе.

— Идите, от глаз чужих, я буду рядом, чего понадобится — постучи.

— Спасибо... Пойдём, Катюша.

— Куда мы?

— Добрый человек уступила нам купе, до утра...

Он припомнил историю её болезни, глаза пострадали, когда кони тачанки налетели на бруствер траншеи, и она, падая, ударилась о лафет орудия.

Иван нащупал на затылке маленький шрам и стал нежно растирать, пока Катя легко задышала...

Они подъезжали к хутору, где их ещё не ждали, и приезд был бурным и радостным, без фальши.

Сын прилип к матери, не отходил на минуту. А Катя таяла от счастья.

Егор приехал с базара, Марина встретила его во дворе, распустила супонь и незаметно прижалась к руке, он погладил набравшее мягкости плечо и шепнул: — Я щас, попою только...

— А знаешь, Мариша, встретил своего двоюродного. Дочка, у него — красавица...

— Ну, — завязывая волосы в узел, сказала Марина.

— А повадился ко двору босяк тамошний. Жалко девку-то...

— А стоняйте с Ванюшкой, хоть и сей ночь, чтоб без следов.

— Ну... голова! Сгоняем.

Они возвращались к брошенному в закутку возу. И тут нанесло бабу-гравницу Евдоху.

— Молодцы, мужики, доброе дело надоть до конца доделывать.

— Ты о чём, старая?

— Соображай, Егорушка, всегда светел умом был... Вам надо, чтоб за похищение влететь?

— Поняли, бабушка, — ответил Иван, — сделаем.

— Так не тяните кота за уши.

— Откуда прознала?

— А она права, деда. Надо убрать никчемного... Он и не человек уже.

— Ой, Ваня, не нам судить — дело божеское...

Почухали затылки и поняли, что бабушка права. Надо доделать...

Пошли другой тропой, Егор был настороже, Иван зашёл в открытые двери, от услона слышался пьяный храп. Он достал петлю из крепкого шпагата, приподнял голову за патлы, набросил петельку, привязал за нагель в стене и столкнул тело на пол. Тот было схватился руками за шнур, а шнур вощё-ный, потрепыхался и затих. Иван подмёл веником пол, на всякий случай, вышел за порог, размёл и тут, подмели во дворе, за собой и тихонько ушли. На венике разрезали шпагат и разбросали в кусты. Приехали под утро. Надь-ка грелась у лошадей, но подрагивала от боязни.

— Не бойсь, Надежда, обойдётся, поехали, Ваня.

Так в доме появилась красавица Надежда. Мама прикипела к девушке. Она всегда хотела дочку... Ивану пока было не до того, то кузня, то плотина, но весна брала своё... И как-то за ужином он, как прозрел. Поднял голову, от миски, а на него глядели серые, любопытные глаза... Он спросил глазами: «Тебе чего?» и почему-то испугался немного ответа, а там было столько обеща-ющего, что он поднялся, постоял...

— Садись, сынок, щас Наденька узвару подаст, потом уже отдыхайте.

«Ага, отдохнёшь тут... Что мне делать с теми очами? Были и молодухи, при службе, и девки, но чтоб так... А как так? А чтоб сердце в кулак, а после дыхнуть нечем... так не было». Надя загоняла сытых кур, Иван давал сено ло-шадям, каждый жеребчик норовил щипнуть за плечо, кобылка сунуть морду под руку. Он всегда находил время для скупой похвалы, то гриву погладит,

то хвост расчесет скребелем, то глянет на копыта, как подковы держатся.. Получив свою порцию нежностей, расходились по стойлам, Иван вставлял жерди и уходил в дом. Сегодня впервые появилась Надежда, она несмело погладила бородку, ещё шелковую, и Иван присел на тюк сена, примостилаь и Надя тесно, тут уж Иван дал волю чувствам. Та только повторяла нежно: «Ванечка, милый, ой, как сладко...» Но дальше этого он, не посмел...

Зашли в дом, и Иван сказал:

— Как хотите, семья, ищите нам попа, чтоб непоправимое не случилось...

— До утра хоть потерпите? — отозвался отец.

— Нет! Нам дальше некуда, — настояла Надежда.

— Ладно, Марина, привяжи её, что ли... Поеду за расстригой.

Старший Иван помог запрячь и сам сел рядом.

— Если повезёт и не запил, то сегодня он в Корюковке у родаков.

Повезло, притарабанили. Одел тот подрясник, достал две короны, потрёпанные уже, но главное, что есть.

Долго гнусавил, читал Псалтырь, где были закладки, потом плюнул, сказал: «Да вознесётся имя твоё!». Аминь, дети мои, можете удалиться, а мы погута-рим, раз на припечке шкварчит и сулея добрая. Хай бог помогает!

Только вышли за порог, Иван поднял своё сокровище, затолкал по лестнице на сеновал и сам поднялся. А Надежда уже разбросила рядом...

Они сидели, уплетали кровянку, прямо со сковороды. Мать глядела на них, вспоминала свою первую ночь, приготовила ряженки — самое нужное блюдо.

Свадьбу отложили на Троицу.

— Там больше ведьм соберётся, веселей будет.

— Э-э, хозяйка, не гневи Бога!

— Ой, отче, кто бы говорил, насышаны...

— То злые языки, чадо...

И мужики, хватившие ради праздника, ржали, как жеребцы. Молодые смущались немного, но их пока оставили в стороне, по ним пройдутся ещё не раз, выйдет срок.

Прошло три года... Срок и небольшой и в то же время, колхоз ближайший, что в пяти верстах в Запаве, дотянул руку и объявил хутор бригадой. Хорошо жили люди, завидно, а так тут каждый нахлебник — свой... Заходи — покормят. Назначили было пришлого бригадиром — семья возмутилась: «Сами как-нибудь справимся». И поставили Егора, тот землицу знал и любил. Явился сам председатель и с материцной попытался навести свои порядки.

Тут слово взял старший Иван:

— Не бузи, председатель, лучше, когда ладком.

— А мать перемать! Ты тут вша... атаман. Иди в коше и командуй!

Зря он так. Из поднявшихся кустов краснотала вышли двое, первый секретарь и председатель районного Совета.

— Иди Панас, остынь у ставка. Здравствуйте, крещёные! Глядим уголок, не наглядишься. Славно поработали, славно. А не построить ли нам садик и пионер-лагерь рядышком? Тут и покупаться можно, и рыбку половить. Рыбку запустили?

— Запустили, три года прошло, на зорьке купается, — ответил Егор.

— Может и удочки найдутся?

— А то...

— Так принимайте гостей, за столом и поговорим. Ты иди пока командуй, — к Панасу.

Сидели под кустами, честно кормили гнуса, и пруд расщедрился! Наловили целые ночёвки рыбы. Добрый окунь и карась-ладошечник, на сковородку — само то.. Женщины занялись в сторонке, а мужики затеяли уху. И говорили, говорили... И о жизни, и о канувшей войне, о планах на будущее.

— А о лагере вы как?

— Хай строят, будет весело. А вообще-то, ребятишкам бы санаторий. Не устали? Пусть тут готовят, пойдемте, Валентин Петрович, покажу вам... первому из начальства...

Иван взял легонько под руку председателя совета, и они скрылись в молодых зарослях и вдруг вышли на просторное поле, засаженное трёхлетними сосенками. Они уже вытянулись на песчаном грунте по грудь и радовали глаз тёмно-зелёной хвоей.

— Смотрите, какой прирост сей год, а? Пока строите, пока то, да сё, тут кислороду не надышаться.

Председатель был шокирован. Он нежно гладил сосёнки...

— Это же целый подвиг, Иван, как вам удалось?

— А вспомните ту поганую весну, когда сталась непогода, а после засуха... Вот мы и подумали, надо леса, чтоб поменять как-то климат, в два плуга, по сменке, без выходных, подняли целину, потом купили в питомнике рассаду...

— Спасибо, дорогой, вы патриот. И будет вам санаторий! Обязательно.

Уха удалась на славу, жареная была сладка, не оторваться... Гости уехали в контору на ихней подводе. Иван возвратился с хорошей вестью.

— Попёрли крикуна, собирайся, батя, будут выборы, но думаю, никто не проголосует против. Придётся потрудиться.

— Вот этого не ожидал. Из меня хорош был командир сотни: «Шашки наголо»!...»

— Ой, не скажи, у руководителей глаз верный.

— Не перебираться же мне туда?

— Придётся... Ты ж, как пожарный будешь.

— Ой, сын, может ты?

— Меня, не знают люди, ты видный человек.

И колхозники единогласно проголосовали.

А Ивана младшего вызвали в Комитет партии.

— Иван Иванович, разговор короткий. Нужно укреплять охрану окружающей среды. Нужен честный, болеющий человек. Отзывы о вас, самые положительные. Мы решили назначить вас лесничим. Вот вам накладная на все ваши атрибуты, подскажу, получите, вот выписка из Конституции об обязанностях и ответственности. Помещение мы подобрали, штат набирается, делопроизводитель работает.

— Лесники есть в районе?

— Если только сохранились довоенные. Вам доложат сведующие в этом деле.

Иван попал, как с пожара, ни папок, ни документов, в нескольких коробках болталась мелочёвка и всё.

Сведующий чиновник появился назавтра, после обеда. Рассказал, что если где-то и есть лесник, так женщина. А меня, батенька, хотят назначить вашим замом.

— Я вам не батенька, и вас никуда не назначат, уж я настою. Честь имею.

Иван пришёл домой, запряг любимого коня, поцеловал Наденьку и маму с бабушкой, взял сидор за плечи и был таков. Он ехал в село, спрашивал о леснике, заносил в блокнот и ехал дальше...

Вернулся довольно бодреньким, но озабоченным. В списке значилось только семь женщин и старик семидесяти лет, к тому же инвалид второй мировой.

Поговорено и с председателями колхозов, и с партейцами, появились претенденты, но часть пожилых, ещё в силе, часть нетранспортабельных..., женщины, в самом конце списка — дом, хозяйство, а тут надо жить работой.. Обзвонил добрых знакомых, и вырисовалась неясная пока картина.. А тут быт поджимал, Надя сказала: «или я буду рядом, или...»

Контора была громадной, и Иван разгородил прихожую стенками из фанеры, вселил работников, а крыло с комнатой и кухней взял себе.. Было довольно чистенько, он побелил известью потолок и стены. Подсказали — сходить на мебельный склад и выбрать мебель. Это он оставил до приезда жены.

— Вот, заходи и гляди, как тебе?

Надя глядела на голые стены...

— А...

— А вот за А мы и поедem.

Склад только открылся. Он подал ордер.

— Выбирайте, что приглянется. Правильно, что хозяйку взяли.

Кладовщик ходил следом, подсказывал, разворачивал, хвалил или ругался. Наконец загрузились, а тут вся контора помогала, расставляла, любовались, одобряли, критиковали. Надежда вся цвела — хозяйка! Когда повесили последнюю занавеску, вскипел самовар, расставили чайный сервиз и говорили, говорили почти до петухов...

Старший Иван, как и не вступал в должность. Встал утром, попил чаю, сел на коня и влез в работу, которой было, кажись, не переделать до второго пришествия... Тот крикун больно полюбил в камору-хранилище заглядывать...

Много чего, не доставало. Тоже камень в душе. Общее же...

Трактора нечем смазывать, забыли заказать вовремя дизельное масло, у передовиков пропадали трудодни... Навалились бабы с садиком... Вот это уже серьёзно. Позвонил в школу. Директор взял трубку, послушал... «Да, помню, но... А мне и но, не сказать, Сидор Иваныч. Мне план выполнять, а женщина — одного ребёнка куда?»

Через день заработал садик, за ним ясли.. Пришёл бригадир фермы.

— Иван Алексеич, у меня последний конь разулся.

— А кузнец где?

— Так кони не нужны, телеги тоже, технику слесаря ремонтируют, кузнеца в полевую бригаду... пополнение поголовья, так сказать...

— Вернуть срочно! Кузницу не видел...

- Так рядом со сваркой.
- Объединить и пусть трудятся, смежные профессии.
- От спасибочки, побежал я.

Эти «мелочи» отрывали от документов, новостей и так каждый божий день. Плохо дело, но решил собрать общее собрание на субботу. Правда сомневался... придут ли усталые люди.

Но набился полный зал.

— Чтоб не задерживать вас, товарищи, несколько вопросов. Попрошу свои жалобы и пожелания опускать в ящички, которые завтра сколотит плотник.

— А работа как?

— Зачтём, не беспокойтесь. С завтрашнего утра будет работать столовка на местах, чтоб можно было отдохнуть малость. И остальное. Приём у меня после трёх часов по мелочам. Серьёзные вопросы прошу в субботу с десяти... Что-то срочное есть?

— Ага! Зачем, председатель, Митьку умыкнул, как теперь без него. То было почешет, приголубит и жизнь!

— Иди ты, Мотька, к чёрту, зараза! Тут серьёзно...

— А это не серьёзно, когда мужика под боком нет?

— Так он же ночью...

— А в день тоже хочется...

— Уважаемая, днём всё же работать надо.

— Ха!

Насмеялись...

— Раз ничего больше нет — отдыхайте. У меня всё.

Внук Иван, пока шли в семье пертурбации, закончил сельскохозяйственную академию, съездил в столицу, защитил диплом.

Предлагали ему агрономом в среднюю полосу, отказался.

А начальство готовило Ивану совсем иную судьбу. Освободилось место третьего секретаря... Но долго запрягали, в столице опомнились, Министерство иностранных дел срочно искало человека, хотя бы малость знакомого с иероглифами и японским языком. Позвонили на кафедру и там подсказали его фамилию и адрес. И вот срочная телеграмма: «Явиться в министерство, лучше с семьёй». Иван заказал переговоры и тут выяснил, чего от него хотят.

— Слышала разговор?

— Да, но не поняла.

— Нам предлагают работу за границей, точно скажут там.

— Ванюша, я не полечу, боюсь я...

— Поедем поездом, через всю Россию.

— Ой, далеко как!

— Привыкай, Надюша.

И вот все дела улажены. Ванюшка маленький у папы на руках, Надя держится под ручку. Они шагают перроном вокзала, рядом чей-то помощник, с чемоданом и сумкой продуктов, Ваняткины игрушки у Ивана в авоське — готовы на все сто.

— Вот ваш вагон.

Они протянули билеты и документы...

— Проходите, седьмой номер, трёхместное купе.

Поезд тронулся, покатил голубой вагон. Ох и Расеюшка-матушка! Неоглядна и всё нова, каждый день она, как в новом сарафане, и леса, леса, леса... И равнинами и Уралом, то задумчива, то проста...

У причала стоял лайнер, говорили в отделении, на ходу, скоро уберут чалки сходню и...

Море, сегодня оно ласковое, подставляет накатные валы и штевень корабля, нарезает их, как ломти хлеба. Иван поднялся на верхнюю палубу. У рубки на стульчаке сидел представительный пожилой мужчина в мичманке и кожаной ветровке. Поклонились друг другу... Иван разглядывал чуть видный, наверно уже чужой берег.

Мужчина встал, подошёл ближе.

— Вам что-то объяснить? — на английском обратился к Ивану, — вы первый раз в океане?

— Да, вы правы, мне всё в нове.

— Да-да, помню себя таким же. На «Мадлен», был такой пароходик, бегал по шхерам шведским?

— О, так вы швед?

— Конечно, и горжусь этим!

— Будем знакомы. Я россиянин и тоже горжусь.

— Понимаете, сколько народу прошло мимо, а вот россиянина как-то не встречал. Меня с детства учили: Россия — враг наш.

— Что ж так жёстко??

— А король Карл?

— Да что вы... Это же когда было, за Петра Великого, не шутите?

— Но мы так живём и помним обиды.

— Так обиды нужно нам помнить, скорее. Вам не говорили, сколько ваш Карл принёс горя России. Он просто был наказан за все свои проделки настоящего хищника.

— Вы серьёзно?

— Жалко, есть у меня книжица англичанина, но на русском, а перевести — рейс короткий...

— Что в ней?

— Он восхищается вашим кумиром, описывает его подвиги, которые я смело назову разбоем.

— Интересно бы почитать... — И ругнулся по-японски.

Иван ответил широкой улыбкой.

— Вы понимаете японский?

— Не только, — на японском ответил Иван, — говорят, что не плохо разговариваю.

— О, половину не понял, — это удивительно. Нам говорили, что русские — медведи, только рычать умеют.

— Немного устарелые понятия у ваших учителей.

— Вы куда направляетесь, не секрет?

— Нет секретов. В Нагасаки. Консулом, в порту..

— А я последний рейс совершаю, фирма больше не нуждается в моих услугах... Поеду на родину, там есть в фьёрде островок и бунгало с яхтой.

Иван уловил такое разочарование в его голосе, что посочувствовал, и рука непроизвольно коснулась рукава ветровки.

День выдался суетливый, пока представился маленькому коллективу, пока вселились в квартиру, и Надя занялась благоустройством с кастеляншей, Иван осваивал свой кабинет, для него довольно просторный, как Россия, и улыбнулся. Потом дела, потом посетитель, да такой навязчивый, не знаешь, как избавиться, пришлось прибегать к хитрости... Он написал записку, о первых днях работы и факсом отправил в министерство. Из Москвы сыпались мелкие указания, советы, если всё это читать, на работу времени не останется. Коллектив не почувствовал смены и работал по налаженному графику. «И это очень хорошо, мы понимаем друг друга — отлично».

Где-то через неделю раздался звонок, за несколько минут до рабочего графика. Ваню, он же парикмахер, повар и весёлый человек, открыл дверь. Там стоял представительный пожилой человек в ветровке.

— Э-э, консул.

Он пропустил посетителя внутрь, провёл к кабинету.

— Иван Иванович, к вам иностранец.

Иван вышел и улыбнулся.

— Сэр, прошу, что привело вас к нам? Говорите по-английски, я пойму вас.

— Простите...

— Просто Ван.

— Хорошо, спасибо... меня сильно обидела фирма, попросили с корабля, без выходного пособия, без возврата их задолженности за три года работы.

— А как профсоюз поглядел на это?

— Я не член...

— Какая разница, а содружество моряков?

— Всё это красивые слова... К сожалению. Но я вольный человек и вправе выбрать себе защиту. Защитите, Ван, меня именем вашей страны.

— Хорошо, капитан Джек, наша страна возьмёт вас под защиту, хотя мне, откровенно скажу, не светило начинать отношения с Японией с этой тяжбы.

— Ваню! Устройте капитана в гостевую, оформите полную защиту.

— Считайте, что вы такой же гражданин России, как и все остальные. Теперь о предстоящем процессе. Надо знать досконально, кто вас лишил работы, мы подключим своего адвоката, чтоб дело не сунули в долгий ящик...

— Как это?

— А когда дела решаются десятилетиями.

— О, боже, только не это...

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

Андрей собрался, лишнее обмундирование и «Второй фронт» — консервы, отдал братьям, попрощался:

— Не помирайте, братья, держитесь за наш мир! Здоровья всем!

Он взвалил свой мешок, взял чемоданишко да резной посох, подарок умельцев, вышел на улицу, поклонился, как мог, и пошёл своим ходким шагом туда, на развилку, не питая надежды на попутку. До железки было вёрст двадцать, не мерянных. «Ладно, за четыре года столько пройдено и проползано на пузе... дотопаю» У развилки снял вещмешок, что-то муляло спину, вытер пот обшлагом кителя, а тут и далёкая музыка мотора послышалась...

— Ну-ну, брат, может попутка?

И точно, разгрёбаная в конце полуторка с бидонами молока чихнула и остановилась.

— Куда, соколик?

— О какой приятный голос, мадам, мне на Узловую.

— Садись... Какой же ты большой... вся кабина заполнена.

— Солдатка?

— У нас половина деревни солдатки, правда стало поменьше... Устали бабы ждать. У кого похоронки, у кого без вести... Молодых сманивают.

— А ты, стало быть — ждёшь?

— Знаешь, как тебя? Андрей, сама теряюсь... Восемь лет, как война закончилась, годы летят, а деток так хочется... Я уже и образ его забыла и карточку, в буфет спрятала. Да рази себя обманешь, так иной раз прижмёт, не знаешь куда, хоть в петлю...

— А я попытаюсь домой, столько запросов и молчание. Что там приключилось, в оккупации были...

— Всем нелегко, брат... Посиди, не взяла из дому ничего и угостить нечем...

— Езжай, выбери красивое место, у меня всё есть. Перекусим.

— Вот тут и ручеек есть...

Они вылезли, Андрей выволок свой мешок, устроились на самом обрыве, умылись, Андрей глянул на Анюту и как прозрел. Молодка в соку, красивые груди, выющиеся каштановые волосы, юбка из солдатской шинели не портила, а подчёркивала её молодость. Портили вкрай раздолбанные башмаки, не поймёшь что...

Анна заметила его взгляд..., как-то выпрямилась, закрутила в узел волосы, приколола парой шпилек, а он выставил на газетку всё самое вкусное.

— Давай, хозяйничай. Ты того, по глотку, как? Постов тут нет...

— А давай! Чего у тебя? Коньяк. Против нашей самогоночки, поди, и грушка...

Пригубили, закусили... «Вот то место, скажи кому, пальцем у виска крутить станут...»

Они спустились к ручью, где было сухое место, трава, как ковёр. Андрей, молоко скисает... Он просто повалил её на травушку... Что это было, сколько это было... Опомнились и скорее в машину, нагонять время... Успели, сдали молоко.

- Что делать станем?
- Так тебе до станции пару вёрст, подвезу.
- Ну нет!. Столько ждал, подождёт, едем в Третий дол.
- Гляди, не пожалей. У нас и работы нет... — но он закрыл слова поцелуем, и Анна залезла в кабину.
- Давай контакт, — Андрей крутанул ручку, воткнул её в распорку, мотор прочихался, запел свою песню, и они подались обратной дорогой.
- Анюты не было под боком, глянул на часы — пятый, рано, чего приключилось?
- Вышел в залу. Из кухни доносилась приглушенная речь...
- Всё, Гриша, выяснили, всё у нас честно, долго ждала, да доля принесла неожиданность, но какую! — Андрей вышел, приложился к кору, присел рядом с Анной.
- Этот?
- Да, Гриша. Всё, не будем врагами и пойми, пока тебя ждала — забыла тот глупый вечер... Было, не было... Иди, иди, мне скоро на работу.
- И мне пора определяться
- А ты не спеши, Андрей. Сходи на Второй дол, там ремонтная бригада.
- Замётано. Держи лапу, фронтовик, я перед тобой чист.
- Бригада как бригада, скорее мастерская у двух дубов. Гремел дизель, шла сварка, в будке почти без крыши повизгивал токарный станок, у суппорта стоял старичок, протирая засаленные очки.
- Привет, отец, не подскажешь, кто тут главный?
- Так считай, что нашёл. Я тут, как мартышка... Михалыч, дай, Михалыч, помощи. Где этот слепой чёрт, где детали? Понятно тебе?
- В общих чертах. Хочу к вам устроиться.
- А что ты можешь?
- Могу шить, могу долбить, могу точить, могу выковать.
- Ой, не брешь!
- А вы проверьте.
- И проверю, и замерю, на на блюдечке разберу!
- К вечеру, когда испытания прошли на ять, Михалыч молвил:
- Учти, не привык хвалить, но ты, Андрей, заслужил доброе слово. Завтра с утра и заступай на сутки. Остальное всё, по ходу дела.
- Его дома ждали. Анна в нарядном платье, в чулках фельдикосовых — ну чистая девочка!
- С чего начнём, жена?
- Та зарделась, как ранняя вишня. Она готова была на всё ради него, но сели за стол, Андрей сообщил новость.
- Ты гляди, Михалыч ещё тот фрукт.
- Понял, весь день экзаменовал. Завтра с утра на суточную...
- Она глядела такими глазами, что Андрей не доел, утащил в спальню...
- Он забежал в хату.
- Кто там шастает?
- Я, мама!
- Андрюшенька! А мне не может, сынок...
- Ты хоть ела?

— И-и-и, не помню... Дай нагляжусь... Мужик, отец вылитый...

Он слушал её глухой голос, жёсткая лапа сжимала дыхание...

— Встанешь, мама, или сюда принести?

— Принеси, сынок... я чуточку клюну, а ты иди, куда срочно надо.

Когда Андрей сходил, поздоровался с Десной и вернулся в хату, мама уже была в пути к Раю...

Попросил старушек, чтоб помогли в печальном деле, заказал гроб да крест временный.

С обеда и похоронили дорогую маму.... Он попросил соседку, чтоб поминали без него и быстро ушёл в район, сын должен быть в детдоме... Успел, подсказали, что дети на выпасе, в Корюковском лесничестве, а вот с последним автобусом разминутся, но и тут повезло, стоял на выезде, когда остановился «козлик».

— Вам куда?

— Хотя бы автобус нагнать...

— Садись, товарищ, подвезём.

Поблагодарив, Андрей устроился на заднем сидении и через минут десять догнали.

— Вы в Корюковку?

— Да, — ответил шофер и остановился. Он быстро зашёл в автобус, махнул добрым людям и поехали дальше.

— Вы не наш?

— Нет, мне в лесничество.

— Это хорошо, веселее идти. Я Макар, тамошний охранник.

— А я за сыном, в детдоме он.

— Нашёлся?

— Да, вот маму похоронил и бегом... — Вырвалось у него.

— Что зараза наделала... Век будем разбираться в дерьме, — откликнулся шофер, — Петька я, в армию не взяли, даже ездовым, покалечился ещё смалу.

— В район первый рейс когда?

— По расписанию в шесть, но уезжаем в половине пятого.

— Усёк, Петро.

Сына отдали и сопровождающего назначили, сменившегося Ивана, местного.

Подождали к остановке, а время около четырёх. Холодно утречком.

— А вы спуститесь к ручью, там кострище и дров полно.

Погрелись, когда заурчал мотор, они погасили костерок и поднялись, заняли место на заднем сидении, запрыгнул парень, подошёл к ним, присел, незаметно вынул свайку, кивнул. Андрей сунул инструмент за голенище и парнишка отошёл ближе к Петру.

На выездной остановке зашли трое.

«Они», — определил Андрей, прижал сына. Ожидали недолго, только тронулся автобус, как самый матёрый навалился было, но не успел выхватить нож, как свайка была под сердцем, он взвизгнул, как поросёнок, осел и успокоился...

Те двое выломали дверь и дали стрекоча.

— Поворачивай, Петро.

— А глянь, чего с Верой.

А Вера исходила кровью. Андрей молча задрал блузку и нашёл маленькое отверстие от укола шилом.

— Поищи верёвку, Петя.

Вдвоём они пережали проход, кровь успокоилась.

— Гони, друг.

Подлетели к отделению милиции.

— Срочно скорую! А вот это заберите себе. Вот мои документы, это свидетели схватки. Что у него на уме, а у меня ребёнок. Запишите адрес, где меня найти.

— Хорошо, товарищ полковник. Езжайте.

Добрались к сельсовету поздно, но самого председателя застали.

— Чем помочь... Андрей?

— Он самый... Яков Решетник? Ба, командир, жив... это отлично, скажу я тебе. Мало нас осталось... Ты как, здоровье есть? Коньячок употребляешь?

— По делу если... Как же ты выжил, Андрюха?

— Видать провидение, прошли мимо, чуть не наступили. А выбирался из тех дебрей больше месяца. Прибилось трое живых, так мы их тылы почистили, долго поди икалось.

— Давай по делу, потом покалякаем.

— А дело такое. Посылал пять запросов о родных, три в сельсовет, ни единого ответа.

— Разберусь.

— И вот — сына нашёл. Возьми, запиши адрес, где меня найти и помоги избу продать, или приспособь на нужды села. Нам некогда, нас ждут там.

— Всё сделаю, Андрюша. Держи, казак, цацку, нет поди ещё?

Федька увидал перочинный ножик и глаза загорелись... забыл и спасибо сказать. А Андрей открыл заплечную суму, достал бутылку коньяка и консерву, намазал бутерброд сыну.

— Ну будь, командир, живи долго!

— Так теперь ты обскакал, — с улыбкой ответил Яков и сказал: «Будьмо!» и опрокинул стопку.

— Адрес есть, может лёгким ветром?

— Понадеемся.

Они собрали остатки еды в вещмешок, собрали все мелочи в дорогу, подпёрли дверь колышком и ушли на полустанок.

— Гляди, Федя, какие просторы нам с тобой обживать... Глянь сюда, видишь полуторку?

— Мама!

Они выскочили на деревянную платформу и Федька побежал навстречу спешащей Анне:

— Сыночек, где ж ты потерялся так надолго?

А тот тихо ревел, прижавшись к ногам мамы...

— Ничего, мои дорогие, главное, что нашлись, — обнял их Андрей.

— Это что у тебя на ножках?

— Так растоптались в нашем грунте.

— Снимай, — он вытащил из коробки розовые лодочки на среднем каблучке, как раз под цвет её блузки, сам надел, отошёл и удивился, как туфельки преобразили Анюту.

— Давай запускай свою кормилицу.

Та юркнула в кабину, Андрей крутанул, машина довольно зачихала, заурчала. Андрей забрался, посадил Федю, и они двинулись...

— Надо бы горяченького, завернём в столовку?

— Нет, гони, к нашему ручейку.

Она глянул задорно на Андрея и нажала на газ,

Быстро развели костерок, перекусили тем, что было, и спустились к ручейку, к тому месту, где им было так хорошо.

— Всё, семейство, пора домой!

Андрей пришёл на смену, а у станка Гриша:

— Привет, собрат! Тебя, гляжу, девчата окружают...

— То так, двоюродной дочка.

— Ну да, десятая шкурка на киселе... Глянула на меня, хоть хвост в карман и следом, на край света. Счастливчик...

— Издеваешься?

— Нет, на самом деле такая уведёт!

— Вот дурёха, она мне нравилась, ещё когда девчонкой бегала. Я и к Анне подвалил, чтоб ближе к ней быть...

— Ну ты и ласень...

— Во теперь что делать?

— Так брать надо, пока не увели!

— Я на пять минут...

— Беги уж, работничек.

Гриша вернулся через часик. Весь как в лихорадке.

— Иди от станка, что случилось?

— То и случилось... Притронулся, так сама, всё сама...

— Ну, орёл!

— Завтра к сестре пойду.

— Беги сейчас, а уведут?

За Гришей только двери хлопнули...

Андрей не разгибался до утра, сваривал стойки для высоких кузовов. Потом точил и строгал сложную деталь трактора, на которой уже шва сварочного негде поставить.

Гришка появился почти к концу смены.

— Всё, распишут в пятницу, свадьба в субботу. Будешь посаженным?

— Буду, солдат.

21.01.21

*Мария Дьяконова
(Россия, Санкт-Петербург)*

КАК ЖИВЕТСЯ НАМ В САНСАРЕ

Так себе живётся, в основном, все бегаем...

Я разговариваю с одним уставшим до крайности человеком, голос хриплый, заложен нос, в лёгких ощущается огромное напряжение, видимо болеет бронхитом...

Слова абсолютно противоречат тому, что рассказывает мне голос.

Голос говорит о том, что передо мною человек, взваливший на себя огромную ответственность, которую тяжело нести. В душе его живет непрожитая обида.

Гордость уязвленная, лейтмотив «мы сами — с усами», все могу сам, но вот только, тело говорит иначе. О чем? Об ожидании волшебства, которое позволит снять груз с плеч, души и даст свободу.

Историю слышу знакомую, встречаются мне очень и очень часто: чтобы выжить, прокормить семью, мы бросаемся делать всё подряд, таксуем, выгуливаем чьих-то собак, делаем массаж лица и шабарим тамадой на свадьбах, и то, и это, но почему-то все усилия не срабатывают. А хочется ведь пиццы для души, реализации.

Я, знаете ли, не исключение, однажды, сама так пробовала: быстро двигать лапками, чтобы не уйти ко дну.

Когда мы живём в сансаре и вращаемся бешено по кругу, совершаем много лишних движений, лишних действий, проворачивая в голове бесконечную киноленту видений и мыслей, трудно бывает вспомнить о том, как поступать правильно.

Если обратиться к фильмам про выживание, чтобы спастись — надо успокоиться, дойти до дна, затем сильно оттолкнуться.

«Ну, конечно, у меня на руках дети... жена... мама... родители... сестра или брат... собака, я не могу идти ко дну».

На этом, как правило, всё замыкается в заколдованный круг.

Мы слишком не доверяем пространству, Богу, потоку. Мы считаем себя умнее.

Гордость не позволяет нам попросить помощи (мы же не нищие и тому подобное). Хотя многие из нашего окружения нам бы её оказали.

Правда, для этого нужно верить, что мир не без добрых людей. И понимать, что просить помощи — это нормально, и не роняет вашего достоинства.

Помощь бывает не только материальной, хорошая умная подруга, может не хуже аналитика выслушать и помочь разобраться. Главное же в этой истории, её корень, в каком-то одном ложном убеждении.

И почему-то мы не помним, что именно оно ввергло в беды, заставив отказаться от себя настоящего.

Ты настоящий умеешь делать немало полезных вещей, вещей, в которых ты хорош.

Может не надо от них отказываться, а просто взять время и понять чего же ты хочешь по самому большому счету? Чем будет твоё главное наследие для других?

Если есть то, в чём ты хорош, это может стать твоим наследием, возможно проще отказаться от ложных, мешающих убеждений?

Например, исключить из лексикона фразу «я не могу...»

Мне кажется, так и проявляет себя сансара, важное, сущностное, ценное, заменяется пустой суетой, бессмысленными движениями, не осознанными действиями.

Что делать, спросите вы? А я отвечу — выходить из заколдованного круга!

Доверять, верить в людей, слушать голос души.

А не можете сами, не стыдитесь позвать на помощь, прошу вас.

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

«ДВЕ ОЛЬГИ — ДВА ОЛЕГА»

Осень — счастливое время для художника. Я очень любил рисовать природу в это время. Особенно мне нравился октябрь: когда почти вся листва покидает ветви деревьев, и через оголенные места видны небо и пейзаж далеко позади стволов. Вся эта волшебная картина черных линий ветвей и туманной голубой дали вызывает у художника большой прилив творческой энергии. Многие художники уходят в парки, выезжают за город, а мне, в девяностые годы, нравилось рисовать на Смоленском кладбище Васильевского острова. Кладбище было заброшенным, центральная часть еще хранила какой-то порядок, а по краям, ближе к дорогам, была полная разруха. Эта разруха давала определенное очарование пейзажу: затопленные могилы, кустарник, камни, кое-где части разрушенных памятников, разбитых склепов. Вечером все это обито красно-оранжевым светом заходящего солнца; утром другая картина — голубой туман постепенно снимает занавес с видимой картины. Со стороны речки Смоленки, справа находилось надгробие в виде креста — памятник умершему от ран командиру полка в Первую Мировую войну. Этот крест, обвитый плющом и прикрытый кустарником, с поредевшей листвой при вечернем солнечном освещении являл собой чудесную картину. Не менее двадцати этих пейзажей были мной потом исполнены. Немного подальше старые захоронения были уничтожены, и на их месте появились новые памятники. Особенно были заметны два черных мраморных памятника. Один простой, вертикальная плита с золотым тиснением портрета погибшего солдата и краткой надписью. Другой похож на мавзолейный вход классической архитектуры — молодого человека и пожилого мужчины с портретами и витиеватой надписью. По субботам около этих могил я видел двух нестарых женщин. Одна — высокая, прямая в черном платье. Другая — маленькая полная в темном костюме. Они приходили в одно и то же время, приносили одинаковые цветы и, постояв минут десять у могил, вместе шли к выходу. Я на них мало обращал внимания — занимался своим творчеством.

Но однажды в субботу я пришел раньше обычного. Сделав свою работу, выходил с кладбища вслед за этими женщинами. За воротами кто-то тронул меня за рукав и назвал по имени. Я обернулся и увидел знакомое лицо учительницы, с которой раньше работал в школе. Мы разговорились. Вспомнили школу, коллег, веселые и печальные истории из нашей жизни. Не спеша подошли к выходу с кладбища. У цветочного киоска моя коллега мило поздоровалась с двумя моими незнакомками в темных платьях. Я заинтересованно спросил: «Откуда вы их знаете?». Она удивленно на меня посмотрела и сказала: «Разве вы не узнаете этих подруг?

Они учились у вас». Я еще раз посмотрел на этих женщин и ответил отрицательно. «Если не помните — я расскажу о них», — ответила она и принялась рассказывать довольно длинную историю.

Две Ольги, так звали подруг, с самого детства жили недалеко от метро, в угловом доме, где был магазин «Белочка». Там же, с послевоенной поры жила семья моей знакомой учительницы. Одна из подруг была высокой, статной, симпатичной и ее все звали — «Большая Ольга». Другая — маленькая, полная, невзрачная, получила на всю жизнь прозвище — «Маленькая Ольга». Жили они в одном подъезде дома, но на разных этажах. Большая Ольга — на 5-м, а Маленькая на 3-м. Их мамы водили в один детский сад, потом в одну школу, даже в один класс. Родители дружны не были. Но при встрече дружелюбно здоровались. Большую Ольгу воспитывала одна мама, а про отца говорила ребенку, что он живет в другом городе и придет к ней, когда она вырастет и закончит школу. Каждый год, в свой день рождения девочка спрашивала: «А папа привезет мне подарок?». Но со временем эти вопросы звучали все реже, а потом и вовсе были забыты. Ее мать работала на табачной фабрике недалеко от дома. Она была простой рабочей в цеху. Зарабатывала немного, но ребенок всегда получал подарки на День Рождения и к Новому Году. Жили они в коммуналке, их соседями были две пожилые женщины. Особых разборок на кухне не возникало. В квартире была спокойная жизнь. Одна из соседок всегда держала кота и кошку, и Большая Ольга часто играла с ними на кухне. Мать много курила, но при ребенке воздерживалась от этой дурной привычки. Часто по ночам, особенно к утру, она долго и надрывно кашляла, поэтому пила какие-то большие белые таблетки. Это девочка хорошо запомнила. В школе училась она «средне», «2» и «5» в ее дневнике почти не было. Среди сверстников выделялась только на уроках физкультуры: физические упражнения давались ей легко. Учительница физкультуры предложила ей заняться волейболом и баскетболом. Месяца три она походила в эти секции, а потом забросила. Но побывав летом в пионерском лагере, Большая Ольга заразилась настольным теннисом. Никто из подруг, ни в школе, ни во дворе, ни в лагере, не мог у нее выиграть. Несколько лет она занималась этим видом спорта, получила звание мастера и часто ездила от города на крупные соревнования. Вся стена над ее кроватью была увешана грамотами и дипломами. Мать очень гордилась своей дочкой и приглашала часто своих подруг к себе на чай, чтобы похвастаться наградами своей любимицы. Окончив школу, Большая Ольга хотела поступить в институт Физкультуры, но в последний момент передумала: ее испугала скучная жизнь учителя или тренера. Ей хотелось чего-то необычного, и она поступила в техникум Связи на какую-то «непонятную» специальность, связанную с ремонтом аппаратуры.

Однажды, в техникуме праздновали Новый Год, и на вечер танцев пригласили курсантов из мореходного училища. На этом вечере она и познакомилась с Сашей — высоким, красивым парнем. Последние два года, до окончания училища, они были всегда вместе. Саша часто у них ночевал, и все соседи решили, что после окончания училища молодые поженятся и уедут вместе на новое место службы. Но какой-то злой рок висел

над семейной жизнью матери и дочери. Мать всю жизнь была одинока и дочке выпал такой же жребий. После получения офицерского диплома, Саша предложил Большой Ольге подождать у ворот училища, и, сославшись на какое-то невыполнимое дело, исчез... навсегда. Девушка попыталась выяснить, куда делся возлюбленный, но оказалось, что Саша женат, и она была ему нужна для временных утех. Молодая женщина, через пять месяцев родила здорового крепкого мальчика, которого назвала Олегом. Почему — Олегом, она и сама не могла бы ответить. Так, с детства помнила сказки Пушкина о богатырях; красивые рисунки в книгах запомнились. Поэтому и назвала. Очень хотелось, чтобы ее сын стал таким же былинным героем. Через два года после рождения сына у нее умерла мать — рак легких! Большая Ольга осталась с ребенком одна, не на кого было опереться, поплакаться в трудную минуту. Она была маленькому Олегу и матерью, и бабушкой, и отцом.

У ее подруги, Маленькой Ольги жизнь была иная. В семье она была единственным, горячо любимым ребенком. Маленькая и пухленькая — девочка была похожа на своего отца — невысокого толстого мужчину. Лысина и грубая щетина — не делали его неприятным. Он имел слабое зрение и всегда носил большие роговые очки. Это был добрый спокойный человек, который очень любил свою маленькую дочурку. По вечерам, отец и дочка, сидя на уютном диване, рассматривали красочные книжки. Часто Маленькая Ольга гладила папу по голове и серьезно говорила: «Ты у меня как ежик, только, наоборот, у ежика головка в иголках, а низ голый, а у тебя головка голая, а борода в иголках!». Эти высказывания ребенка очень смешили отца. Мать тоже любила ребенка, но больше всего ее интересовало собственное здоровье: она часто болела, ходила по врачам, читала медицинскую литературу и все выискивала у себя новые признаки будущих заболеваний. У нее была приятная внешность, но настороженный взгляд и какая-то нервозность отталкивали от нее людей. Родители девочки работали на кондитерской фабрике. Каждый день родители приносили своему чаду что-нибудь сладкое: пирожное или шоколадку. Когда Маленькая Ольга выросла, ее решили учить музыке. Купили пианино, пригласили учителя. Первое время девочка усердно стучала по клавишам, но потом музыка надоела, и она забросила это занятие. Правда, иногда садилась за инструмент и пыталась исполнить что-то вроде собачьего вальса. Пианино занимало много места и вскоре его продали. Зато купили маленькую скрипку. Но и с ней ничего не получилось, и инструмент нашел себе прибежище на верхней полке шкафа. Отец приносил дочке яркие книжки-раскраски. Девочка полюбила мазать страницы разными красками, и родители решили, что она будет художником. Ей купили много всяких принадлежностей для рисования, водили на занятия, где ее часто хвалили за усердие. А однажды ее новогодний рисунок вывесили на детской выставке. Дома ей отвели небольшой угол, где поставили специальный стол для рисования; на полочках, рядом, лежали книги, альбомы по рисунку и живописи. Не прошло и двух месяцев, как и это увлечение, было забыто. Девочку интересовала только улица и подружки во дворе. В школе Маленькая Ольга ничем не выделялась, училась средне, на уро-

ках скучала. Она имела миролюбивый, спокойный характер, поэтому ни с кем не ссорилась, но и подруг, кроме Большой Ольги, не было.

Незаметно пролетели года. Девочки закончили школу. Отец Маленькой Ольги, через своих знакомых, устроил ее в финансово-экономический институт. Но там учиться она не захотела, слишком много надо было трудиться. Тогда родители пристроили ее к себе на фабрику учетчицей. Ей это тоже было не по душе, но работать по семь часов в день привыкла. Зато Маленькая Ольга любила танцы и могла танцевать без отдыха весь вечер. У девушки появилось много таких друзей, которые не задумывались о завтрашнем дне, а просто порхали по жизни. Первый аборт она сделала в восемнадцать. А дальше — хуже: почти каждый раз после танцев, приходила домой поздно и навеселе! Тогда родители решили — срочно выдать ее замуж. Но устроить семейный уют такой бедовой девице было довольно сложно. Несколько претендентов получили отказ от разборчивой девушки. Она, как гоголевская героиня, находила массу неприятных черт в своих женихах: то слишком скромн, то мал ростом, то некрасив. Наконец, она сама нашла своего избранника. И где бы вы думали? На базаре! Он торговал фруктами на Сенном рынке. Девушка его увидела, и... влюбилась с первого взгляда. Около месяца она покупала у него фрукты. Молодые люди сначала обменивались незначительными фразами, а потом познакомились. Рустам был высоким, красивым парнем — азербайджанцем. На Сенном рынке он торговал вместе со своим отцом, который содержал небольшой магазинчик с мясными продуктами. У них в роду все были торговцами, поэтому и Рустаму была приготовлена такая же участь. Парню нравилось работать за прилавком: он был в центре внимания. В кармане всегда хрустели «наличные». Одним словом, жизнь удалась! Жили они за городом, где отец купил часть деревянного дома, сделал пристройку, перевез из далекого Азербайджана небольшую семью — мать, жену, сына и дочь.

Сначала Маленькая Ольга скрывала своего жениха от родителей и знакомых. Но «шила в мешке не утаишь»; так и ее знакомство с красивым азербайджанцем выплыло наружу. Она привела Рустама к себе домой и познакомила с родителями. Отец ее парня принял «запросто» — похлопал по плечу, задал несколько незначащих вопросов, и они стали друзьями. Но мать была другого мнения о женихе: «Чтобы ее дочь связалась с каким-то черномазым торгашом?». Этому никогда не бывать! Но ее никто не слушал, при появлении Рустама, она демонстративно уходила на кухню или к соседям, не забывая при этом погромче хлопнуть дверью в знак возмущения. Вскоре сыграли свадьбу. Молодые первое время снимали комнату в городе, но это оказалось довольно дорого. Родители Маленькой Ольги разделили свою большую комнату перегородкой: получилось два небольших, но довольно удобных помещения с маленьким коридорчиком. И все было бы хорошо, если бы не поведение матери: она не разговаривала со своим зятем, здоровалась «сквозь зубы», а с его родителями в первую же встречу поругалась. Неприятная женщина! Но молодые на нее мало обращали внимания, у них было свое гнездышко, на сторону родителей они не заходили.

Как и положено, через девять месяцев Маленькая Ольга родила сына. Ее отец был в таком восторге от появления наследника, что не отходил от внука и делал всю материнскую работу: стирал, сушил пеленки, бегал по магазинам и покупал нужные продукты, сидел с коляской во дворе. Ему нравилось, что ребенок был похож на него. Единственное отличие — темные глаза, вместо его серых. Назвали ребенка Олегом. Почему? Никто не знает. Видимо, Маленькая Ольга у своей подруги, Большой Ольги, позаимствовала это имя. Ребенок родился маленьким, но довольно здоровым. Если что ему не нравилось, то крик был слышен по всей квартире. Мать Маленькой Ольги без особого восторга встретила появление внука, но постепенно привыкла к ребенку. Рустам, как и положено южному мужчине, тянул все финансовое обеспечение на себе, и обещал жене, что через два-три года купит квартиру. На рынке, к мясному магазину отца он прикупил небольшое помещение. Теперь у них было два отдела. В бакалейном — командовал Рустам, а в мясном — его отец.

Маленький Олег потихоньку рос, не доставляя никому особых хлопот. Был всеобщим любимцем в семье. Отец Рустама очень любил нянчиться с внуком. Когда мальчик обнимал его слабыми ручками и целовал в небритую щеку, то у деда невольно увлажнялись глаза от любви. И все было бы хорошо, если бы не смерть отца Маленькой Ольги. Безобидный, добродушный человек ушел из жизни также незаметно, как и жил. Утром вышел во двор, сел на скамейку, достал газету и... замер. Соседи на него сначала не обратили никакого внимания, но когда тело медленно сползло со скамейки — почувствовали неладное и вызвали скорую помощь. Приехавшие врачи только развели руками и отвезли мужчину в морг. Похоронили на Смоленском кладбище. Все немного поплакали, да и забыли этого тихого человека.

Мать Маленькой Ольги замкнулась в себе. Стол и шкаф в ее комнате были заполнены всякими книгами и журналами о здоровье. Она разговаривала только о том, что у нее болит и как лечить эту «заразу».

Маленький Олег потихоньку рос: сначала в садике, потом в школе. Как и его мама, хорошими оценками родителей не радовал, но был твердым «середнячком». Мать пробовала записывать его в различные кружки, но сын ничем не интересовался. Правда, один кружок «Шашки» он посещал около года. Но и тот ему надоел. Больше всего любил, как когда-то и его мать, играть во дворе с друзьями, просто так отдыхать и ни о чем не думать. Больше всех он дружил с Большим Олегом, который был ему как старший брат и защищал от нападок сверстников. В конце восьмидесятых их семья переехала в отдельную двухкомнатную квартиру. Школу он не поменял и закончил ее со своими друзьями. Когда его спрашивали: «Кем он хочет быть?», он только улыбался и молчал. Ни одна профессия его не интересовала. Ему было хорошо жить с родителями, а «большая жизнь» за воротами школы его просто пугала. Дед и отец решили все за него. Направили свое чадо в институт торговли. Юноша не сопротивлялся их решению и за определенные деньги, был устроен в это учебное заведение. В институте он тоже не блистал особыми талантами, но на тройки учился твердо. Зато на всех вечеринках Маленький

Олег был в центре внимания: хорошо танцевал, приятен в общении, всегда имел карманные деньги, на которые часто угощал своих друзей. Некоторые его знакомые имели свои машины, на которых «с шиком» подъезжали к зданию института. Маленький Олег тоже просил отца и деда купить какой-нибудь автомобиль. Дед, любивший своего внука, пообещал подарить неплохую машину, но с условием, что внук окончит первый курс без задолженностей. Так и сделал. Права на вождение помог получить отец; он сам несколько раз пытался честно сдать эти экзамены, но безуспешно. Потом нашел одного знакомого и через него получил желанный документ. Точно также, сделал «корочки» своему сыну. Когда был закончен первый курс, дед с внуком поехали за город к одному знакомому и приобрели не новенькие, но довольно приличные «жигули» шестой модели. В то время эта машина высоко ценилась на рынке. Внук был счастлив. Наконец-то и он может свободно и лихо подъезжать к институту и катать своих подружек.

Жизнь его друга, Большого Олега, безоблачной и радостной не назовешь. Ему с детства приходилось преодолевать трудности жизни и надеяться только на себя. Он был веселый, крепкий — хороший спортсмен. С третьего класса занимался борьбой, а в пятом перешел в секцию бокса. В спортивной жизни были успехи, но небольшие. К концу школы Большой Олег имел первый спортивный разряд по боксу, а на мастера не хватало ни сил, ни удачи. Но он этим не расстраивался, главное, во дворе и в школе все ребята видели в нем отчаянного и сильного бойца. В детстве он хотел быть смелым пожарником, знаменитым летчиком, хитрым и умным сыщиком. А вот моряком...? После того, как мать рассказала ему о поступке его отца, Большой Олег просто физически не мог находиться рядом с людьми в морской форме. На улице мальчик старался не замечать их. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он попытался поступить в Аэроклуб на летное отделение. Но, увы, на медицинской комиссии его забраковали из-за слабого зрения левого глаза. Правый глаз показал единицу, а вот левый всего ноль семь. Мечта об авиации сразу отпала, и юноша решил поступить в Рязанское воздушно-десантное военное училище. Он перечитал много литературы о десантниках, пересмотрел все известные фильмы о них. После окончания школы, в Военкомате, написал заявление о поступлении в это училище, прошел первую медкомиссию, а на второй, основной, снова был отчислен из-за зрения. Тогда Большой Олег подошел к председателю медицинской комиссии и спросил: «В какое училище я могу пройти медкомиссию?». Врач-подполковник внимательно изучил все его документы и назвал несколько военных заведений. Одно из них, военное ракетное училище — понравилось, и он написал туда заявление о приеме. Это училище находилось в Ленинграде, и мать была довольна, что сын будет учиться рядом с домом. Конкурс был небольшой, и юноша считал себя почти принятым. Но судьба сыграла с ним злую шутку. После сдачи всех экзаменов, его вместе с матерью, пригласили на собеседование. И там, чисто выбритый, «зализанный» майор прямо сказал им, что по всем показателям юноша им подходит, но училище в данный момент испытывает большие финансовые трудности, поэтому им надо вне-

сти за поступление пятьдесят тысяч рублей. Сын и мать были просто ошеломлены таким заявлением. Самое дорогое, что у них было — тонкое золотое кольцо на пальце у матери. Никаких сбережений они не имели. Взять займы такую сумму... тоже немыслимо. Таких добрых родственников просто не было. Расстроенные и униженные покинули они территорию военного училища. Наступили новые времена для России! Деньги открыто стали играть главную роль в жизни страны.

Через месяц Большого Олега отправили в армию, как он и хотел — в воздушно-десантные войска. Первое письмо сын прислал матери через два месяца; писал, что учится в школе сержантов, и после окончания будет направлен в войска, командиром отделения. Больше писем не было, но через три месяца, рано утром в квартире раздалось два резких звонка. Мать бросилась к двери — на пороге стоял ее сын: высокий, красивый солдат, правая рука была перевязана. Мать обхватила его за шею и заплакала навзрыд. Сын почти втащил ее в комнату и аккуратно посадил в кресло. Немного успокоившись, мать стала расспрашивать, что с ним случилось. Большой Олег без всяких эмоций, спокойно рассказал, что после окончания сержантской школы получил направление на южную границу, где начиналась настоящая война. В одной из стычек с врагом был ранен в руку, лечился в госпитале, получил отпуск на целый месяц, потом ему надо будет пройти медкомиссию и снова отправиться в армию. Мать с надеждой спросила его: «А если ты не пройдешь медкомиссию?». На что сын небрежно ответил: «Рана легкая, поверхностная, кость не затронута. За месяц рану затянет, и следа не останется. Да и что я буду здесь делать? Я привык к армии». Большой Олег ходил в госпиталь на уколы и прогревания, а остальное время — в кино, валялся с книжкой на диване. Девушка, с которой он дружил до армии, его быстро позабыла и вышла замуж за курсанта-моряка. Эта черная, ненавистная ему форма с золотыми якорями снова «перешла ему дорогу». Когда он увидел их вместе, первое желание было избить обидчика. Но благоразумие взяло верх. «Какой смысл кого-то калечить? От судьбы не уйдешь», — подумал он и отвернулся от этой парочки. Они его даже не заметили.

Однажды, поздно вечером, позвонил телефон; женский приятный голос сообщил ему, что она медсестра из госпиталя, и звонит по поручению раненого солдата, который с ним служил раньше. И что если у него есть желание увидеть своего знакомого, то пусть приходит завтра во второе отделение к «такому-то». Утром следующего дня Олег был у постели своего сослуживца. Довольно печальную картину увидел он: солдат его отделения беспомощно лежал на кровати с ампутированными ногами. Он пытался улыбаться, но вместо доброй улыбки на его лице появлялась кривая усмешка. Тихим, хриплым голосом раненый рассказал, что после отъезда Олега, их воинскую часть «перебросили» далеко в горы, где были частые стычки с горцами. При прочесывании леса он подорвался на растяжке и лишился ног. Ребят из его отделения почти всех убили. Печальную картину нарисовал раненый солдат своему бывшему командиру. Из госпиталя Олег вышел задумчивый и растерянный. Мать увидела резкую перемену в сыне и все допытывалась: «В чем причина?». Но сын молчал.

Месяц отпуска пролетел быстро. Рука зажила. Медицинская комиссия была пройдена. Олег получил документы в военкомате. И на следующее утро мать и сын были на вокзале. Вместо веселого Олега на перроне перед матерью стоял солдат с хмурым напряженным лицом. Ничего не говоря, он поцеловал сухими губами ее щеку, и, не глядя на растерянную женщину, быстро исчез внутри вагона. Матери стало страшно. Какая-то странная боль сдавила ей грудь. «Я его больше не увижу», — мелькнула неприятная мысль. Она хотела рвануться за сыном в вагон, но ее вежливо отодвинули в сторону: дверь закрылась, и поезд тронулся. Как пришла домой — не помнила. Ей так хотелось увидеть улыбку, услышать: «Я вернусь скоро, мама!», но вместо этого — напряженное чужое лицо и молчание.

Два месяца от сына не было писем. Мать похудела, подурнела. Вместо высокой, полной, статной женщины все видели нервного худого человека. А сын все молчал! Она не выдержала и пошла в военкомат. Там ее вежливо выслушали, пообещали все выяснить и позвонить. Через некоторое время ее вызвали в военкомат и сообщили, что подразделение, где служил ее сын, попало в засаду, понесло большие потери, но ее сына в списках погибших и живых нет; такое бывает на фронте; солдат может попасть в плен. Надо просто ждать. Время покажет! Напуганная, раздавленная она приплелась домой. «Что делать? Кому звонить? У кого узнать?», — мелькнули мысли. Мать выписала телефоны всех знахарей, ясновидящих, колдунов. Всем перезвонила, ко многим ходила лично и везде слышала одно и то же: «По земле он не ходит, в земле не лежит. Надо ждать. Может что-нибудь прояснится».

Прошел еще месяц, и женщину пригласили по телефону в военкомат. Она понимала своим женским чутьем, что произошло страшное и непоправимое; но ей не хотелось верить в трагический исход событий. Ночью приснился странный сон: она попала в какой-то непроходимый лес; трудно было идти, ветви и корни цеплялись за нее. В тумане она видит сына, который протягивает ей руки, отчетливо слышит слово «Мама!» Она устремляется к сыну, но его фигура исчезает в сером тумане...

В указанное время Большая Ольга была в военкомате. Дежурный офицер с каким-то сожалением посмотрел на нее и указал комнату, куда ей надо было пройти. В коридоре у дверей сидели две женщины в темных одеждах: одна из них тихо плакала, другая смотрела в одну точку и как-то странно раскачивалась. Страшное предчувствие еще с ночи не отпускало Ольгу. Она знала, что за этой дверью ей скажут ужасную весть, и ее жизнь будет уничтожена этими словами. Женщины тихо входили в комнату. И также тихо выходили, одной рукой держали пачку каких-то бумаг, другой — закрывали лицо. Подошла ее очередь. Ольга вошла в комнату. В большом светлом помещении за столом сидел чисто выбритый, толстый майор. Он встал, и каким-то равнодушным голосом стал говорить, что ее сын погиб при защите своей Родины, посмертно награжден орденом «Красной звезды», захоронение будет за счет государства, на Смоленском кладбище через два дня. Автобус заедет за ней утром в день похорон. Он дал ей кипу всяких бумаг, по которым она должна

получить всякие компенсации от государства за смерть своего сына-кормильца. Еще он достал из стола листок, на котором был написан номер телефона и фамилия солдата — свидетеля смерти ее Олега. Она дрожащими руками сунула всю эту кипу бумаг в сумку и неверной походкой вышла из кабинета. «Только бы не упасть, только бы дойти до дома», — думала Ольга. Ни слез, ни истерики не было. Она еще не могла понять, что тот единственный, любимый ее ребенок, которого она вырастила, и надеялась, что он будет опорой в старости — мертв. Как оказалась дома — не помнит! Ноги сами ее принесли в квартиру. И только когда она заперла дверь комнаты, страшная весть о смерти сына полностью овладела всем ее существом. Она упала на кровать, сунула в рот платок, чтобы соседи не слышали отчаянного крика матери, потерявшей единственного сына... Часа через два она немного успокоилась, нашла бумагу с телефоном сослуживца ее сына и позвонила. Солдат хриплым, тихим голосом сказал, что он вместе служил с ее сыном, и все расскажет о нем завтра, когда они встретятся.

В десять утра позвонили. Она открыла дверь. На пороге стоял щуплый, невысокого роста парень с перевязанной левой рукой, а правой здоровой рукой он опирался на палку. Она пригласила его войти. С трудом перешагнув небольшой порожек, он направился в комнату. Ольга помогла ему сесть на стул, предложила чаю, но солдат отказался и попросил простой воды. Его рассказ был сбивчивым, и она с трудом понимала его содержание. Солдат рассказал, что их группу из десяти человек под командованием ее сына направили через перевал спуститься в ущелье и проверить дорогу, идущую в долину. Они, не встретив противника, благополучно спустились к ущелью, и там, где начиналась узкая дорога, их командир, Олег, засомневался и отправил вперед двух солдат для проверки пути. Те вернулись и сказали, что там все чисто, но дорога очень узкая и длинная, и что если там есть противник, то он небольшими силами может уничтожить много наших солдат. Тогда ее сын еще раз проверил донесение разведчиков. То, что он увидел, сильно его смутило: дорога была узкая, не более двух-трех метров шириной, с одной стороны отвесная скала, с другой — обрыв, метров на сто. За обрывом был каменный карниз, покрытый густой растительностью. Если вступить на эту дорогу днем, то противник расстреляет солдат в упор, если идти ночью — тоже верная смерть: дорога вся пристрелена чеченцами. Но приказ есть приказ. Большой Олег, надеялся на русское «авось». Солдат предупредил, что если враг откроет огонь, — бежать как можно быстрее с опасного участка. Первые пятьдесят метров они прошли спокойно, а дальше, сверху на них полетели гранаты, в упор стреляли автоматы. Олег был впереди, у него под ногами взорвалась граната, и его тело отбросило в овраг. Его самого, взрывной волной швырнуло на отвесную стену скалы, а взрывом второй гранаты бросило в овраг. Как он остался живым — не может вспомнить. Пришел в себя только в госпитале. Наши эту разведгруппу искали, но нашли только девять изуродованных тел. Командира, Олега, посчитали пропавшим без вести. Только через пять месяцев были найдены останки солдата — это и был Большой Олег.

Большая Ольга была сильной женщиной, но то, что она испытала за последние шесть месяцев, подорвало ее здоровье. Нервные срывы, слезы, головокружения преследовали ее почти каждый день. Она не знала, хватит ли у нее сил выдержать похороны сына. Подруг у нее не было, кроме Маленькой Ольги, но та была где-то далеко на юге.

Вечером позвонили из военкомата и сказали, что утром за ней приедет автобус; сначала они поедут в морг за телом, а потом на кладбище. Ночью Ольга не могла спать, и лежа в кровати, вспоминала, как появился ее сын, как она его растила, водила в ясли, в садик и все... все, что было связано с Олегом.

В десять утра приехали два автобуса: один большой с солдатами, другой маленький — для похоронных процессий. Морг был около железнодорожного вокзала, он не был похож на больничное помещение, а скорее на склад, забитый большими ящиками — гробами. Она подошла с офицером к стеллажу, на котором вплотную друг к другу были поставлены цинковые гробы. «Как на параде», — мелькнуло у нее в голове. Офицер проверил документ и указал солдатам на нужный. Те с трудом вытащили его и понесли в другой конец морга, где находились большие полированные из дерева ящики-гробы. Аккуратно поместили цинковый гроб в деревянный саркофаг, забили и с большим трудом перенесли в автобус.

В Большой Ольге теплилась еще какая-то надежда, что там лежит кто-то чужой, а ее сын где-то в госпитале. Сквозь слезы она сказала это офицеру. Но тот тихо и сочувственно сказал: «Нет! По документам сержант такой-то». Эти слова отняли ее последнюю надежду. На Смоленском кладбище было пустынно, солдаты бряцали оружием и тихо между собой разговаривали. Серое небо и мелкий дождь дополняли печальную картину. Гроб принесли к яме, офицер достал бумагу и по ней что-то быстро прочитал; раздался ружейный залп, стоя испуганных птиц пронеслась мимо. И наступила тишина. Гроб опустили, тяжелые глиняные комья глухо падали на его крышку. Вскоре могильщики сделали аккуратный холмик, на него положили три недорогих венка. Обряд похорон был закончен. Офицер предложил отвезти ее домой. Она отказалась, сказав, что живет недалеко и хочет побыть одна на кладбище. Все уехали, а Большая Ольга еще долго стояла у свежей могилы, где были зарыты все ее будущие надежды и мечты.

В это время Маленькая Ольга со своим мужем наслаждалась райской жизнью на Канарах. Теплое море, горячий песок пляжа делали ее жизнь безоблачной и радостной. Они неделю пробыли на курорте, перезнакомились почти со всеми отдыхающими. Одним словом, весело и беззаботно проводили время. Но их отдых нарушила телеграмма: «С сыном неприятности. Приезжайте. Мама». Ольга сначала встревожилась, но потом — обиделась на мать. «Из-за каких-то мелочных проблем прерывать отпуск на юге! Да она о нем мечтала весь год! Может быть, Олег с приятелями что-нибудь натворили; так эти проблемы решим, когда приедем», — думалось ей. Но на следующий день пришло страшное известие: Олег погиб в автомобильной катастрофе. Маленькая Ольга с мужем, вернулись в дождливый Ленинград. Их встретила мать; плача и сбивчиво она рас-

сказала, что два дня назад Олег поехал отмечать день рождения своей девушки на дачу под Выборг. Там они, видимо, «хорошо» выпили, и Олегу надо было бы хорошо проспаться перед дорогой, но он не хотел пропускать занятия в институте. На одном из опасных поворотов, где часто «бьются» шоферы, его машину выбросило на встречную полосу, и она столкнулась «лоб в лоб» с грузовиком. Олег и шофер грузовика в тяжелом состоянии были доставлены в больницу. На следующий день, после аварии, Маленького Олега не стало. Через день были похороны на Смоленском кладбище, где им за определенные деньги предоставили участок за церковью, недалеко от входа. Совершенно случайно могилы двух друзей оказались рядом. А дед-азербайджанец, узнав о смерти внука, с тяжелым инфарктом лег в больницу. Через неделю его тоже не стало. Перед смертью он попросил своего сына похоронить его рядом с Олегом. Старик очень любил своего единственного внука.

Вот такую печальную историю рассказала мне моя знакомая учительница. Девяностые годы унесли много жизней: молодых и старых, больных и здоровых — всех они забирали с собой...

Как не вспомнить слова из Библии: «Дни человека как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его...» (Псалтырь, Псалом 103)

Любовь Гольт
(Германия, г. Гамбург)

РАССКАЗ

Я родилась в Москве, но по семейным обстоятельствам — брошенные папой и мужем, измученные наступившей бедностью, мы с мамой переехали в подмосковную деревню... Там я пошла в школу — в перешитом в платье лыжном костюме, с книжками подмышкой.

Однажды я проснулась под утро от внезапного шума: посреди их комнаты стояли две незнакомые женщины и кричали на маму: «Ах ты, шалава! Захотела мужика увести! Володя, ну-ка собирайся быстро!». Мама сидела на кровати в наспех накинутом поверх ночнушки халате, а дядя Володя, ни на кого не глядя, виновато и поспешно натягивал брюки, путался в рукавах тельняшки.

От испуга зажмурившись, я натянула на голову одеяло. Что им надо, этим злющим теткам? От шума, наверно, уже хозяева дома проснулись. Будут потом ругаться и опять говорить, что зря сдали комнату одинокой женщине с девятилетним ребенком, который еще и лазает везде.

На днях мама случайно увидела, что я взяла из хозяйского буфета пару леденцов и успела засунуть их в рот. Тогда мне больно досталось от матери ремнем по попе. Однако, стерпела, только слегка повизгивала. Знала, что наказана поделом. Но уж очень хотелось попробовать эти чудесные сладости, ведь мама их никогда не покупала. Говорила, что нет денег даже на картошку, не то что, на всякую ерунду.

С сильным треском хлопнула дверь, крики прекратились. Я с опаской высунула голову из-под одеяла и увидела, что плохие люди ушли, забрав с собой дядю Володю. Мама тихо плакала, уткнувшись в подушку. «Мам», — позвала ее. — «Ты чего?».

«Ничего, спи, моя хорошая», — с трудом выдавила мать. Но — своим небольшим умом я понимала, что у мамы случилось горе. Дядя Володя был веселым, добрым... Приедет ли он опять в деревню с гостинцами из Москвы? Наверно, его забрали насовсем...

/Из дневника матери: «Ведь счастье потерять легко, а как найти?.. 1956 год, 24 сентября — счастливый день и ночь... Да, верно, иногда «любовь горит скорей тонкой свечки в жарком божьем храме». Так и моя любовь двухгодичная сгорела в одни сутки. 25-го пришли И. М., Зина и...»

«Расставанье мы не забыли, злые люди нас разлучили...». Дай, Бог, им всем счастья, а мне — страдать вновь...

26.09. — Нет больше сил, какая это пытка!»/

После этого случая мама стала часто болеть, не всегда могла ходить на работу в библиотеку. Уж тем более в клуб на танцы, — как раньше, когда и я, девчонка, могла с ней пойти. Как интересно было кружиться там рядом со взрослыми и представлять себя популярной тогда Лолитой

Торрес! Я очень любила танцевать, мечтая стать балериной. Мы с мамой даже написали письмо Галине Улановой в Москву, правда, ответа не получили. Но так хотелось подражать знаменитой балерине «из телевизора», семеня на носочках перед толстой телевизионной линзой с водой!

2

Мама похудела, постоянно глотала лекарства, а потом ее надолго положили в больницу. А меня поселили в семье живущих через дом от нас Ильичевых, очень добрых и хороших маминых знакомых. С их дочкой Ниной мы дружили, шили платья куклам, наряжались во взрослые платья, влезали в большие туфли на каблуках и выступали перед взрослыми «с концертом».

Прошел год. Потом меня опять на все лето отправили в пионерский лагерь.

Там я участвовала в смотре самодеятельности отрядов, танцуя под музыку Глинки своего любимого умирающего лебедя, хотя пелось про жаворонка. Мелодия и слова были грустными и красивыми: «Между небом и землей песня раздастся...». Я плавно взмахивала руками, как крылышками, кружилась, наклонялась и «плыла» на носочках. Все дружно аплодировали, а я чувствовала себя настоящей артисткой! Кланялась...

Еще часто ходили отрядом на речку купаться, в походы. Особенно запомнился прощальный вечер у костра, — трескали ветки и сыпались искры, а все пели пионерские песни, уплетали печеную картошку. Потом играли в любимый «Ручеек», где можно было смело вытянуть за руку понравившегося мальчика.

Вторая лагерная смена закончилась, почти все дети разъехались по домам. А я осталась. В пересменку было очень скучно, хотелось тоже домой. А впереди ожидал еще месяц в пионерлагере.

Но неожиданно приехала мама подруга — тетя Клава. Она работала в деревне завклубом и всегда шутила, смеялась, не как моя грустная мама. Тетя Клава сказала, что забирает меня домой, что приехал папа. И я запрыгала от радости — ура, домой!

Мы сели в колхозный грузовик и поехали домой. Через стекло кабины припекало солнышко, машину трясло на колдобинах, я с удовольствием распевала выученные за лето песни. Подъезжая к деревне, тетя Клава неожиданно сказала: «Деточка, твоя мама умерла в больнице». Я как-то не придавала значения тетиным словам, просто не знала еще, что это значит — умерла. Все мысли были о том, что сейчас я увижу свою закадычную подругу Нину! Она была мне, как младшая сестренка. И по прибытии сразу побежала к Ильичевым. Но подруга тут же взяла меня за руку и потянула за собой: «Пойдем в клуб, там твоя мама».

Мама лежала на возвышении в клубе, около ее гроба стоял почетный караул. Вскоре гроб подняли и понесли — под громовую музыку оркестра — на деревенское кладбище. Рядом со мной шли приехавшие издалека дядя Герман — родной мамин брат — и отец, которого я почти и не знала. Он просто исчез, когда мне было четыре года, мама долго искала его

и говорила, что он не хочет платить какие-то «алименты». Однажды отец приехал на несколько дней — «проведать дочку», как он сказал, мы вместе даже сфотографировались на память. Я очень берегла это фото, где папа был в красивой милицмейской форме с погонами, и я, нарядная, улыбалась рядом с ним.

Председатель колхоза говорил всем что-то хорошее о маме, а я смотрела на мамину улыбку в гробу. Наверно, у нее уже ничего не болело, и ей там было хорошо... Потом люди закрыли крышку, опустили гроб в яму и засыпали землей. Холмик обложили венками и цветами. Вдвоем, дядя с отцом, посадили березку у маминой могилки и сфотографировали место — на память, как сказал дядя. «Мама теперь на небе», — объяснила тетя Клава.

/Позже, вечерами я любила выходить на темную безлюдную улицу и, глядя на луну, думала: «Пусть бы Она была меня каждый день, но была бы жива!»./

Люди в деревне оживленно обсуждали, с кем останется ребенок. Мне советовали ехать с отцом, родной, мол, все-таки.

А у того уже было двое детей от второй жены: мальчик, на четыре года младше меня! /Оказывается, отец женился на моей молодой няньке, которую он взял мне, так как мама болела. Обрюхатил ее.../и годовалая девочка. Дядю из Сибири не знала совсем. «С папой», — послушно согласилась я.

Нам погрузили скудные пожитки на телегу /от мамы осталось совсем немного вещей: цигейковая шубка с шапкой, платья, 2 кулона, фотоальбом и записная книжка /и поехали на станцию, чтобы сесть в поезд, идущий на Ленинград. Состав резво помчал осиротевшую, меня в чужую новую жизнь...

Через месяц я пожалела о своем выборе жить с отцом, но что могла сделать беспомощная девочка?!

Послесловие:

Теперь и споровшего от водки отца давно уж нет, брат пошел по его дорожке и тоже сорокалетним погиб... У сестры крепкая семья, дочь. Но мы почти не общаемся... Мачеха жива, болеет.

После того, как я тогда приехала и стала отцу живым укором тому, как он предал свою первую любовь, пронесенную обоими через всю войну, он запил. И скатился на самое дно... Женщина не смогла построить свое счастье на нашем горе.

А у автора этого рассказа всё замечательно.

ДЮЙМА

СТАРО-НОВАЯ СКАЗКА

Существа мужского рода... Сколько же их было у симпатичной, но совсем маленькой эльфи Дюймы! Лежа в Доме Постаревших Эльфов, она, от нечего делать, вспоминала...

Сначала ее, совсем юную и наивную, заметил соседский Жабенок, мать которого мечтала о его женитьбе и о маленьких внуках — жабятах. А этот толстый страшила без всякого сватовства утащил Дюйму к себе в койку... Наутро, сидя на подоконнике, она лила горькие слезы о потерянной невинности и сломанных крылышках... И вдруг, налетел, как вихрь, прекрасный Незнакомец, унес Дюйму к себе, высоко-высоко, и закружил в вихре воздушных наслаждений! Ах, как это было чудесно! Танцы под луной, полеты над ароматными лугами...

Но счастье кончилось так же быстро, как и началось... Местное общество не одобрило выбор щеголя, деревня, мол, какая-то! Ни тебе одется, ни макияжа по моде не делает... А вокруг столько дочек важных Жуков на выданье! Выжили они бедную Дюйму, и легкомысленному Жучаре она стала нафиг не нужна. Бросил в чистом поле...

Там ее, замерзающую, подобрала старая сутенерша, которую за жадность все называли Крысой, и стала сдавать богатым клиентам. Куда было деваться безответной, бездомной Дюйме? Крылышки-то были давно поломаны. Не взлетишь, как в детстве... Но тут, можно сказать, ей «подфартило», Дюйму выкупил за небольшие деньги — поскольку дохода от нее Мамашке уже не было никакого — солидный бизнесмен Крот. Просто от скуки...

Только радовалась Дюйма недолго. Крот запер ее в своем подземном дворце и не выпускал на божий свет. К тому же он был настолько скупой, что часто даже маковой росинки ей не выпадало. А вот ублажать его в постели требовал... Так бы она и состарилась в неволе, если б не помог его Величество Случай!

Мамашка — сутенерша иногда навещала богатого соседа, и они ели-пили до отвала... Потом она сгребала остатки еды себе в сумку и «на дорожку» заползала в красивый туалет Крота. Этим и воспользовалась худенькая Дюйма. Залезла в сумку, прикрылась продуктами. Пьяная мамашка не заметила, качаясь перед своей дверью, как эльфи тихо выбралась из-под обедков. И побрела через луг под ближайший куст, прилечь... Там и нашел Дюйму под утро рой кружащихся в поисках нектара эльфов. Они забрали ее, больную, грязную, но все же еще похожую на них, в свою чудесную страну Эльфорадию.

Там Дюйма встретила позже своего последнего мужчину — простого, но доброго и веселого эльфа и нашла с ним, хоть позднее, но фантастическое воздушное счастье! Правда, ненадолго... Век эльфов короток. Когда осталась одна, начала писать стихи-воспоминания, но только о радостном. Ей было, что вспомнить:

День узорчато светел
Под кленовою кроной,
Мы резвимся, как дети
На лужайке зеленой.
Пококетничать можно,
Все плохое — забыть...
Быть счастливым несложно,
Здесь легко полюбить.

С куртуазным подходом
Станет эльф приглашать
После солнца захода
Лунный вальс танцевать.
Покружить беззаботно
И в волшебном саду,
Потеряться охотно
В том любовном бреду...
И в резном терему
Под шум крыл зысыпать.
...Не дано никому
Эту сказку отнять.

*Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)*

МОТЯ СПАСАЕТ РЫБУ, ПОКАЗЫВАЯ СВОЕ ЧЕРНОЕ НУТРО

Завести в доме рыбок решил муж Моти Феликс. Сама Мотя эту затею не приветствовала, не потому что она не любила животных или ленилась за ними ухаживать. Причина в том, что она не хотела лишний раз расстраиваться, если рыбки будут болеть и умирать, а это было неизбежно.

При этом она понимала, что нельзя мешать мужу исполнять его желания, мужчины они как дети, не дашь любимую игрушку, будут капризничать и злиться. Поэтому хотела того Мотя или нет, аквариум с двумя Гурами был приобретен на радость обоим супругам. Радость Моти состояла в том, чтобы убирать вовремя аквариум, менять воду и кормить рыбок.

Приступая к мытью аквариума Мотя сняла крышку. Пара Гурами, почувствовав, что сейчас будет нарушено их безмятежное существование, насторожилась. Самка сильно разнервничалась, сделала свой акробатический кульбит и упала на стол рядом с аквариумом.

Мотя знала, что рукой маленькую рыбку брать нельзя, можно повредить ей косточки, поэтому она стала искать подходящую ложку, но через секунду, рыбка сделала еще один прыжок и оказалась под плитой. Мотя опустила руки, думая, что оттуда достать эту истеричку будет невозможно.

— Теперь самка Гурами сдохнет! — она безнадежно сообщила Феликсу.

Муж у Моти решительный человек, бывший военный. Он тут же приступил к спасению своего питомца. Отодвинул в сторону стол, сильно рванул на себя плиту, она поддалась с трудом. Мотя подскочила к нему на помощь, тут он рванул еще раз и раздался крик Моти: «Нога!!!»

Пальцы на ноге были содраны до крови, но медлить нельзя. Волоча за собой окровавленную ногу, она добирается до щетки с совком, сметает на совок рыбку и бросает ее в аквариум. При этом пересиливая боль, из ее нежного ротика вырывается скверное матерное слово.

Смазывая полученные раны йодом, Мотя поймала на себе хитрый взгляд Феликса.

— А нутро-то у тебя черное! Вот какие ты плохие слова говоришь! — с ехидством сообщил муж, давно мечтавший отомстить супруге за ее постоянные упреки в частом употреблении им грубых выражений.

Мотя спокойно восприняла его слова, она оправдывала себя тем, что в тот момент была в критической ситуации, когда человек может сказать все, что угодно.

Быстро сообразив, как можно поставить мужа на место, она заявляет:

— Кто бы говорил! Еще вчера ты выражал недовольство таким же способом, когда заметил, что я ем вторую порцию мороженого!

По выражению лица Феликса Мотя поняла, что он капитулировал, а победа в очередном словесном поединке осталась за ней.

Бах Ахмедов
(Узбекистан, г. Ташкент)

ЗВОНОК

- Здравствуйте! Это Анна Сергеевна?
- Вы ошиблись номером, — ответил знакомый голос.
- Кирилл узнал бы его из тысячи голосов...
- Кира? Ты?..
- Кто это?
- Ты правда не узнаешь меня?.. Хотя, конечно, после стольких лет...
- А я тебя узнал сразу.
- Кирилл?
- Ну слава Богу...
- Кирилл выдержал небольшую паузу.
- Слушай, какое же это чудо, что я попал на тебя! Я звонил психологу, мне ее порекомендовали, и вдруг ты... Невероятно. Слушай, а это действительно ты? Если честно, я в легком шоке... Кира, ты здесь?
- Нет, я там. На другом конце.
- Ну да, это понятно... С ума сойти. Просто сойти с ума можно... Расскажи, как ты жила все эти годы?
- А зачем?
- То есть, как зачем?... Мы же не чужие с тобой друг другу.
- Ты в этом уверен?
- Кира! Перестань... Ты все еще обижаешься на меня? Не можешь простить? Впрочем, я тебя понимаю. Я бы на твоем месте тоже не смог, наверное... Но понимаешь, тогда, в тот момент, со мной что-то случилось. Не знаю, как тебе объяснить это все. Какое-то помутнение рассудка что ли...
- Скорее, прояснение.
- Я потом очень переживал, ты не представляешь как...
- И не хочу представлять. Так переживал, что пропал на 17 лет.
- Мне было стыдно... Так стыдно, что я не мог даже позвонить тебе.
- Ох уж этот мужской стыд!...
- Иронизируешь? Ну-ну...
- Кирилл, кажется, тебе надо было позвонить психологу? Ты не забыл?
- Кира, нет, я тебя теперь так просто не отпущу. Давай встретимся, пожалуйста, очень тебя прошу. Моя ошибка с номером не могла быть случайной.
- Ты еще скажи, что это судьба...
- Да, а кто же еще?
- Вообще-то, судьба не звонит два раза в одну и ту же дверь.
- А я позвонил на телефон, а не в дверь. Когда у тебя будет время?
- Никогда.
- Кира, ну давай уже поговорим, как взрослые люди, прошу тебя! Где тебя найти? Когда ты будешь свободна?
- Я далеко, Кирилл, очень далеко от тебя.

- Господи, какие проблемы в 21 веке! В другой стране? Найду тебя в любой точке земного шара.
- Не найдешь, Кирилл...
- Что ты хочешь сказать? Может, ты стала секретным агентом?
- Нет.
- Постой... я, кажется, начинаю понимать... Ты... в больнице?
- Почти.
- Говори адрес.
- У нее нет адреса.
- Так... Ладно, я понял, тебе хочется меня помучить немного, да?..
- Нет, не хочется, но добраться ты до меня не сможешь. При всем твоим огромном желании.
- Не дадут визу? Ерунда, дадут! Я им покажу твоё фото, и мне сразу все дадут.
- В это место лучше не торопиться с визой.
- Кира... я серьезно... Мне очень хочется с тобой увидеться. У меня кризис, и я не знаю, что делать дальше.
- Боюсь, что тебе лучше все-таки обратиться к Анне Сергеевне.
- К черту, Сергеевну! Мне нужна ты!
- Прости, но я помочь не смогу...
- Помнишь, мы проходили по физике такое понятие, как точка бифуркации? Кукушкин читал курс термодинамики. Помнишь, сутулый такой, вредный, голос скрипучий, медленный, надменный и немного капризный, как у ребенка, которому не дают игрушку, пока он не поест манную кашу. Помнишь?
- Ненавижу манную кашу.
- Я тоже. Но дело не в этом. Я просто хочу сказать, что у меня сейчас такая вот точка бифуркации, и я словно завис в невесомости, как перышко...
- Сочувствую.
- А помнишь, как мы встречали рассвет на подоконнике общаги? После долгой бессонной ночи... Уставшие, счастливые, просветленные. Семнадцатый этаж главного здания МГУ, высота, от которой дух захватывало и кружилась голова... И то первое наше лето, короткие бессонные ночи, сессия, зеленые рыбки в ночном светильнике... Они плыли по стене всю ночь. И по потолку тоже. И по твоему телу... Помнишь?..
- Это все было в другой жизни.
- Да, разумеется, но мне так хочется снова в нее вернуться. Понимаешь меня?
- К чему эти пустые разговоры? Ты прекрасно знаешь, что это невозможно...
- Кира, прости меня, пожалуйста.. Прости за все, что я натворил. Ты, конечно, не проверишь, но все эти годы чувство вины перед тобой становилось все острее и острее.
- Верю. Ты всегда был мазохистом.
- Иронизируешь?... Слушай... Ну расскажи хотя бы что-то о себе. Ты замужем? Дети есть?..
- Кирилл, мне пора, я не могу больше говорить.

— Да, я понимаю, конечно, конечно... Ты, наверное, устала. Я перезвоню тебе завтра, номер в моем мобильнике, наверное, сохранился.

— Нет, не надо перезванивать.

— Ну уж нет, теперь я тебя не отпущу!.. Сам Бог послал мне тебя.

— До свидания, Кирилл. Удачи тебе с психологом, и вообще...

— До завтра, моя хорошая...

Отбой. Короткие гудки.

Кирилл сидел оглушенный, счастливый, безумный, непонятный самому себе. Словно весь мир распался на части перед его глазами, и каждая часть была одновременно прекрасной и пугающе неустойчивой. Все качалось и куда-то уплывало. Надо измерить давление. Да, наверное, давление, это бывает, думал он. Но почему она говорила загадками? Что с ней? Кирилл боялся подумать о самом страшном. Это было бы просто слишком жестоко со стороны судьбы: подарить ему встречу с Кирой, чтобы снова забрать. Впрочем, в первый раз судьба была не при чем, он сам, сам наломал тогда дров. И до сих пор эти дрова жгли его на своем медленном огне. Или ему так казалось? Может, ему просто хотелось выглядеть мучеником совести в собственных глазах для повышения самооценки? Господи, вся эта литературная рефлексия! Он слишком много читает книг. Слишком много в голове избитых сюжетов, фраз, персонажей... Он и сам все чаще чувствовал себя персонажем какой-то ненаписанной книги. Или уже написанной, но еще не прочитанной им.

И вдруг Кирилл вспомнил, что у Кире была сестра, кажется, ее звали Рита, и она была тогда начинающей, но очень многообещающей художницей. Гугл в помощь! Он набрал имя и фамилию, запятая, художник (или все-таки, художница?). Выскочило много ссылок... Картинки. Он узнал одну картину, он ее видел еще тогда. Через полчаса он нашел ее «В контакте». Написал сообщение и спросил, что с Кирой и как ее можно найти. Ответа пришлось ждать до вечера. «Здравствуй, Кирилл! Ты спрашиваешь, как можно найти Киру... Я почему-то думала, что ты в курсе. Она умерла четыре года назад, долго болела. Если хочешь, могу сказать, где она похоронена...» Дальше было что-то еще, но Кирилл уже ничего не мог читать после этих слов. Это бред, крикнул он. Я ведь только сегодня с ней разговаривал! Он снова написал Рите: «Если это розыгрыш, то очень неудачный и плохой. Такими вещами не шутят. Сегодня в 11 часов утра я разговаривал с Кирой по телефону! Скажи правду, она в больнице? Все так плохо?».

Ответ пришел сразу, точнее, не ответ, а фото мраморной плиты с именем, с датами и коротким прочерком между ними. Кирилл долго и тупо смотрел на фото... Потом взял мобильник и стал набирать утренний номер, когда он действительно вместо восьмерки в конце случайно нажал на девятку. Сейчас она возьмет трубку и все будет нормально. Наверное, Рита просто сошла с ума. И фото — фейк. Это они договорились, это такая изощренная женская месть... Сейчас она возьмет трубку... Но он услышал металлический голос: «Вы набрали несуществующий номер». И снова, и снова... И еще пять раз. А шестого раза не было, потому что мобильник полетел в стенку, и Кирилл вдруг весь обмяк, сморщился, как прошлогоднее яблоко, и сполз на пол, повторяя про себя, как заклинание: «Точка бифуркации, точка бифуркации... точка... точка... точка...»

О СВОБОДЕ ЛИВНЯ

МИНИ-ЭССЕ

Существует расхожее и вполне справедливое мнение, что каждую книгу надо писать так, словно она последняя. То же самое относится, я думаю, и к стихам, и к рассказам, и к эссе, и даже, наверное, к фейсбучным постам, как не комично это прозвучит.

Но сегодня вечером, возвращаясь домой под проливным дождем, слушая раскаты грома и наблюдая молнии, я подумал еще и о том, что возможно, так же верно обратное. А именно, что каждый текст надо писать так, как будто он первый в твоей жизни. Особенно, стихи.

Приступая, подступаясь, вдыхая радиоактивный воздух нового еще-не-стиха, но уже чего-то живого, надо попытаться забыть все, что написано раньше, надо в каком-то смысле перестать уметь писать стихи. Надо вернуть себя на нулевой уровень. Никакого мастерства, никаких приемов, никакого «я». Полная пустота, полная немота и отчаяние, полный ноль. Делим на ноль намерение и получаем бесконечную надежду, потому что на ноль делить нельзя. И в этом странном метании между опытом и невинностью, в этой вечной схватке дискурса и молчания, как правило, опыт берет верх, и ты снова проваливаешься в привычное текстуальное «я», в свои привычные метафоры, которые испуганно от тебя отшатываются, прячутся по углам, заматавая следы. Но ты все равно находишь их, вытаскиваешь, вставляешь в строку и добиваешь сверху очередной банальной рифмой. И вот появляется на свет маленький уродец под названием «новое стихотворение». Он плачет и требует молока читательского внимания, и его щедро им поят. Потому как жалко все-таки, потому как вроде живое существо... И даже какие-то там жалкие тропы просвечивают сквозь его прозрачное младенческое темя. И даже какой-то пульс... не пульс, ритм не ритм... И даже какая-то робкая музыка пытается в нем прозвучать и снова задыхается от недостатка свободы.

Первый и последний текст — недостижимый идеал. И поэтому любой текст становится вторым и предпоследним, третьим от начала и от конца... И так далее... А начало и конец всегда вакантны, всегда завораживают своей пустотой, своим ожиданием слов, которых не существует в природе. Своей тоской по метаязыку, который будет услышан и рожден заново совсем в другом пространстве. Там, где последние станут первыми... Или точнее, там где эти понятия потеряют всякий смысл.

P.S. И конечно, я вымок до последней строчки. Вот здесь никаких проблем не было. Все произошло, как положено, и размытые буквы на листке бумаги были самым лучшим доказательством правоты небесных потоков, смывающих все лишнее и ненужное.

ДЕНЬ МУЗЫКИ...

У вас так бывает, что весь день хочется слушать музыку только одного композитора?

У меня сегодня день Моцарта, а точнее, день его меланхолически прекрасных фортепианных концертов. Не знаю ничего лучше, что могло бы звучать в унисон с философско-грустным настроением. С этой отстраненностью от всего происходящего вокруг, словно погружен в какой-то внутренний туман. С этой замедленностью шагов, когда застываешь вдруг в коридоре, как стоп-кадр, а мимо пробегают дети, проплывают учителя, тоже немного грустные, и спрашивают: «С тобой всё в порядке? Are you Ok?»

А ты киваешь головой, и отвечаешь задумчиво, что да, все в порядке, все в беспорядке, всё в хаосе, в бесконечной нежности, в июне, в лете, в воспоминаниях...

Всё в бесконечном творении и распаде, смене времен года, усталости, надежде, всё в ее голосе, от которого снова бегут мурашки по спине... Всё в телефоне, где есть ее номер, который так хочется набрать и снова услышать голос, это голос, который сводит тебя с ума. Но ведь надо придумать повод, смысл, причину... Нужно укротить свою надежду, накормить её досыта лживым безразличием, чтобы она уснула и не рвалась на свободу, не грызла свою цепь, не скулила от отчаяния.

И много еще чего нужно, и много чего уже не нужно.

И, может, поэтому хочется оказаться на островке музыки, вне времени и пространства. И просто слушать ее, растворяясь в ней, теряя себя, и просто превращаясь в эти тихие спокойные невероятные звуки, которые точнее слов на целый космический порядок... На вечность, о которой мы ничего не знаем, но делаем вид, что знаем, потому что так легче жить под ее постоянным прицелом. Так легче дышать...

Так легче забывать себя и вспоминать себя заново, начиная каждый день с нуля, пытаюсь разделить на него надежду. Пытаюсь обмануть математику, которую обмануть невозможно. Как невозможно обмануть судьбу.

АНДРЕЙ-VIKTORIA-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

С НАТУРЫ...

Мороз прошёл по Городу, украсил
Тончайшей нитью парки, фонари...
Как в макраме берёзка у террасы,
И куст ореха рядом с ней парит...

Восходит солнце снежною тропинкой,
Весёлый лучик брызнет по стеклу...
С натуры акварельною картинкой
Любуюсь и ловлю стихи на слух:

Звенит строка струною клавесина,
Души касаясь дальних уголков...
И ветерок разгладит парусину,
На ялике подняв до облаков...

Поставлю точку. Кисти, акварели
Достану с антресолей... сколько лет
Корить себя потом — морозной трели
Ни грамма, ни клочка в набросках нет?

Скрипят шаги, уж полдень, облетает
Плетённое морозом макраме...
И вышло у меня: берёзка, в мае,
Невестою ждёт принца на холме...

09.02.2021 г. А-V-A.

ДЛЯ МИЛОЙ, ДЛЯ КУЗИНЫ...

Для милой, для кухни,
Цветы в большой корзине
Доставили курьеры
В подарок от меня:
За сутки до премьеры —
Ромашки как примеры —
В себя прибавить веры
И взгляду дать огня.

На краешке обрыва,
Под грохот и порывы,
Цеплялись три ромашки
За тонкий слой земли.
Как стойкие монашки

Три девочки-близняшки —
Улыбка в полмордашки —
Уверенно цвели!

Смотрели-восхищались,
Когда навек прощались
Родные и по духу,
Не только по крови...
Мечтала стать актрисой.
Я не рождён Парисом:
С премьеры Пьер Безухов
Признается в любви...

14.02.2021 г. А-V-A.

НЕ КАМЕНЬ...

Гранил не камень — мысль Макиавелли.
Старательно записывал труды...
Над ним смеялись чаще, чем жалели,
Идей не принимая... от беды
Не защитят наёмники — уверен.
У ополченцев стимулы сильней.
О жизни, о родных, не о карьере
На первом месте мысли... нет важней
Семьи, Свободы, Веры... Горожане
Прислушались... прогнали до границ
Наёмников, и яростно сражались,
Подчёркивая истину страниц...

Политика не Армия. Правитель
Разносторонен должен быть и крут.
Один народ — защитник и строитель,
Другой — пройдоха, пьяница и плут.
И третий есть, и пятый, и сто первый.
Не будешь всем угоден или мил,
Ища пути-решения... а нервы
Не закалить на пламени горнил.
Выпутываться в «опытной науке»
Труднее с каждым годом — Человек
От праздности, от лени или скуки
Задачки ставит, не решишь вовек...

15.02.2021 г. А-V-A.

СЫПЛЮТ АНГЕЛЫ...

Сыплют ангелы с кувшинов
Свежераспушённый снег.
Пешеходы и машины
Морщатся, а детский смех
Разливается дворами,
Веселится детвора.
Ветерок сидит на раме
Турника, под ним игра —
Наблюдает... Чемпионы
В белом озере плывут.
Рядом строят бастиионы
Кто постарше... тяжёлый труд:
Снег как пух, не хочет в стены...
Расползается окоп...
Чемпионы в хлопьях пены
Собирают снег в сугроб...
Время выбралось к обеду,
Ждёт в кровати тихий час...
Все следы накроет пледом
Ветерок для новых масс...

16.02.2021 г. А-V-A.

БЕЗ ПУТИ...

Смотрит в окна Чёрный Ангел
После полночи... сквозь тюль...
Мода, статусы и ранги...
Стёкла в плёночке от пуль...

Полны чаши... чувства — крохи...
В комнатах евроремонт.
Недосказанного вздохи...
Страсть фальшива, как бомонд...

Существа... по интернету
Жизнь не жизнь и не игра...
Чёрный Ангел ближе к свету,
Чем от щей профессора...

Выбирал, не выбрал... Счастье
В этих ульях не в чести...
И оставил без участия
Равнодушных... без пути...

16.02.2021 г. А-V-A

ПЛЮС ДА ЛАЖА...

Плюс вернулся в Город, в лужах
Переулки и дома.
Для проспекта катер нужен —
На Венецию весьма
Стал похожим весь райончик.
Вишенкой газон-сугроб.
Выходила утром в «дольче»,

К вечеру весь гардероб
Не пригоден: двор — болото.
Улыбнулась ночь в кафе...
Планы правлю на субботу —
Ночью требовать у сфер
Буду катер иль мороза,
Чтоб с катушек не слететь...
Мне приснилась встреча... в грёзах
Брал за руки... и... запеть...
Собирались... Плюс да лажа...
Мэру шлю в сердцах привет.
Выйти голой?! Эпатажа
Не поймёт наш Мужсовет...

В шкаф полезла за свечами:
Сферы требуют интим.
Нет свечей... Весь двор речами
Огласил сантехник Ким.
Огромной железякой
Ковырял асфальт в углу.
Балабол и забияка,
Матюгнулся... как юлу
Закрутил на водной глади,
Объявил: сойдёт к утру...
Я хотела с чёртом сладить,
Обломался чёрт... искру
На поникшее сердечко
Слово бросило... огонь
Разгорается... над речкой,
На высоком берегу конь...

16.02.2021 г. А-V-A.

СТРУНЫ СВЕТА...

С улыбкою полуденного солнца
Иду «считать ворон» на острова.
Не тороплюсь за кубком марафонца:
Зима ещё на полную в правах,
И снег неделю падал и кружился —
Сугробы здесь до пояса в местах,
Где тропки прокидали... приложился
Спиною к одному из них... пуста
Головушка и синяя страница
Из края в край раскинутых небес...
На ветках разговаривают птицы,
И греются в лучах... сомлевший лес
Не шелохнёт, не скрипнет, взгляды долу:
Как ярко солнце, так и горячо...
Дворец сияет... Мысль несёт гондолу,
А в ней Императрица со свечой,
По Средней Невке прибывает в лето.
Царевны и Наследник на траве...
И полетела мысль, и струны света
Фантазию играют в голове...

17.02.2021 г. А-V-A.

СТОЛБИК В МИНУС...

К рассвету падал ртутный столбик в минус,
В такой, что индееет всё вокруг:
Деревья во дворе, скульптур лепнину
Кристаллы покрывают, виадук

Топорщится иголками, луч света
От фонаря и тот заledenел...
Застывшее недвижимо... планета
Остановилась кажется... грузнел

Морозный воздух — режь, бери ломтями...
Подумать страшно — надобно идти...
Звоночек заиграет — над путями
Трамвайчик снежным облаком летит

Живее всех живых... мороз придавит.
Переодену свитер поплотней.
И выхожу... Не долго балом править
Холодному: декаду, и Весне,

Отдаст бразды и посох... Колесницу
Четвёрка белых понесёт вокруг...
Поднялось солнце: в новую страницу
Вплетается капли drobный звук...

18.02.2021 г. А-В-А.

ВСТРЕТАТСЯ...

Где-то между февралём и летом,
Встретятся Зима и жаркий Май.
На границе темноты и света
Май с букетом ландышей, Зима,

В белоснежном платьице из ситца,
Босоногой девушкой в венке...
Розовый восход осветит лица
Двух влюблённых, робко по щеке,

Радостная скатится слезинка:
День один, пусть к сумеркам сгорит...
Длинно-долгой кажется тропинка,
Если о любви всё говорит...

18.02.2021 г. А-В-А.

ЗВУЧИТ ВЕСНА...

Февраль уходит... Нежный звёздный блюз
Звучит в рассвет пронзительней
и звонче...

У полотна и плачу, и молюсь,
Как пред иконой...
день-другой закончить
Не дала шанса — ей звучит весна...
Какие сутки жду, не умолкая...

Любовь моя... законная жена
Магистра. Он. Узнал. Молва людская

Всё извратила: не познали плоть
Друг друга... Губы нежность не дарили...
Она просила страхи побороть,
Но Вера, долг... над похотью царили...

И устоял... Ушла она... звучит,
Как покаянье блюз... слезами нотки...
И сладкий яд горчит... горчит... горчит...
По обожжённой нелюбовью глотке...

Два-три штриха: ожили бы глаза...
И звёздный блюз теплел бы

каждым вдохом.

И был Магистр — ни слова не сказал.
Портрет молчит и автору так плохо...

19.02.2021 г. А-В-А.

ПО САННОМУ...

За горизонт уходит след полозьев:
Там дым из труб печных и хлебный дух...
Русалки летом прячутся в рогозе,
И сны пугает по утрам петух.

Едва по небу заиграет зорька,
Бежишь к озёрам, закатав штаны...
Роса жжёт ноги — холодна и горька,
А тишину пугают сазаны:

Играют да дерутся за добычу.
Прикормишь, снасти бросишь и замрёшь...
И первого упустишь, как обычай,
И чертыхнувшись, вновь удачи ждёшь...

Летят минуты, бабочки, стрекозы.
Из года в год невидимо растёшь.
Уходишь за поэзией от прозы,
А через век по санному бредёшь...

20.02.2021 г. А-В-А.

С ЛИЦОМ И БЕЗ ЛИЦА...

Французское окно осколками блесит,
Играли гости в покер до рассвета.
Кому-то одному в игре должно везти,
И банк сорвал одетый под корнета
Тифлисский ловелас. Он даже не играл.
Кадрить пытался девочек поэта:
Весь вечер и всю ночь самозабвенно врал,
Как показалось всем, а он при этом,
Внимательно следил за ставками, и вот,
Когда наличность встала Эверестом,
Достал червлёный кольт...

и с прикупом банкнот,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

В окно и вышел, кроя анапестом
Оставшихся сидеть, стоять
с открытым ртом...
Звон битого стекла поднял поэта...
Решали — изловить и придушить...
потом...
По тихой, не тревожа уши Света...

Тифлисский ловелас из Питера в Москву
Комфортно прибывает первым классом.
Парик сменил, усы, походку...

Кошек Льву
Полно свободных, он искал с Пегасом
Друживших нежно:
сам к Эвтерпе тяготел.
Играл и пел порою превосходно.
Но подлости стрела, догнав на высоте,
Низвергнула с небес, дорогой вводной
Был вынужден идти простой
крестьянский сын.

С лицом и без лица, и с жадой мести.
И сбили лапы в кровь оскаленные псы
С поводьями, словом, об аресте,
Не помышляли: смерть!

Без следствий и суда!
Так вымотал и страх внушал —
бессмертен!?

Тифлисский ловелас приметил у пруда
Живого Ангелочка, на мольберте
Набросок на холсте — пастельные тона.
Романтика со взглядом в бесконечность.
Назначил в жертву он. Нет дела, кто она.
В нём подлостью разрушена сердечность...

Его брутальный вид девчонку не смутил:
В пустых глазах ни сердца, ни азарта.
Художница — ей цвет с рождения нести,
За чёрными дорогу знает в тартар.
Шумели крылья фраз,
что отпускал племей.

А лёгкий ветерок сносил их в воду.
У левого виска кружила мысль — злодей!
Но кто не знает женскую породу:
Исправить-воспитать!

Любовным молоком
Умает тихим утром на рассвете...
Как камень под косу...

Домой к ней шли пешком.
И через год нашли лицо на детях...

21.02.2021 г. А-V-A.

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

*OUVRE NOUS**

Красные лепестки на титульном листе...
Вино эстетики в рифме для восьми нот...
Две капли обнаженной поэзии пали
за смертью знаков.

Стреляй метко и забудь меня лечить.
Дверь вечности...
Я обнимаю тех, кто победил смерть.
Ветер хлещет мое перо,
И молится белая роза,
И раны заживают...

Сохранить бездонный порядок,
Иметь то, чего ни у кого нет.
Вытащить тишину из чернил,
Тишина всегда вынуждает слова
взрываться,
Слова раскрываются только на пике.
Развести костры из своих слов —
Так нежные любовники исповедуются
поэзией.

Черное слово и алая роза —
белое заклинание...
И видит свет свечи, как стирается форма
того, к чему он прикасается...

Яд острой ясности — непостижимая
высшая мера.
И скрипки захлёбываются в экстазе эхом
рук скрипача.
Лексическое соитие, и буквы сблизилась
до Слова.

Аберрация световых лучей —
крестная мать аутодафе.
Я соблазнил пламя веков.
Цвет строк как растущее пламя...
И пусть уже пропитано тисом острие часов,
Принеси мне уснувшие цветы, я оживлю их,
Изумление — и есть близость,
Где двое создают то, что больше боли.
Мы пишем любовь...

Звуки перелетают в бутоны,
В эти предвестники симфоний
на краю прозы.
Издаലെка они звучат арфами, из которых
вылетают бабочки.

Дикое и непереваемое...
Черное дерево с белыми листьями
в саду Минервы.
Ускользающий бархат,
Фонемы на запястьях ветвей множатся
И рожают Радость и Слезы, Огни и Тени.
Через мгновение появятся раны,
а потом жизнь.
Церемония поэзии между языком и телом...
В этой страшной битве небесного с часами
Как тусклы глаза у палача желаний!
Там, где бледнеют часы, кто-то достает книгу
И начинает читать мне вечность...

Апокриф воспоминания...
Херувимы слов наполняют тишину...
Женщина моя,
Я молился о том, чтобы тебя никто
и никогда не нашел до меня.
Поэзия всегда выстреливала нас
как весенние листья в небо.
Она всегда вспоминала наши глаза —
То последнее и небесное, что оставалось,
когда она уходила.
В раю говорят, что дни проходят
медленнее, чем падают листья.
И полетят снова бабочки,
чтобы создать розу...
Розу, у которой в стеблях, как и у всех,
была и смерть —
Мудрый шип и длинные тени букв —
Древняя рука, заботящаяся о том,
Чтобы мы не истекли до сухих губ.

Зашиваю чернилами рану нашей
временности.
Здесь все время исчезает первая буква
твоего имени,

* *Ouvre nous* (фр.) — раскрой нас.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Ее никто не видит, но она есть...

Тайна.

Это ее доминирующая красота
Научила меня писать стихи, длящиеся
несколько мгновений...

И скрипичный ключ повернется на ветру
к чарам смертных и вечных...

И я вдохну воздух твоих нот,
Ночь, с диким запахом Леты,
Предвосхищение...
Жизнь пахнет поэзией,
Говорил ли я тебе это?!

Ouvre nous!

2021

ДЫХАНИЕ

И мы не пожалеем тишины
В тот самый день, где нам молчать
словами...

В тот дикий дождь, где острие воды
Выжжет клеймо из литер на бумаге.
Нас будет двое падать в океан,
В разрывы строк у белого причала...
И махаон распишет воздух ядом,
Тем самым сладким, что алеет на губах.
Мы будем плыть по лезвию воды,
Так плыть — словно лежать между
словами...

И самый первый вестник тесноты
Нас выведет к небесному версалою.
С нас спросят позже — лишь когда
прочтут,
В оживших многоточьях скверов...
И нам вернут, нам все опять вернут,
Раздув огонь в влюбленно-нежных венах.
Так не теряй свой медленный ответ
В той нежности, с которой с니шься
листьям...

Где у молчанья не осталось тем,
Где у мгновений час цветенья вишни...
Где память вложит их в твой именной
конверт.

2021

Что станет с тобою,
где канут мгновенья?!..
какие молитвы
ты вспомнишь за кругом?!..
а ветер всё также на струнных деревьях
играть будет песни девятого круга...

Что смерть? —

это просто замена фамилий,
те долгие звуки пришедших в исподнем,
Господний закон великой плавильни,
где плевла и злаки, и юные боги.

2021

СЧЁТ СОЛНЦ

Каждое стихотворение — это птица,
которая улетает из места, заражённого
чумой...

Каждое стихотворение — одеяние жизни
и смерти...

Каждое стихотворение — шаг навстречу
мертвому,
фальшивая монета с правом выкупа
нового времени,

выстрел в цель посреди ночи.
Каждое стихотворение — это жесткое
прикосновение времени
к тем, кто сумел превзойти его...

Каждое стихотворение — медленное
дуновение желаний,
которые поддерживают вес самой
жизни....

Каждое стихотворение вторгается
и разрывает паутину скуки и пустоты...
Каждое стихотворение рождено Часовым,
который учится смотреть,
превозмогая слепоту...

Каждое стихотворение —
ежедневный саван поэта,
живая и мертвая вода,
пепельный фонтан,
дерево в тени вечнозеленых деревьев,
обоюдоострый елей,
без которого не было бы и Любви...
Каждое стихотворение — счёт солнц
в короне вечной наготы.

2021

ПИСЬМА

Твой взгляд — строка, оттенок вечных
слов,

И алое вино на белых листьях...
Ты помнишь, мы зимой читали письма,
Он их писал нам, и подписывался «Бог».

2021

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

А мои дети продолжали учить
осенние листья опадать
и возрождаться,
чтобы познать, что расстояний больше нет.

Меня называли Тишина,
но я был полон слов.
И я надел колокольчики на запястья,
И я ходил среди слов красных, как маки.
Вчера я вырос в их аромате.
Вчера я забыл все стихи,
и они были вышиты к моему приходу.
Вчера я качал ваше тело,
Вчера вы пили из моей весны.
И я простил то, что вы забыли.
Когда змея открыла мне глаза,
Когда обнаженное в теле открылось
между арками букв,
Когда моя лирика отбросила
идеальные тени
в полдень яблок,
Когда я скрестил пальцы
и написал строки, что пришли завершать
дыхание.

MAGISTERIUM...

Тень птицы вылетела в окно.
Когда я последний раз обнимал тебя,
ночь заснула и деревья заснули...
Я не знаю, сколько тишины прошло.
Вчера я видел, как ты спустилась
на землю —
Тонкая музыка в воздухе к югу от края.
Слова, что всегда были у тебя на губах...
Спроси разрешение у памяти —
можно ли взять их с собой?
Но не оборачивайся, когда они уходят,
они уйдут тобой.
Теплый звук скрещённых пальцев,
Ноты фавнов свечей,
Стаи гранатовых бабочек,
Пение трепета в тесноте...
В лабиринте поэзии повис аккорд,
он будет играть с синими днями,
пока мы не растаем в реках молока и меда.

Там, где музыка умирает
по понедельникам,
Пальцы касаются клавиш, оставляя
за собой след звуками...
И мы обходим тени и те цветы,
что не цветут.
Мы вечны в этом месте.

2021

ВКУС ПОЭЗИИ НА ГУБАХ

Вкус поэзии на губах...
Я берег его в этом аду,
Где растеряны и светлы
Обращали и раны мы в розы.
Где смеялся нам ветер в лицо,
(И) сгибались вопросы,
А восьмерки
рядились в ответы в калашном ряду.
Голодала вода
Многопочием редких вестей.
Старый Дворник сказал,
Что тут снова Христа не узнали;
Он ходил по земле, по воде,
Он стоял на вокзале...
Он читал Откровенья из Дома,
полагаясь на Слух.
Вкус поэзии на губах
Не катают в пустые стихи.
Старый дворник сказал и ушёл,
Обратив вино в прозу,
Где на лапу Азора упала последняя
алая роза,
На огромную чёрную лапу
с теплой руки.
Осыпается нежность
И снова восходит на круг.
Чистокровным всесильем
Кто-то выронил ночь в наши руки,
Кто-то выронил буквы в напиток
влюбленной
весны,
Я берег их в аду,
Я берег их в объятиях разлуки.

2021

ЕВА ТАЛАЯ

Россия, г. Севастополь

ГРУСТЬ ПОДРУГА

Сегодня с Грустью я не пара,
Я нынче с Радостью дружу.
И не болит на сердце рана —
Живая, всё ещё дышу!

Это не значит — всё забыто.
Я просто стала чуть сильнее,
И моё сердце не закрыто,
К познанию полутеней.

Но Грусть со мною не порвала,
Она вернётся... может быть...
Чтоб радость чаще узнавала —
И было что потом забыть.

И я позволю ей случиться,
Ей разрешение мое,
Быть может и не пригодится —
Она всегда берёт своё.

Подруга, странная такая,
Плохо и с ней и без неё,
Я с нею выпью чашку чая,
И провожу опять её.

04.03.2020.

Не дай замылить мне глаза,
не все стихи «до дрожи...»
Бывает без судьбы глава,
бездарность корчит рожи...
Я изменилась...
Как всегда,
жизнь продлевает квоту.
Всё чаще, а не иногда,
даёт душе работу.

14.08.2020.

НЕ ТАКОЙ ХОТЕЛА ДОЛИ...

Нет, не такой хотела доли.
Мне был не важен паритет.
Мне так хотелось мимо воли,
Найти иной авторитет.

Искать, не прекращать движенья —
И где теперь всё то, что есть?
Лишь память до изнеможенья,
Всё сравнивает — и всё леств...

Спешила «знать», спешила «верить»,
Хотела «быть», Забыла «нет»,
Как будто не «своё» примерить,
Печалью глаз таить секрет...

22.10.2020.

Я ИЗМЕНИЛАСЬ...

Я изменилась...

И стихи,

свою меняют форму.

Они по-новому легки —

вершат мою реформу.

Порхая бабочкой с руки,

меняют мыслеформу.

И заплывая за буйки,

мой страх уже не норма.

Я изменилась...

И слова,

не истины дороже.

Забита рифмой голова,

душа ж молит — о Боже!

*А ТЫ ПОЗВОЛИЛ
ВСЕ ПЕРЕЧЕРКНУТЬ...*

А мне печаль дарована тобой,
Как горький привкус нужного лекарства.
И что бы не делили меж собой,
Обречены на боль мы в межпространстве.

Так было нереально волшебство.
Любовь как будто с нами пошутила —
Свела и возмутила естество,
И всё за нас с тобой сама решила.

А ты позволил всё перечеркнуть,
И знал, наверняка, как сделать больно.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Себя я разрешила обмануть,
Но дальше — мне достаточно,
довольно!

Мне этот хрупкий мир не сохранить.
И всю твою воинственную храбрость,
Что против нас решил ты применить —
Нас погубил, врагам нашим на радость.

Нас больше нет. Осталась лишь печаль,
Ты одарил ею меня на славу.
Нас больше нет. И мне немного жаль,
Что ты любовь мою сдал по безналу...

декабрь 2020.

МОТИВ ЗАБЫТОЙ ПЕСНИ...

Звучал мотив забытой песни,
Красивых слов забытый слог.
И память с этой песней вместе,
Для нас сложили эпилог.

С мотивом, память, пишет маслом,
Картины наших ярких дней,
Даже в далеком дне ненастном —
Полно малиновых теней!

И в вальсе этом сладострастном,
Воспоминаний, мыслей, рук,
Я соглашаюсь беспристрастно —
Счастливей не было минут.

Сентябрь 2020.

ТЫ ДАЛ МНЕ БОЛЬ

Ты дал мне боль.

Обременял любовью,
Свободой крылья истязал совсем.
Ты душу исцелял всей этой болью,
Не говорил за что — Ты знал зачем.

Ты дал мне боль.

Душа о ней молила,
И верила бессмертная в Тебя,
И всё равно отчаянно любила,
Срывая крылья, расточив себя...

Терпела боль,

да жизнь любила страстно.
И верила бессмертная душа,
Что к этой боли, вовсе не напрасно,
Ты приучал, по каплям, не спеша...

Ты дал мне боль.

И был со мною рядом,
Слезами душу исцелял тогда,
Когда отчаянье смертельным ядом,
Её вытравливало из меня!

Я не спрошу Тебя — за что?

Ни разу.

Хочу понять наверняка — зачем,
Ты дал мне боль?

Понять бы в жизни сразу,
Что мне её не заменить ничем!

01.02.2021.

ВСЁ БОЛЬШЕ ХОЧЕТСЯ МОЛЧАТЬ

Всё больше хочется молчать.
Без слов любить, а не влюбляться.
И между строчек замечать,
Всё то, о чём сказать бояться.

Душой по взгляду понимать,
Потребности простого счастья,
И теплотою обнимать.
Продрогнувших в часы ненастья.

Всё больше хочется молчать...
Не привыкать звучать без смысла.
И тишиною наполнять,
Пространство чувств, душою мысля.

Всё больше хочется молчать...
О, не шумите, пустослова!
Позвольте правду различать,
И слово истины, простое.

01.10.2020.

СМЫСЛ И ТАЙНА...

А смысл лишь в том, что смысла нет!
Вот, город в белое одет,
Чуть стихла суматоха,
И пар идет от вздоха...
Завьюжен и застужен день,
Бросает и на душу тень,
Печаль пришла уютиться,
Так хочется забыться...
Всё будет заново и вновь,
Былое всё, как память снов,
Напомнит, так, случайно,
Душе, где её тайна...

февраль 2021.

КАК ПТИЦА ФЕНИКС...

Из памяти твой образ изгоняю,
Решая все вопросы бытия,
Я изнутри до пепла выгораю,
Не понимая, выживу ли я.

Как птица Феникс я ещё не знаю,
Что погибаю я не навсегда.
Сама себя нарочно не спасаю,
Мне нужно,
нужно,
выгореть дотла...

декабрь 2020.

СПЕШИТ ОПЯТЬ КУДА-ТО ЛЕДИ...

Спустилась со ступеней торопливо,
Затикала в пролёте каблучком,
А утро не пускает день строптиво,
Хоть тени опрокинулись ничком.

Спешит, спешит опять куда-то леди,
Заждались неотложные дела.
Дела эти, как взбалмошные дети,
Придумывают хлопоты всегда.

И ладно! Так быстрее мчится время,
В бездействии томится так душа.
Нет дел, тогда молчание как бремя —
Она уж разучилась жить одна.

А так, торопится успеть красиво,
Врываясь в суету обычных дней,
Скрывая одиночество игриво —
Заполнит пустоту в мире теней.

02.12.2020.

А МИР ОСТАНЕТСЯ...

Вещает тишь вселенский космос,
Гадает на ромашке ветерок —
Ковыль в степи сплетая в косы,
Он всё стремится дальше, на восток.

Роняет цвет увядший вереск,
И вянут все прекрасные цветы,
Луна уходит на тот берег,
Как будто мир устал от красоты.

Устал от пустоты церковной,
Луч света отразившийся от риз,
Не видя простоты иконной,
Он тихо затихает как каприз.

Быть может чуть блеснет и сникнет,
На смелость в храме не хватает грез.
Как в жизни жизнь так и затихнет,
Задумавшись о вечности всерьёз...

И многое для нас увянет,
Шум улицы и тихой ночи блажь.
Когда-нибудь и нас не станет,
А мир останется, копить свой стаж...

15.03.2021.

СВЕТЛЫЙ КРАЙ НЕБА...

Будьте светлыми!

Гроза рвала на части небо,
Белел каёмкою лоскут.
Уже гремело здесь, а где-то,
Земли касался молний кнут.

Потоки, струи, почти реки,
Смывали грязное с земли.
Казалось лишены опеки,
И струи волю обрели!

А неба, белый клоч, упрямо,
Уже гнал с неба серость прочь.
Как не гремела гроза рьяно,
Ей было больше не помочь.

Сдалась гроза, ушла устало.
Блестит омытое стекло.
Вокруг таким всё ярким стало,
И на душе вдруг «отлегло».

Вот так вот, светлый край у неба,
Не сдался, и не стал терпеть.
Нельзя грозы пугаться слепо,
Суть — нужно видеть не смотреть!

20.08.2020.

Я И НЕ Я...

И не я... — как будто в подпространстве.
Акценты все исчезли — новых нет.
Да и другая Я, в своём упрямстве,
Как будто нет всех пройденных мной лет.

Вдруг чувствовать уже душа устала,
И хочется упасть в анабиоз.
Так хитро жизнь меня переиграла —
Вновь всё по новому, и всё всерьёз.

24.11.2020.

ПРОСТИТЬ...

Мне неба не хватает...
Нет меня...
Так хочется вернуться к счастью.
И позабыть, что было, не вина.
И всё простить, свою властью.

Декабрь 2020.

СТИХОЗ...

На улице туман сел на деревья,
И капли с мокрых веток растеряв,
Оставил след забытого поверья,
И растворился словно небывав.

И мысли зачарованно стихают.
В такие дни особенный стихоз —
Сплетая рифмы, грусть слагает,
А радостное всё в анабиоз.

Промытое до блеска подпространство,
Реальности даёт сюрреализм —
Не позволяет верить в постоянство,
Навязывает мыслям плюрализм.

И всё, что нам казалось нереально,
Как и туман, лишь чуть нагонит страх.
«Да, показалось» — скажет ум банально,
«Нет, всё не так» —
подскажет сердце в снах.

04.02.2021.

Ни сколько БЫТЬ, ни сколько МОЖЕТ —
Не разлюбить, всё подытожить.
И всё забыть, начать с начала —
И от причала до причала.

Лёгким змеем парить над бездной,
Забытых истин, правды местной.
Искать богатства, той заветной,
Забытой кем, монеты медной...

И уходить, оставив бrenным,
Желанным мир и даже верным...
Так сколько БЫТЬ, и сколько МОЖЕТ?
Не разлюбив, не подытожив...

ЛЮДМИЛА СЫТЕНКО

Россия, г. Ставрополь

ОБАЯНИЕ ВЕСНЫ

И снова цветут каштаны,
И солнце печёт с утра!
Теплом на улицу манит —
Погреться пришла пора!
Вокруг чудеса и только —
Нас всех оживила Весна!
И птички щебечут звонко,
Проснувшись от зимнего сна.
Ковёр под ногами зелёный
Из сочных весенних трав,
А запах у них ядреный
Укажет на майский нрав!
Цветочки сирень раскрыла
И яблоня белый цвет,
Ах, сердце, опять заныло...
Причиной Весна иль нет?

17.05.2021.

ВРЕМЯ ИДЁТ

Сегодня утро, словно в осень!
И серые, сгустившись тучки,
Дождинки маленькие сеют,
Чтоб осветил их солнца лучик,
Который выглянет, конечно,
За ветром лёгким и беспечным!
Озёрами ночные лужи.
Блестит в них неба отраженье
И облака плывут не тужат,
В своём замедленном движении!
Ушёл с дождем наш май весенний,
Умыл, как говорится, руки,
И громом распрощался в сенях,
Чтоб помнили в часы разлуки!
Ну, здравствуй, Лето! Мы дождались!
Теперь твоя пора творений!
Порадуй наши ожидания
Теплом и пышностью дарений!

2.06.2021.

Надежды на изменения.
Подать вакцине надо руки —
Второе лето в маске Мы!
Она скрывает наши муки
И бледность с Матушки-Зимы!
От всех прикрыла щёчки, губки,
Помады след давно умыт,
Под ней не разглядеть улыбки,
А только сверху бровок нить...
Смешно, но к маске я привыкла —
Легко в ней прятаться везде,
Возможно даст карету тыква,
Но время не сдержат в узде!
Уже июнь вступил на смену.
С весной простился под дождём,
Усердно ищет ей замену,
А мы тепла послушно ждём!
Катись волшебная карета,
Вези скорее Фею в мир!
И пусть она задобрит Лето,
И вместе с ним устроит пир!

4.06.2021.

НАСТРОЕНИЕ

Ползёт легонько солнца лучик
По стенам прямо на кровать!
(От всех дверей, он ловкий ключик)
И шепчет: «Я пришёл опять!»
Прорезал тучи в небе скучном —
Устали, знаю от дождей...
Под солнышком, пожалуй, лучше,
Теплей, счастливей для людей!»
Ласкает мне лицо и руки,
Цветы рисует на стене,
Слышны таинственные звуки
Далёкие, уже вовне....
Глаза закрыв, держу мгновенья,
Хочу понежиться ещё...
Душа от радости забвенья
Притихла... ей так хорошо!

5.06.2021.

БАХ АХМЕДОВ

Узбекистан, г. Ташкент

Остро пахнет скошенной травой.
И косилка старая жужжит.
Запахи пока ещё с тобою,
Значит ты, возможно, будешь жить.

Жить, писать свои пустые вирши
В жанре абсолютного нуля...
Слушая, как дождь стучит по крыше,
Словно произносит: «Вуаля!»

Ты хотел ведь этого, дружище.
Так что получи и распишись!
Мы всю жизнь себя в потёмках ищем.
Ищем жизнь, пока проходит жизнь.

Остро пахнет раннею весною.
Запах сводит медленно с ума.
Что же остаётся нам с тобою?
Правды горькой сладостный обман.

НОЧНОЙ ЭКСПРОМТ

Бабочка ночная
бьется о стекло...
Всё прошло, я знаю.
Всё давно прошло.

Только отчего же
до сих пор болит?
Словно вновь по коже
лезвие скользит.

Словно стала правда
в сотни раз точней.
Что моя бравада
по сравнению с ней?

Бабочка ночная
падает без сил.
Был ли я, не знаю.
Кажется, что был.

Много ль наберется
в жизни этих дней?
Подлинного чувства,
что всего важней.

Подлинной свободы,
что дает дышать.

.....
Две щемящих ноты,
бабочка-душа.

БЛЮЗ ВЕЧЕРНЕГО ЛИВНЯ

Идти под дождем проливным домой,
под ливнем всю жизнь идти.
О жалкий и нищенский город мой,
кого ты можешь спасти?

Промокший до самых последних надежд,
до самых последних слов,
каждый твой ливень — точный рубеж,
и правда твоих углов.

Но все фонари сольются в один
далекий фонарь луны.
И каждый из нас, словно блудный сын,
живет под прицелом вины.

Кого-то мы вновь не смогли уберечь,
и он растворился в дожде.
А дождь опять превращается в речь,
блуждая в ночной темноте...

Всю жизнь идти под дождем домой,
пытаясь себя забыть.
Ты платишь за всех, пока ты живой...
Живее своей судьбы.

То свету мы летим навстречу,
То зло таинственно влечет.
Душа полна противоречий,
Но только этим и живет.

Лишь там, где есть и плюс, и минус,
Мы ощущаем жизни ток.
А не болотную трясиину,
Что превращает нас в ничто.

И пусть порой летим мы в бездну,
Мы не погибнем в темноте,

Покуда видим свет небесный,
Как тот разбойник на кресте...

Как много музыки вокруг.
Но мы ее так редко слышим.
Пугает нас привычный звук,
когда становится он выше.

Пугает чистота его,
недостижимая, живая...
Как грустно это торжество
навек утраченного рая.

Как мало музыки вокруг!..
И белый шум нас поглощает.
И только музыка прощает,
спасая каждый верный звук.

В театре абсурда первую главную роль
играет стена...

Она
ежедневно растет,
еженощно растет,
растет ежечасно.
А кто-то напрасно
ее измеряет логикой и говорит:
«Вечное спит
где-то там, за стеной...
Разбудить бы его,
и можно потом не делать уже ничего».
А кто-то другой рассмеется в ответ:
«Бред!
Ничего за стеной этой нет!»
В театре абсурда вторую главную роль
играет струна.

Она
на инструменте,
который висит на стене.
Лопнет струна где-то ближе в финалу
той пьесы, которая длиться устала.
И где-то уже слышен стук топора.
И кто-то спокойно нам скажет,
что наша игра

закончится скоро...
А кто-то другой рассмеется в ответ:
«Бред!
Конца у игры этой нет.
А впрочем, нет и начала».
И в этот момент
лопнет струна
и с грохотом рухнет стена...

А после шагом неслышным войдет
Тишина,
и спросит:
«Автора звали?»

2015 г.

УТРЕННИЙ ЭКСПРОМТ

Человеку нужно утешение.
Нужно, даже если это ложь...
Человеку нужно постижение,
даже если это — в сердце нож.

Человеку нужно оправдание
жизни, что уходит в пустоту.
И еще, хоть капля понимания,
прежде, чем уйдет он за черту.

ВЕЧЕРНИЙ ЭКСПРОМТ

Когда последняя таблетка
На смертный выйдет с болью бой,
Последний лист на голой ветке
Мне скажет тихо: «Я с тобой...

Мы улетим с тобою вместе.
Нам дождь не сможет помешать.
И ты узнаешь, сколько весят
Твоя свобода и душа».

Жизнь надвигается со всех сторон
и превращается в оксюморон.

Эту задачу нельзя решить.
Каждый из нас — черновик души.

Каждый из нас — черновик себя.
В каждой ошибке живет молюба.

Круг превращается в тень креста...
Нужно успеть досчитать до ста.

Прежде, чем выйдешь за этот круг.
Прежде, чем смолкнет неровный стук.

Или хотя бы до десяти,
чтобы к ответу в конце прийти.

И записать его где-то там,
где уже больно не будет нам.

УТРЕННИЙ ЭКСПРОМТ

Старею не по дням, а по часам.
Но принимаю эту истину простую.
Поскольку виноват я в этом сам:
уж слишком сильно стариков люблю я...

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Да что там говорить, в пятнадцать лет
проснулся старичок во мне
печальный.

С тех пор мне от него покоя нет,
особенно, осенними ночами...

Любая ненаписанная строчка
ста тысяч строк написанных точней.
Любая не поставленная точка
спасает то, что следует за ней.

Любая жизнь важнее всех книг на свете.
И глубже, и трагичнее во сто крат.
И может, дверь ведущая в бессмертье,
есть та же дверь, что в твой выходит сад.

2017 г.

У вдохновенья срок короткий,
А у сомнений долгий век.
И у надежды голос робкий,
и греет нас вчерашний снег.

Все испаряется так быстро...
Не ухватить, не удержать.
И только лист бумаги чистый
нас продолжает облагать.

Все наши страсти и порывы,
что обрываются, увы.
О если б стать хоть раз счастливым
на фоне тающей ливни!

На фоне осени обманной
и бесконечного дождя.
И той строки, пустой и странной,
что ты оставишь уходя.

Сквозняк по комнате гуляет,
забытым прошлым шелестит.
И письма старые швыряет,
где чей-то почерк тонко льстит.

Они рассыпались по полу.
«Я здесь убила комара...
...Вчера зашла в пустую школу...
...да брось, не думай, всё — мура...»

Конверт надорван, и размыты
два предложения в конце.
Осталось только имя: Рита,
и тень улыбки на лице.

Да, да, кружок, а в нем улыбка.

Две точки сверху — жизнь точна.
Но чем печальнее ошибка,
тем хуже помнится она.

И на столе все ищет что-то рука худая
старика.
Листок из старого блокнота,
а может, с каплями стакан?

Не помнит он, роняет ложку
в пустую чашку мелодрам.
И время ластится, как кошка,
к его ногам...

31.05.21

Как бесконечно одиноки
все ненаписанные строки.

Им так хотелось хоть однажды,
хоть ненадолго прозвучать.
Как много в них тоски и жажды
себя забвению отдать.

Присниться, может быть, кому-то,
под бесконечный дождь ночной.
И я шепчу: «Еще минуту,
еще чуть-чуть побудь со мной...»

Ты остаешься в этой тени,
ты прорастаешь в эту дрожь
не воплощенного творенья,
что никогда ты не прочтешь.

А я зачем-то верю в строчку,
что сможет мне тебя вернуть.
Побудь еще... забудь про точку.
В конце строки постой чуть-чуть...

Весь вечер твой голос,
весь вечер...
Весь вечер он вел за собой.
Смешное желание встречи
и столик в кофейне пустой.

И чашка пустая на блюде.
Как жаль, что нельзя их разбить!.
А завтра придется проснуться,
и новый абсурд сочинить.

Ах, если б он был хоть немного
наполнен звучаньем твоим.
Весь вечер твой голос...
Дорога
навстречу столетиям пустым.

2018 г.

ЛЮДМИЛА АРИСТАРХОВА

Россия, Москва

*НА СОТНИ ВЁРСТ
ДЫХАНИЕ ИЮНЯ...*

на сотни вёрст дыхание июня —
шаг белой ночи с пением цикад,
пусть облако пугает, брови хмуря
и пусть ворчит сердито перекаат —
всё пустяки... пока мы существуем...

хоть прячется неверье за пунктиры,
душа переживает/неспроста/
за брошенные в омуты клавиры,
что боль и радость чаще ощутимы,
как ощутимы ложь и клевета...

иной судьбы не сыщешь в одночасье,
перевернув страницу книги книг,
где понимание — терпкое причастье,
исписанный донельзя черновик,
в котором, прикорнуло чьё-то счастье...

а сон его из ангельских легенд,
где наш июнь давал святой обет...

25.05.2021

ПИШЕТСЯ КАРТИНА...

грусть, чернополосицей на небе,
расписала прошву пред грозой,
серебром чёрнёным древний гребень
и ушла вдоль берега босой...

плещется река и шепчут ивы,
стынут стопы в гаснущей золе...
путается ветер в конских гривах,
а заря достала Божоле...

надоел давно ей цвет маренго,
ржавчиной изъеденных руин,
надоела ложь и липкость сленга,
как и блеск «горланящих» витрин...

в сказочной палитре виртуоза
всё благоухает добротой —
будничность, разбавлена шартрёзом,
с розово-лавандовой мечтой...

пишется картина, между делом,
гребень чешет косы синева,
уж который год, в палитре серой,
ищут вдохновения волхвы...

*ЖИЗНЬ РОДИЛАСЬ
СРЕДИ КАМНЕЙ...*

душе открылось небо дивное,
едва заря коснулась струн
и зазвучала песнь былинная,
и заплясали сотни лун
в волшебном танце мироздания,
беря в партнёры тишину...
ах, как же сладки счастья чаянья
и их дожидаться я рискну...
вдохну волшебный запах зарева,

росою жажду утолив,
а ветерок стряхнёт испарину
/уж больно ныне он стыдлив/
то «окуётся» в цвет шиповника,
то вдруг сорвёт терновый лист,
играя/вечно/роль садовника
в одной из сказочных реприз...

течёт рекой строка зазывная,
а свет алеет всё сильнее...
душе открылось диво-дивное —
жизнь родилась среди камней...

23.05.2021

ВЕРНИСАЖ ИЗ РАЗНОЦВЕТОВ...

Июнь Июньевич вздохнул, снимая шляпу
Пред «разъярённой» толпой в дырявых
фраках...

Чуть ухмыльнувшись, прошептал/в усы/,
— прохлады

Уж охладит, наверняка, любое чадо...
Затем подбавлю в костерок сухих
поленьев,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Пускай поджарятся друзья в одно мгновение...

Что характерно, даже дождь не стал перечить,

Когда играл свой водевиль в траве кузнечик...

Предлетье* ныне нам под стать, смеясь рыдает,

Ещё чуть-чуть и жарник* нас теплом одарит...

Испустит запах пряных трав, медов и ягод,

Освобождая от сетей, из зимних тягот... Представит взору вернисаж

из разноцветов,

Что не единожды уже в миру воспеты...

Пьянит душистый аромат лесных угодий

Изящной музыкой сонаты и рапсодий...

Так по старинке, наш изок* подхватит ноту —

Его безудержный смычок из позолоты...

Вмиг извлечёт/на белый свет/аккорды счастья

И мы подхватим весь поток из многогласья...

Чу, полуночник**, верховой**

и летний** ветер

Там на подпевках, а обеденник** замечен

В бору сосновом, у реки, с глубинным вместе,

Их параллели — зазвучавшее предвестье...

Знай, в травы падает теперь роса хрустальна,

А солнце-юношу***, меняет муж-Купайла***

И наливается зерно пшеницы с рожью,

А мы пытаемся прожить те дни по-божьи...

Внимаем небу и земле, морям и суше
И этой сказочной порой врачуем душу,
И порываемся найти в июньском зное
Свои желания спелёнуты покоем...

04.06.2021

УЧИСЬ ПРОЩАТЬ И ЗЛО, И УНИЖЕНЬЕ...

подобие затравленного волка —
как страшно преступить последний шаг,
как трудно превратить в кусочки шёлка
чужой оскал, сжимая злость в кулак...
где в клочья рвёт иллюзии рулетка
и «тонут» в паутине зеркала,
без преломлений прутья старой клетки,
тлен источает серый фон угла...

лоснится чей-то взгляд от раболепства,
суметь бы различить за блеском фальшь
и радоваться редкому наследству —
читать рескрипты неба между фраз...
не путать утверждение с отрицаньем,
насмешку с одобрением... вонне
всегда считать Лугару**** тайной тайны,
доверившись безропотно луне...

учись прощать и зло, и унижение,
скользить за красной нитью, вдоль беды
и выше стать над искусом к презрению,
и петь в ночи псалмы до хрипоты...

05.06.2021

* Народные названия месяца.

** Июнь месяц ветров и каждый из них имел своё название в народе: юго-восточный — обеденник; южный — летний; юго-западный — верховой; северо-западный — глубинник; северо-восточный — полуночник.

*** 21 июня наступает День летнего солнцестояния (День Купалы, летний коловорот) — великий праздник наших предков-славян. Наши прародители верили, что в этот день на смену солнцу-юноше Яриле приходит могучий солнце-муж Купала (Купайла), тем самым считалось, что лето окончательно вступает в свои права.

**** Это французско-норманнское название для «человека-волка». Лугару — и человек, и волк, это совсем не злобное животное, а скорее человек, принимавший облик волка для особых целей (например, для охоты), но остававшийся по натуре исключительно человеком.

НАТАЛЬЯ САМАРИНА

Россия, Москва

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Присыпав пухом тополиным
 Дорожки в парке, у пруда,
 Зайти незваной в гости к лету,
 Решила зимушка-зима.
 С мальчишкой-ветром сговорилась
 А тот и рад. Ему-то что?
 Пух тополиный подхватил он
 И разметал сквозь решето.
 Клоками стал в лицо бросаться,
 Горстями сыпал он в глаза,
 Девчонке юной улыбался
 Фатой окутывал шутя.
 Мозайку он сложил на лужах,
 А на асфальте акварель.
 Из снежно-белых завитушек
 Создал прелестную пастель.
 И вдруг, сорвался вихрем буйным
 И белогривую метель
 Взметнул он в небо ночью лунной
 И Млечный Путь средь звезд продел.

Я ЗНАЮ ТОЧНО...

Но я-то знаю, знаю точно
 За ночью день спешит. Нарочно
 Её красавицу он гонит
 Чуть звезды канут в лунный полог,
 Чуть заалеет в серой дымке
 И тени прочь, и невидимкой
 Исчезнут призрачные сны.
 И под покровом тишины,
 Где вечность пишет о любви,
 Родится маленькая повесть.

ДОЖДЬ

Дождь из огромной серой тучи
 Пролился наземь. Он созвучен
 Журчанью тихого ручья
 И звонкой трели соловья,
 И дикой радости листвы,
 Одетой в капельки росы.
 Он барабанит в стекла окон

Грусть обронил он ненароком.
 И хочет музыкой своей
 Унять кипение страстей.
 И прочитав чужие мысли,
 Омыть звучаньем и очистить
 Налёт вчерашней суеты.

СМОТРИ...

Смотри! Там сколько солнечного света
 Средь облаков, в лазурь одетых.
 Там птиц бесчисленные стаи,
 Там гром и молнии летают,
 Там небо слезы льёт на сушу,
 Там ветер носит наши души,
 Там у границы меж мирами
 Река Смородина течет.
 Через неё мы сможем сами,
 Шагнуть на мост между берегами
 Лишь в свой назначенный черед.

ТЫ, НЕ ХОДИ ЗА МНОЙ...

Ты, не ходи за мной тропками
 из повилики
 И не лови следы мои на песке.
 Заросли дороги цветами дикими
 Платя шелест завис на листке.
 Ты, не ищи меня в стéпи ковыльной
 Ветром за море унесло
 И остались лишь маки дивные,
 Каплями крови все заросло.
 Ты, не слушай птичек певчих
 Не подскажут пути ко мне.
 Лишь кукушка в час вечерний
 Прокукует свое резюме.
 Ты, не спрашивай ясеня с тополем
 Где я? С кем? И в каком краю.
 Поросло лишаем и мохом все
 Звезды канули в том раю.
 Ты, позабудь меня. Время верный
 Помощник в таких делах...
 Знаю, раны болят у сердца
 Зарастут в степных васильках.

УГОВОРИЛИ

Уговорили. Остаюсь
 Я в этом мире и держусь,
 В него вцепившись мёртвой хваткой.
 И что же делать? Я украдкой,
 Из-под опущенных ресниц
 Любуюсь миром, что возник
 Передо мною в этом мае.
 Он огорошен птичьей стаей,
 Сиренью, радугой, цветами,
 Шумливой зеленью, садами,
 Нарядным, яблоневым цветом
 И солнца радужным приветом.
 Кукушка, что считает дни,
 Уж сбилась и не видно зги
 В лесу, что снегом забросала
 Черемуха. Вчера шептала:
 — А ты, живи, живи, живи...

ЗДЕСЬ ДЫШИТСЯ ЛЕГКО

Здесь дышится легко — простор
 и тишина...
 И лес уходит в небо пошептаться,
 И гладь озёр спешит в лазурь убраться,
 Ночной прибой вздыхает до утра.
 Здесь в розовой дали нет звуков и молвы,
 Чуть слышно чайка над волною стонет.
 И на пригорке, в дымке, купола видны
 Монах за души наши Бога молит...

БЕРЕЗКИ

Стоят березки белые
 В зелёном платье, смелые
 Серёжки распустили
 И по ветру пустили.
 Летят, летят сереженьки,
 А в них-то письма вложены.
 А в письмах чья-то долюшка
 И в каждой строчке столечко
 Описано, рассказано
 И все судьбой завязано.
 От той, от той судьбинушки
 Не убежать, не сгинуть нам.

КОЛЬЦО

Кольцо подарено судьбою
 Простое, медно-золотое,
 Слегка подернуто резьбою,
 Налётом времени и мглою.
 Соединило два начала —
 Кто знает, долго или мало
 Тому союзу быть...

Ничто не вечно в этом бренном мире,
 Исчезло в небыль то, что стало былью,
 Вдали растаяло, как миражи в эфире,
 Песком просыпались часы, и пылью
 Взметнулся тлен.
 Безумным вихрем, смешанным с пылью
 Твоих болотных глаз, моих зелёных.
 Напиток смерти, сваренный тобою,
 И в кубок страсти, как слеза, водою
 Живой и мёртвой
 Был добавлен вскоре...

Ничто не вечно в этом мире
 Все канет в лету и любовь, и лира.
 Лишь вечен Бог от века и доныне.

МЕСЯЦ

В тёмных окнах бродит месяц,
 Круторогий, серебристый.
 Чуть касаясь занавесок,
 Льётся светом шелковистым.
 Он струится между ними,
 Лёгким шагом по паркету,
 Невесомым и воздушным,
 Блик луны бежит по пледу.
 Трепет тонких стрел ресничных
 Отозвался в мягком блеске...
 И щербатый улыбнулся,
 Щёк девичьих прикоснувшись,
 Нежным, робким поцелуем
 Он в мгновенье задохнулся.
 В миг, исчезнув звёздной пылью,
 В сон её ворвался вещий
 И ожившей, святой былью
 В изголовье ангел блещет.

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Троицын день зародился в зарницах
 Чу, вдали слышен церковей перезвон.
 В белой косынке седая старица
 Утренний, в праздник, читает канон.
 Лествица плавно меж пальцев струится
 Губы молитву шепчут. Поклон
 Низкий отвесит до самой землицы,
 С крестным знаменем у древних икон.
 Зачнет литургию служить отче святой
 И Божью обедню творить со крестом
 И евхаристии вечной, с распятым,
 Любви откровенья причастит вином.
 Свеча полыхнет у святого амвона
 И горький чабрец, точно ладан пахнет.
 Сошествие Духа, склонивши колени,
 Седая старушка, внимая молебну,
 Пред Троицей Ветхозаветною ждёт.

ДЕНЬ ЗАРОЖДАЕТСЯ В ТИШИ

День зарождается в тиши,
 Когда умолкли соловьи,
 Когда роса висит на ветке,
 Когда луна ещё не меркнет,
 Когда в зелёной колыбели
 Ручей игривый тихо дремлет,
 Когда все замерло и спит
 И лёгкий ветер шелестит,
 Поёт свою ночную песню,
 Что новый день придёт чудесный.
 И с первым проблеском зари
 Подарит искорки любви
 Не пробудившемуся миру.

И НИТЬ ПОРВЕТСЯ...

И нить порвётся, и оставим
 Ту реку в парке с мотыльками.
 Следы исчезнут на песке,
 Огонь погаснет в очаге.
 А после вновь его зажгут
 Все те, за нами кто придут.
 И нить соткут, запустят пряжу,
 И между небом и землей
 Совьют узлы, тесьмой завяжут.
 И снова будет, как при нас,
 А может лучше в сотни раз.
 — Пусть будет так, — скажу в итоге.
 — Пусть будет так. И Слава Богу!

РОМАШКИ

Люблю ромашки белые
 Простые и несмелые
 То трепетные, грустные,
 То нежные и чуткие.
 Красотки златоокие
 Такие одинокие.
 Из жёлтого кормашека
 Роняет письма на поле,
 Роняет письма белые,
 А в них слова затейливы —
 Наворожила белюшка
 Любовь для милой девушки,
 А трава, трава-белица
 Предсказывать умелица.
 Летят меж пальцев девичьих
 Сердечные поверия:
 — Влюбится, не влюбится
 Иль сбудется, не сбудется...
 Ромашенька подскажет
 И ей судьбу предскажет.

ЦВЕТОК ПОЦЕЛЮЮ Я В ПОЛЕ ШИРОКОМ

Цветок поцелую я в поле широком,
 Ему поклонюсь до самой земли —
 Ромашкам с сердечком,
 Похожем на солнце,
 Лиловой фиалке, степной ковыли.
 Пред ними склоню я низко колени,
 Пред этой простой луговой травой
 И запахом хлеба из сладкого детства
 Повеет от них и росой грозовой.
 Губами коснусь лепестков золотистых —
 Их солнце ласкало ладонью своей.
 Я руки целую, цветок сотворивших,
 Я руки целую Всевышний тебе.

ЛЕТО

Вот и лето. Я в поле войду
 И послушаю шепот ромашек.
 По траве босиком пробегу,
 Погадать не забуду на счастье.

Среди тонких былинки замру,
 Серенаду цикады услышу.
 Я коровку, что Божья, найду,
 На Купала цветок пускай сыщется.

Землянику замечу в листве,
 Упаду перед ней на колени.
 В запах детства я дверь отворю,
 По родным пробегу я ступеням.

Одуванчик жёлтый сорву
 И свои расскажу ему тайны.
 С ветром странствий его отпущу,
 Пусть мечтой возвратится случайной.

Хор сверчков в ночной тишине
 Колыбельную песню разучит.
 Над рекою, в парном молоке,
 Я услышу вздох ивы плакучей.

Водомерки бегут по воде,
 Со стрекозами в прятки играют,
 А нимфеи на легкой волне
 Меня в царство свое приглашают.

Соловьиная трель, что в саду
 Ночи звёздные в мае сулит.
 А я в поле в ромашках войду,
 В нем мелодия лета звучит.

ОПЯТЬ ГРОЗА

Опять гроза. И снова дождь,
И снова тучи во все небо
И не даёт оно ответа,
Когда исчезнет в мире ложь.

Опять гроза. И снова капли
Стучат по крышам, мостовой.
И по стеклу бегут украдкой,
Смывая прошлое и боль.

Опять гроза. И вновь раскаты,
И гром, и молний целый рой...
Какая радуга горбатая,
Какой у радуги разлом!..

Гроза пройдёт. Исчезнут тучи.
Из звонких нитей серебра
Роса сплетет тончайших кружев,
Ведь правит миром красота!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

А дождь не уходит, он только проходит,
И тучка летит сама по себе.
Он может пролиться, а может остаться
Росой на закрытом окне.

А может он с радугой встретится в поле,
Обнявши березку за стан.
Грибным он прольётся по солнечной воле
Из рыжих лисичек, груздей и опять.

А может слезою прольётся на сердце
И вызовет лёгкую грусть.
Он смоем все грезы, подарит надежду —
Пусть ливнем прольётся, пусть.

НЕ СТОИТ

Не стоит мыслями бродить,
Пытаться жить по трафарету,
А просто в этой жизни быть,
Смеяться солнечному свету.

А рой бесчисленных обид?
Не стоит ими сердце метить
И душу по ночам берёдить,
А взять простить и отпустить,

А может просто не заметить.
Улыбку лишь послать в ответ
И тех обид исчезнет след.
А синь небес повисла на ветвях

А СИНЬ НЕБЕС
ПОВИСЛА НА ВЕТВЯХ

А синь небес повисла на ветвях
И облака зависли белой ватой
Все это было, будет и сейчас
Все повторится, как сто лет когда-то.
И шёпот ветра тихий о любви,
И сплетни птичьих, что в окне, под утро.
И старое брюзжание зимы
В ручьях, бегущих из проталин хрупких.

ЦВЕТЫ ПОЛЕВЫЕ

Люблю цветы я полевые
У них особенная статья.
Барвинки нежно-голубые
Тычинок их не сосчитать.
Златые лютики и донник —
Луга расцвел солнца луч,
Ромашек белых с желтым донцем
В ковре зелёном — снег из туч.
Душистым пологом лёг клевер
Жужжит над ним пчелиный рой
И стрелка выкинута в небо
Небесной сини из левкой.
Плакун обронит из сирени
Слезу росистую в траву
И чай заварит из кипрея
И позовет на randevu.
Вот колокольчик ранним звоном
Пробудит жаворонка трель.
Люпин красуется фасоном
Ну, точно та мадемуазель.
Кровавым соком брызнут маки,
Окрасят поле в цвет зари
Добавлю я в букет все злаки
Жюри представит на гран-при.

А ВСЕ ПРОЙДЁТ,
ИСЧЕЗНЕТ ВМИГ...

А все пройдёт, исчезнет вмиг
Лишь только дунь и улетит.
Все улетит пылью душистой,
Что ветер носит над землицей.
Ведь это лето и июнь,
Ему осталось четверть лун.
Да, нет. Не четверть — лишь одна.
Её прожить бы, и до дна
Испить, до самого до донца.
Ночь коротка, и вот уж солнце,
И вот уж в роще соловей
Трезвонит миру, что теперь

Уж золотая середина
И спеет ягода малина,
И грозы ринулись лавиной,
И на Купалу между строк
Волшебный сыщется цветок.
И день бежит, спешит в исход —
Уж лето пишет эпилог.

ЦВЕТ ЛИПЫ

Какой чудесный липы цвет —
Гирлянды жёлтые с зеленым
Пыльца дрожит в палящем зное
И дарит строки мне в ответ.
Душистым, пьяным ароматом
Ворвется, створки отворит
И мёдом сладким, сладким, сладким,
Хмельным настоем опойт.
Кудрявой веткою помашет
И сотни тысяч дивных фраз
Тихонько на ухо подскажет,
А может, притчу мне расскажет
О том, как в этом мире жить!

А МНЕ ТАК НРАВИТСЯ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

А мне так нравится здесь жить,
Здесь, в этом мире светло-белом,
Порой, в таком несовершенном,
Мне хочется отраду находить.
Смотреть на небо серое, на тучи,
На молнии, грозу, девятый вал,
Стихию, бурю, ветра шквал
И видеть в том счастливый случай.
А мне так хочется здесь быть
И ранние встречать рассветы.

С ромашкой белою о том и этом
Мне хочется в полях поговорить.
Зашторить день и обсудить с Вселенной
Мои проекты, планы и мечты.
А может быть желания тщетны?
Она их скорректирует отменно.
А мне так нравится здесь жить,
Здесь в этом мире светло-белом
И по-другому б не сумела
Судьбу я заново прожить.

ЗАВАРЮ-КА, Я ЧАЙ ИЗ РОМАШКИ

Заварю-ка, я чай из ромашки
И добавлю в него ноготки.
Им наполню любимую чашку
И усядусь в гамак, у реки.
Отопью я глоток вдохновенья
И живительной силы полей,
Ароматов степных упоенье
И июльских безоблачных дней.
Выпью чашку янтарного чая
В нем с горчинкой, насыщенный вкус,
Запах скошенных трав, иван-чая —
Этот летний, солнечный мусс.
Заварю-ка, я чай из ромашки,
С мятой, ревенем, бузиной.
Ах, душа ты, моя нараспашку!
С летом шепчет в траве луговой.

ИДА ЗАМИРСКАЯ
Украина, г. Северодонецк

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Stare Polske
TANGO

I will never forget your most delightful
caresses,

Never in my life,
Neither your warm lips
Nor the words pervaded with love.

I remember your eyes,
Wild, distracted by a thrill,
Huge and widely open,
As if that all was happening to-day.

Мне не забыть Ваш нежный взгляд
И тёплых губ манящих,
И слов признаний Ваших,
И тот весенний сад.

Мне грезится огонь в глазах —
В Любви прозрачной дали,
Как в синем зазеркалье
Весенняя слеза.

Sara Teasdale.
PEACE

Peace flows into me
As the tide to the pool by the shore;
It is mine forevermore,
It ebbs not back like the sea.

I am the pool of blue
That worships the vivid sky;
My hopes were heaven-high,
They are all fulfilled in you.

I am the pool of gold
When sunset burns and dies —
You are my deepening skies,
Give me your stars to hold.

ПОКОЙ
Вольный перевод

Живой морской волной в прилив
Покой затапливает душу,
Очарованье дней продлив,
Не отступает он от суши.

Стремлюсь волною голубой
К тому живительному в небе,
Что представляешь Ты собой —
Моя святая быль и небыль.

Мой жаркий пыл закат унес,
Темнеет солнце моих вод,
О, Ты, мой яркий небосвод,
Позволь коснуться твоих звезд.

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Франц Верфель
(1890–1945)

СОН ЭМИГРАНТА

Да, верно, в этом старом переулке
Я прожил целых тридцать с гаком лет.
Неужто снова здесь? Толпою гулкой
Несет меня на прежней жизни свет.

Шлагбаум. Офицер с кривой ухмылкой
За руку хватить и требует мой пропуск,
И ненавистью дышит в мой затылок.
— Где паспорт?.. Я ишу его. Мне плохо.
Как страшно! Вынесу ли эти муки,

Железных прутьев скрюченные руки?
Я распростерся на полу, не встать мне.
Летит презрительный плевок в меня.
— В том нет вины, — пытаюсь громко
крикнуть я,
— Что говорю на языке я братьев!

ДОЖДЬ ЭМОЦИЙ

Я взмок до нитки, словно
Заросший парк вележный
За домом — мокр насквозь.
Вся зелень в парке в бликах рос.
Меня качает томно
Волна капли нежной.

В душе — весенняя гроза
И буйной зелени прибой,
Как повстречал тебя я.
Вот отчего готов бродить,
Безумец, в этот дождь шальной
Я без конца и края.

УЛЫБАТЬСЯ, ДЫШАТЬ, ШАГАТЬ

Улыбайся, держи, неси
Океаны улыбок в ручищах!
Благодатною влагой кропи
Утомленного духа жилище.

Не морщины важны, — теплый свет
Улыбающегося лица.
Если в комнате солнца нет,
Свет рождается на устах.

Из безумно искрящихся глаз,
Как из настежь распахнутых врат,
Льется ливень улыбок, и глас
Разгорающегося костра
Слышен в недрах согретой души.
Улыбайся, держи, неси!

Затаив дыхание, слушай!
Как звучат в унисон мира сердце
И блуждающие во мраке души,
Тихо дышит живая планета.

Еле слышно дыхание это, —
То не шум облетающих крон,
Вездесущего ветра стон, —
Дуновение божьего света.

Мрачным тучам наперевес,
Из ворот, обретенных судьбой, —
Словно парус, несется с небес,
Увлекая весь свет за собой,
Милость божья из ночи минувшей.
Затаив дыхание, слушай!

Ты заплачь, преклони колени
Перед милой, ушедшей в небыль,
Ты шагай вместе с ней в небо,
Вознесись к чистоте Эдема.

Не ходьба это и не спешка
К звездам, выше звездного неба,
За пределы частного дома,
Где никто никогда не был.

Улыбайся, дыши, начинай
С восхожденья на выси небес.
Окупись с головою в улыбку,
Что любимая дарит тебе.
Улыбаться, дышать, шагать
В эту божью благодать,
Перед этой святейшею сенью
Преклони же колени и плачь!

ЛЮБОВЬ ГОЛЬТ

Германия, г. Гамбург

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

ХВ/13

ОРИГИНАЛ – АННА БАРДИ

«Вы страдаете, мой друг. Из-за любви? Поверьте мне, Вы должны быть счастливы, что пережили это, ведь нет более волнующего чувства. Погрузитесь же в Ваши мечты, в Ваши внутренние органы: почки, печень, сердце теснее всего связаны с Вашим мозгом.

Везде, во всех органах поселилось одиночество. Бесполезно искать душу. Где она? Это нечто всеобъемлющее. Даже если Вы гениально притворяетесь спокойным, я могу за сто метров от Вас увидеть, что боль овладела всем Вашим существом.

Пока еще Вы думаете, что она Вас сковывает, крадет последние жизненные силы. Но скоро узнаете, что чувство внутреннего одиночества, как и любовь впрочем, может стать приключением. Под словом «приключение» я подразумеваю путешествие внутрь себя».

Мориц почтительно слушал своего гораздо более старшего друга, в то же время отвлекаясь: поверх мудрых слов ложились его собственные мысли. Две недели назад пропала всякая связь с Валерией. Они познакомились всего несколько месяцев назад в кинотеатре около центрального вокзала, на послеобеденном сеансе. Она сидела на три ряда впереди него. Прежде, чем погас свет, они обнаружили, что были единственными зрителями. «2046» был непростой фильм, один из тех, которые не смотрят мимоходом, шедевр корейского режиссера Вонг Кар Вая.

Местом действия являлась комната под номером 2046 в одном убогом гонконгском отеле. Все человеческие страсти нашли здесь в сомнительных поисках, в игре с прошедшим временем, свое выражение...

Когда два чужих друг другу человека одни в огромном кинозале, то присутствия другого, даже, если он сидит на несколько рядов дальше, нельзя не замечать. Пульсирующий ритм вашего собственного внимания создает вызванную драматикой происходящего на экране связь с незнакомцем. В данном случае, здесь были мужчина и женщина, которые через три ряда в кинозале чувствовали это слияние.

После этого оба пошли в кафе, где разговаривали о фильме, о красоте сцен, которые живописно снял оператор, — художник с камерой. Валерия была корианкой. Они беседовали и о жизни, но только на общие темы. О прошлом, о происхождении и о себе лично едва говорили. Было ясно, что эта встреча могла бы иметь продолжение. Валерия поставила некоторые условия, Мориц узнал только ее имя, никакого адреса. Она не захотела ничего узнать о его жизненной ситуации и ничего не рассказала о себе. Контакт осуществлялся лишь посредством ее и его мобильных телефонов.

Несколько раз они встречались в одном отеле. Но обязательно — раз в неделю, всегда по четвергам, они договаривались о встрече на кладбище. Идея принадлежала Валерии. Она хорошо ориентировалась там. Кладбище было парком, самым большим в мире. Она показывала Морицу свои любимые уголки; когда они договаривались о встрече по мобильному, в основном, при помощи СМС, то это выглядело так: сегодня в 17.30, у ПО/8, следующий раз у У/22 или АА/15.

Валерия объяснила ему при помощи кладбищенской карты, как легко найти нужные места. Для ориентировки внизу стояли буквы, сбоку страницы — числа, и если соединить вместе горизонтальную и вертикальную линии, то получится место, которое подыскала Валерия для встречи. Таким образом на плане обозначались могилы. Для Валерии это было нечто большее. Ей была важна определенная атмосфера, которую она там открывала; которая излучала что-то, затрагивала нечто в ней, в нем, — это мог быть мостик, тропинка, скульптура или живая изгородь. Даже пташка, с которой она пересвистывалась наедине и с удовольствием встретилась бы потом снова.

Там начинались их прогулки, в основном, по «Тихому пути», который стал их излюбленной дорожкой. Среди мертвых они чувствовали себя удивительно живыми; придумывали истории, подходящие к именам и датам на надгробиях. Эти истории часто отражали также их собственные чувства и желания.

Наедине друг с другом они не отваживались говорить о своей страсти, о своих чувствах. Мориц жалел, что есть некая дистанция. А Валерия с изобретательной легкостью разыгрывала непонимание.

И все же для обоих каждая встреча была чистейшей поэзией.

Самым любимым местом Валерии было надгробие ХВ/13. Девушка намекала ему, что ХВ/13 — очень таинственное и магическое для нее. Мориц уже давно мечтал о том, чтобы познакомиться с этой особенной могилой. Валерия все оттягивала ее посещение, но вот однажды они там встретились.

Когда им было получено СМС, гласившее: завтра ХВ/13, 18.00, то Мориц сразу почувствовал, — для этого была особая причина. Могила ХВ/13 находилась на берегу пруда. Валерия уже ждала его.

Она подвела юношу к дереву, рядом с которым лежал большой камень. За многие годы они стали единым целым; дерево за время роста тесно обвилось вокруг камня своим стволом, все отдавая ему. Отростки наземных корней как бы обнимали камень, и они оба были навечно связаны друг с другом. Камень оставался таким же, каким и был: стойким, небольшим и независимым утесом. А дереву требовалось время, чтобы созреть, стать высоким и крепким. Осенняя непогода сотрясала дерево, и эта дрожь через сучья и ствол передавалась его спутнику. Своими соприкасающимися частями они

чувствовали чужую, но такую доверчивую близость другого. Поверхность камня переняла окраску древесной коры: зеленоватую, мшистую, серую; структура дерева, окаменевая, блестела тоже зеленым, мшисто-серым.

Валерия осторожно погладила — сначала дерево, потом камень и указала Морицу на маленький просвет между обоими. Туда она заранее вставила цветок. На скамье поблизости они с удовольствием расположились на пикник, все необходимое для него принес Мориц.

Это был теплый летний вечер, а между ними почему-то чувствовалась необъяснимая меланхолия. Валерия почти не разговаривала, ее, обычно такая игривая, живость в этот день куда-то исчезла. На прощание она только быстро обняла его и поспешила прочь; ни разу не обернувшись, она исчезла за перекрестком.

Уже на следующий день их контакт прервался. На ее мобильный номер никто не отвечал, СМС сообщение ушло в пустоту.... Мориц отказывался признать себе, что вечер накануне был прощальным. Прошло две недели прежде чем он сообразил сходить к ХВ/13.

Камень и дерево ждали его, в узком просвете виднелся увядший цветок. Мориц вытащил его, к стеблю было прикреплено письмо. Его рука дрожала, когда он читал послание: «Любимый, я знала с самого начала, что это будет последний день нашей чудесной встречи. Но я не могла тебе сказать; этот день в будущем стал бы в твоем и моем сознании постоянной серой тенью над нашими — такими фантастическими и легкими путями!

Отныне нас разделяют небеса, моря и время. Знаю, что в течение жизни всегда будут моменты, когда ветер соединит наши общие мысли. Тогда я останавлиюсь и пошлю тебе свой импульс, так, как это делает дерево с камнем. И ты почувствуешь его.

Прощай. Валерия».

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

ТОЛЬКО ВМЕСТЕ...

*Посвящается моим родственникам —
семьям Меана Рабональ и Меана Каррипио*

Что-то стучало и стучало издалека — то ли сбоку, то ли с высоты, оттуда, где мелькали над головой туманные неясные тени. Флорентино пытался приблизиться к ним, но не мог. А потом он проваливался в темноту, и стук прекращался. Распластанный на больничной койке парень не понимал, сколько же времени это продолжается. В глубокой, бездонной темноте было спокойно и не больно. Этот стук и всё раздирающая боль возвращали его к свету, и возникало ощущение, что его режут пополам, вытаскивая всё, что осталось у него внутри. И снова появлялись странные тени, которые манили в холодную спокойную темноту. Ему казалось, что только она может вернуть ему утраченное. Он не хотел возвращаться к реальности, туда, где у него ничего не было, кроме этой резкой боли.

Тонкие высокие каблочки выстукивали грациозный танец, и перед глазами Флорентино мелькала пара изящных девичьих ножек, которые любезно показывал ему озорной ветерок, приподнимавший лёгкий подол платья. Эти ножки притягивали его как магнит, и вот уже целых полчаса он следовал за ними.

Наконец, девушка обернулась. Их взгляды встретились. Он отпрянул от высоко поднятой руки, и смутился от ехидного сияния карих глаз. Тонкие пальчики откинули прядь волос со лба.

— Что испугался, думал тресну тебе по лбу? Ты что таскаешься за мной по Москве битый час.

— Не час, а полчаса, — промямлил Флор. И удивлённо подумал: «О, она девчонка, совсем девчонка. А со спины уже взрослая, красивая девушка. И она точно наша — испанка. Интересно, почему я её не знаю?»

Девушка удивлённо приподняла брови.

— Хм!.. Ты испанец?! Интересно, почему я тебя не знаю?! Как тебя звать? Для верности она произнесла эту фразу на испанском.

— Флорентино Меана Каррипио. А тебя?

— Аврора Моралис Кубийё. Вот и познакомились, — сказала девушка протягивая Флорентино руку.

Мягкая миниатюрная ладонь утонула в его руке. Почему-то перехватило дыхание, обожгло чем-то горячим в груди, сползающим вниз в область живота. Он прикрыл сверху ладонь девушки левой рукой, словно не хотел отпускать. Девушка снова усмехнулась, потихоньку освобождая свою руку.

- Флор, ты из какого детского дома?
 - Я сначала был в Ленинграде. А ты?
 - Я в Обнинске. Это рядом с Москвой.
 - Ты здесь, чтобы учиться?
 - Да я хочу учиться.
 - А ты?
 - Я работаю.
 - Работаешь? А сегодня, я смотрю, ты просто шляешься по Москве.
 - Сегодня у меня выходной. А вот ты почему не учишься?
 - Я ходила по делам.
 - И какие же дела могут быть у школьницы?
 - Я не школьница, а студентка. Учусь в техникуме.
 - Значит ты не совсем малышка. Нет, мне скоро восемнадцать.
- Девчонка привирала. Но определить её возраст сразу было трудно.

Южанки часто выглядят старше своего возраста, и Авроре тоже вполне можно было дать лет восемнадцать, или даже двадцать. Тонкая шелковистая материя платья не скрывала, а наоборот подчёркивала и крутой изгиб бёдер, и небольшую, но тугую грудь, которая, к тому же, слегка приоткрывалась глубоким вырезом. Тёмные волосы были стянуты на затылке в узел, а из-под бровей, разлетающихся тонкими изогнутыми линиями на высоком лбу, прямо на парня смотрели лучистые карие глаза. Флорентино невольно залюбовался незнакомой соотечественницей.

— А знаешь, раз уж мы с тобой свободные на сегодня, поехали на Ленинские горы. Мне там даже больше, чем на Красной площади нравится.

— Почему? Что там такого?

— Я покажу тебе. Поехали.

Через час они взбирались по узкой тропинке на самый верх, откуда вся Москва была как на ладони.

— Ой, здесь и действительно красота!

— Здесь я, как будто в Хихоне. А там внизу под нами не город, а океан! Плывут белые корабли. Вон, смотри! Один, второй, третий. Они плывут, и кажется, что один из них обязательно повезёт нас домой.

— Ты из Астурии?

— Да. Я так хорошо помню, как мы с Мануэлем, моим дядей, лазали там по горам. У нас даже было своё укромное место.

— С дядей? — удивилась Аврора.

— Да, но он старше меня всего на один год.

— Странно.

— Почему? Дедушка умер, и бабушка снова вышла замуж. Мой отец женился рано. Видимо замужество матери его раздражало, и он хотел жить отдельно. Вот и получилось так. Бабушка родила, а через год появился и я, её первый внук.

— Тогда понятно. Ой, смотри, смотри! Небо накрывает Москву, словно огромная шаль. А знаешь, нам говорили, что скоро здесь начнётся большая стройка, новый университет будут строить. Это будет ещё один белый корабль.

— Чудачка, корабли плавают в океане, а не стоят на горе. Это будет, наверное, дворец.

— Да, да! Точно дворец! Здорово!

Аврора прыгала и хлопала в ладоши.

— Осторожней, Аврора, не то скатишься кубарем, как мячик в речку.

— Ах, уже качусь, качусь! Держи! — она засмеялась, перебегая от дерева к дереву.

Тёмные волосы растрепались, раскинулись по плечам. Он обхватил её за плечи. Прижал к себе. Почувствовал трепет всего девичьего тела. И снова что-то ухнуло внутри, и потянуло к земле. А тоненькая синяя жилка на её шейке, словно магнитом притянула его губы. И смешались запахи травы и волос. И он с упоением пил этот аромат.

Они возвращались, держась за руки, пьяные от любви, как от хмельного рубинного испанского вина.

Через два месяца они поженились. Ему было двадцать лет, ей всего шестнадцать. «Ну что делать с этими темпераментными испанцами», — развели руками курирующие их руководители. Им выделили небольшую комнату в коммунальной квартире.

Свой дом. Как долго и затаённо мечталось обрести его хоть когда-нибудь. И вот уже несколько месяцев Флорентино с наслаждением переступает его порог. Конечно, дом — это громко сказано. Всего лишь комната в коммунальной квартире. Но это их с женой комната. И, идя с работы, он точно знает, что там его поджидает Аврора. Она обхватит его за шею, уткнётся в плечо, а он наклонится, отодвинет с её лица шёлковые пряди и будет пить её губы. Жадно, словно путник в пустыне, наконец, нашедший долгожданный источник. А она будет выскальзывать из его рук, смеяться и говорить ему:

— Ну, хоть поешь! Ты ведь голодный!

— Очень голодный, — прорычит он, изображая зверя, — и сейчас я съем эту девчонку.

Не добравшись до стола, где прикрытый полотенцем ожидает его ужин, он подхватит её на руки и опустит на пружинистый потёртый диванчик. И сердца их заколотятся бешено, в унисон, а на пол упадёт лёгкий домашний халатик. Он ощутит, как под его рукой напрягутся тёмные соски упругой груди, как внутри разольётся сладкая истома от прикосновения к бархатному животу. И вот уже её ножки, восхитившие его в первый день знакомства, крепко обхватят и прижмутся к нему. Они единое целое, и музыка небес звучит в них.

Сегодня никто не кинулся ему навстречу, и аромат ужина не защекотал ноздри. Комната была пустая. Флорентино озабоченно огляделся, пытаясь отыскать причину. Всё вокруг было в своём обычном виде: диванчик, стол, этажерка с книжками. Только на столе из-под сиротливого полотенца выставлялся уголок надорванного конверта.

Флорентино осторожно потянул конверт за уголок. Несколько марок и надпись на двух языках давали понять, что письмо прилетело издалека. И он точно знал, что из Мексики. Именно туда эмигрировал отец Авроры после окончания Гражданской войны. Они уже получали письма от него,

и каждый раз эти послания вносили в жизнь новоиспечённого главы молодой семьи какое-то беспокойство. Сквозь сухие строчки увещеваний к дочери, он явно чувствовал недовольство отца ранним замужеством дочери. Хотя это и не было необычным явлением для Испании. Но главное получить родительское благословение на брак. А тут, в этой далёкой России, дочь посвоевольничала, и это не нравилось отцу, пусть и далёкому.

Аврора плохо помнила свою семью и Испанию. Ей было восемь лет, когда она впервые увидела новую далёкую страну, сойдя по трапу корабля на ленинградский берег за руку с воспитателем. А до этого она почти целый год очень мало видела своего отца. Шла война, и его часто не было дома. Но в семье слово отца было непререкаемым, и отправить её в Союз тоже было его решением. И вот теперь отец хотел, чтобы дочь приехала к нему. «Что ж, можно и поехать. Тем более, что это будет очень увлекательное путешествие вместе с любимым», — думала Аврора. Сегодня ей позволили из посольства, и она помчалась, даже не дождавшись мужа с работы. Но возвращалась домой уже не в таком радостном настроении. Ей объяснили, что в отношении её проблем нет, у неё только вид на жительство, а вот Флорентино гражданин СССР, и с ним решить вопрос будет сложнее.

Подойдя к двери своей комнаты, Аврора нерешительно остановилась. Помялась у порога, а потом, глубоко вздохнув, толкнула дверь.

— Девочка моя, ты куда пропала, — Флорентино озабоченно заглядывал ей в глаза.

Она опустила голову, упёрлась лбом в его плечо, стараясь выиграть хоть минуту до начала неприятного разговора. Но он почувствовал, что она принесла не очень приятную весть. Ладонями приподнял ей голову.

— Что случилось? Ты сама не своя.

— Сказали, что у тебя с отъездом проблемы. Что делать, Флорик? Мне уже оформляют документы на выезд. Но ведь ты мой муж, тебя, значит, тоже должны выпустить. Да?

— Думаю, что советские не задержали бы. Тут что-то наши испанцы — коммунисты темнят. Ладно, разберусь.

Аврора с благодарностью посмотрела на мужа. «Вроде не сердится. Хорошо».

Быстро решить эту проблему молодожёнам не удалось. У Авроры уже готовы были документы, и тянуть с отъездом было нельзя. Флорентино ещё не терял надежды, и старался не волновать свою девочку, видя её расстроенное лицо, и заплаканные глаза.

— Ну ладно, ладно, не реви. Давай собирать чемодан.

Чтобы проводить Аврору, пришлось ехать в Одессу. И вот он последний раз обнимает её, и она поднимается по высокому трапу. Всё выше и выше её милые, восхищавшие его ножки, и вот они скрываются за бортом. Она стоит, наклонившись, и сверху смотрит на него. Солнце слепит ему глаза, он жмурится. Минуты летят, словно кто-то раскручивает их всё быстрее и быстрее. Флорентино не может их остановить.

Всё. Корабль отрывается от берега. Флорентино кажется, что прошло всего мгновение. Ему больно видеть, как огромный океанский лайнер становится маленьким корабликом, замаячившим у края горизонта. Его почти

не видно. Он уже маленькая точка. Флорентино один на причале. Со-
всем один. Но пока ещё живёт вера, что влюблённые будут вместе. Он
резко разворачивается, ему нужно быстрее в Москву, добиваться разре-
шения на выезд.

И началось хождение по мукам. Он показывал документы, он доказывал,
что должен быть с женой. Сначала ему твердили: «Подождите, вопрос ре-
шается». Потом говорили: «Окончательное решение за Долорес Ибаррури».

В этот последний раз он не выдержал, вспылал, кричал о том, что они
разлучают его с любимой. За этим холодным непроницаемым взглядом чи-
новника он увидел окончательный отказ. Флорентино трясло от бешенства.
Придя домой, он метался по комнате, расшвыривая всё, что попадалось
под руку, направо и налево. Потом настало тупое оцепенение. На столе ле-
жала бумага, приготовленная для письма Авроре. «Что я напишу ей. Я ни-
чего не смог сделать. Вернее, это Долорес, в которую мы так верили, ничего
не захотела сделать для меня». Рука сама собой выводит слова упрёка, адре-
сованные Долорес Ибаррури, горькие слова о его разбитой жизни. «Нужно
отправить письмо», — думает он. Начинает в ящиках шкафа искать кон-
верт. Взгляд натывается на небольшой флакончик уксусной кислоты, кото-
рую Аврора использовала для приготовления некоторых блюд. Он как в ту-
мане. «Зачем мне жить теперь? Зачем? Письмо? Кто-нибудь отправит».

Он подсовывает письмо под дверь. И залпом выпивает содержимое фла-
кона. Резкая боль разрезает его тело пополам. «Вот и всё».

Почему в очередной раз он выныривает из этой спокойной темноты
туда, где боль и отчаяние? Здесь ему нечего делать. Он приоткрывает глаза.
Перед ним в накинутом на плечах халате сидит Мануэль, его дядя и друг.
Он приехал из Тбилиси, где живёт и работает.

— Флорентино! Что ты наделал! Немного бы терпенья. Время всё помог-
ло бы решить.

Флорентино пытается ответить. Из горла вырываются только хрипы
и странные звуки. Снова резкая боль. Он не может говорить. Мануэль по-
нимает это. Он останавливает тщетные попытки своего друга движением
руки.

— Флорик, а твой брат, Хоакин, как всегда, начудил. Он пошёл убивать
этого чиновника, который тебе отказал в отъезде. Теперь сидит в милиции.
Но сказали, отпустят.

Флорентино представляет своего неугомонного младшего брата. Пыта-
ется улыбнуться. На лице вместо улыбки, искажающая до неузнаваемости
grimаса от изрубцованных ожогом губ. Мануэля охватывает ужас, он стара-
ется скрыть его от больного.

— Ты держись, друг. Всё наладится. Вот привёз тебе фрукты из Тбилиси.
Сказали нельзя. Кормят тебя как-то по-особому. Поправляйся.

Флорентино кивает. Мануэль наклоняется к нему, сжимает руку. Его
широкоплечий силуэт исчезает в проёме палатной двери. Флорентино оста-
ётся наедине со своей режущей жгучей болью.

В приоткрытый проём двери до него доносятся голоса его дяди и того угрюмого доктора в белом халате, который ежедневно осматривает его:

— Хотя маленькая надежда есть?

— Очень... Очень маленькая.

Флорентино опять поглощает темнота. Он знает, что скоро она его не выпустит из своих холодных объятий.

КАЧКА

Посвящается моему отцу — Мануэлю Менендес Робаналь.

Второй день их болтало в открытом море. Небо было серым, непроницаемым и холодным. Таким же холодом веяло от морских брызг, изредка долетавших до лица Мануэля. Но этот охлаждающий душ приносил небольшое облегчение и приступ тошноты немного отступал. На душе было паршиво, и он понимал, что это никак не связано с привязавшейся качкой. Море словно сердилось на всех пассажиров корабля, стремящихся к своей родине, но покидавших страну, вырастившую их. А там у них осталось так много родного и незабываемого, и у Мануэля тоже.

— Мужчина, идите в каюту. Болтанка. Здесь не безопасно.

Мануэль оглянулся навстречу пристальному взгляду, но поспешно опустил голову, мотнув ею, давая понять, что выполнит требование моряка. Он не хотел, чтобы тот заметил его смятение.

— Что, камарад, тошно? Доконала качка?

Мануэль хотел и, правда, списать всё на морскую болезнь, но моряк понял, что дело не в этом. Не дожидаясь ответа испанца, он добавил

— Понятно, от родного отрываетесь. А там что ждёт? Думаешь, сильно вам рады будут?

— Не знаю. В моей семье, наверное, не все.

— Ну, уж кому и порадоваться, как не близким! Вот чужие-то на вас, наверное, косотырятся будут. Вы ведь по-другому, уже по-нашему, скроены, не как они. Но сильно не переживай. Вам год на раздумье дали. Если что, давай назад. Мы вас — испанцев любим.

— Назад не к кому. С женой разошёлся. Дочку она отправила далеко, к своей матери.

Моряк поглядел сочувственно, похлопал по плечу.

— Держись, друг-испанец.

— Стараюсь.

Мануэль и сам не знал, почему он так разоткровенничался с этим первым попавшимся моряком. Обычно был сдержанным на слова, и особенно не мог терпеть сочувствия к нему, тем более жалости. Видимо, съедающая его тоска уже не убиралась в нём, и вырывалась наружу. Ему стало стыдно за свою минутную слабость, резко развернувшись, он пошагал в свою каюту. Там, в душной тесноте, единственной радостью и одновременно грустью было возиться со своим племянником Флориком — ровесником его дочери. Мальчишка и внешне очень её напоминал, такой же рыжеватый отлив

тёмных волос и милые крапинки веснушек на носу. Ласковый и спокойный ребёнок с дядей становился непоседливым и шаловливым, видимо понимая, что из этого большого с атлетической фигурой дядьки можно вить верёвки. Он взбирался к нему на шею и строил подобие пирамиды, которую делали Мануэль с друзьями. Иногда к их играм присоединялся и Хоакин — отец Флорика. Это отвлекало и занимало пустое, бесконечно тянущееся время. Но самым тяжёлым в этой дороге к дому были долгие, кажущиеся вечностью, ночи, когда мрачные мысли попеременно с туманными надеждами роились в голове и налетали на него, то осиною стаей, то легкокрылыми бабочками. Бабочек спугнуть было очень легко, а вот осы жалили невыносимо больно. И словно наяву он снова прокручивал всё давнее: то радостное, то печальное. Вот он идёт под руку со своей молодой женой и его распирает от счастья: «Завоевал гордяхку! Первая красавица на комбинате. Мужики табунами вокруг толкуются, а она всё-таки его выбрала». И тут-же нахлынет другое видение, от которого ком подкатывает к горлу: «Моя долгожданная радость — доченька. Вся в меня! Черты лица, брови, тёмные волосы. Правда, она чуть посветлей, чем он, но не в жену. У Валентины волосы русые кудрявые, а у его Татки прямые каштановые. Вот в глазах больше Валентины, зелёные, как у матери, но и в них он карими крапинками-веснушками выглядывает. Танцевать очень любит: поднимет руки вверх, топнет ножкой и глядит на него. Лопочет смешно, мешая русские и испанские слова: «Танцую по-испански»? «Конечно, по-испански, моя радость, ты же испанка!» — шепчет он. И представляя её, снова любит, не налюбуется. Как вырвать её из своего сердца, как поверить, злым словам женщины, которая не смогла удержать мужа, что она чужая. «Как собака на сене, Валентина и с ним не поехала и дочку не отдала, — думает он. — Вот племянник — Хоакин всю семью везёт».

Но, конечно, если смотреть правде в глаза, то таких, как его племянник, немного, в основном едут семьи полностью испанские. Он, конечно, это понимает. «Да, трудно оторваться от своей страны, но если любишь, то всё равно пойдёшь за мужем, раз ты замужняя. А они разошлись, как в море корабли. И вот теперь свободен. Свободен от семьи, свободен от чужой страны. СССР — чужая страна, а Испания — родная? Некоторые испанцы, с видом знатока, вещали, что в Испании свободы больше будет. Не верится. Это у Франко больше?» Решился Мануэль на отъезд, очень уж домой в Хихон хочется, а сомнения гложут. В Союзе он известный спортсмен, акробат, не раз занимавший высшую ступеньку пьедестала почёта. А там? Кем он будет там? И снова представляет: «Вот они — его друзья, вся команда: он, Хоакин, Луис и второй Мануэль. Поднимаются и встают всех выше, на груди медали. Они чемпионы!» Сейчас с ним Хоакин, а Луис и Мануэль не поехали. И тут сердце пополам! Вот и разрывается оно от боли. «Нет, не могу в этой каюте, задыхаюсь, пусть там хоть волной смое!» — Мануэль стремительно вскакивает и вырывается снова на палубу.

Морская волна швыряет ему в лицо колючие брызги. Он глубоко вздыхает свежесть, рукавом вытирает солёные капли со лба, но горьковато-солёный привкус остаётся на губах. Мануэль невольно ухмыляясь: «Горько и внутри и снаружи. Эх, чемпион СССР!». Он словно смотрит на себя со стороны.

«Что здесь среди сотен таких же, как он, значит его горе? Оно больше, чем у других?» Но, как ни уговаривает себя, от этого ему не становится легче. Это его проблемы и печали, это его щемящая тоска, от которой он не может отделаться. И ему вдруг захотелось укрыться и спрятаться ото всех, как мышке в норку. Но где найти укрытие. Они здесь все вместе в этих переполненных душных каютах.

Мануэль огляделся и увидел на мокрой и скользкой палубе небольшое углубление рядом с дверью, ведущей к каютам, располагающимся внизу. Решил, перейти туда, чтобы спрятаться от ветра. К его удивлению в углублении он обнаружил женщину. Она стояла, прикрывая одну сторону лица воротником пальто.

— Холодно. Чего мёрзнешь здесь?

— Мне легче здесь, Мануэль.

Он удивился. Видимо она знает его. Пристальней взгляделся. Да, это знакомая испанка, с Тбилисского комбината.

— Эдита, у тебя всё нормально?

— Нормально. И даже радостно, как у большинства, едущих наконец-то домой.

Сказала, не поднимая головы. Голос дрогнул на слове «радостно».

«А радости-то никакой у неё нет», — мелькнула в голове догадка.

— Родители живы? Ждут?

— Живы: и мать, и отец. Отца, правда, только недавно выпустили из тюрьмы.

— Так это здорово! А у меня только мать да ещё семья брата. Но с ним отношения не очень. У нас разные отцы, и он намного меня старше. Его дети — мои ровесники.

— А, помню, Хоакин тебя иногда дядей называл. Мы думали, что шутит. Он маленький и щуплый, а ты вон какой здоровый, даже ветер прикрыв собой! За тобой совсем не дует.

— Ну и хорошо. Грейся. Что нас там ждёт, Эдита. Я на свои успехи в спорте надеюсь. Как ты думаешь, там мне это поможет?

— Конечно, Мануэль. Ты знаменитый спортсмен. Можешь ведь и тренером стать. Ты едешь с семьёй? Наверное, переживаешь, как будешь их там обеспечивать?

— Нет. Я один.

— У вас такая любовь с Валентиной была, а один?

— Русских мало едет. Сама понимаешь, уехать им было сложно.

Мануэль не хотел рассказывать о других причинах разрыва с женой. Обо всех этих судебных тяжбах, нарочито показательных изменах жены, разрыва с любимой дочерью. Он не хотел, чтобы сейчас его пожалела эта маленькая, съёжившаяся от холода и ветра, соотечественница, у которой хватает и своих проблем.

— А у тебя, наверное, всё нормально? Ты ведь с нашим парнем встречалась.

— Встречалась с нашим, а еду одна.

— Почему? У вас тоже, по-моему, были чувства.

— Чувства были, а вот дороги разные.

— Хуан не поехал?

— Ему, видите ли, нужно в Союзе получить хорошее образование.

Говорит, что в Испании сыну шахтёра это не светит, а в СССР — пожалуйста.

В голосе девушки звучал ядовитый сарказм.

«Наверное, тоже ругались, как мы с Валентиной», — догадался Мануэль.

— Ну, тут он, Эдита, конечно, прав. По этой причине не поехал и мой друг Луис. Учится. Хочет стать великим художником, а потом удивить свою родину-Испанию. Думаю, может и станет. Может и удивит. Я в него верю.

— Луис Фернандес? Это из вашей команды?

— Да.

— А у вас ещё был один Мануэль. Он едет?

— Нет. У него жена русская, как и у меня. Он остался.

— Наверное, он больше свою жену любил, чем ты.

— Наверное, — быстро согласился Мануэль. А про себя удивился выводу, который сделала она. «Так значит, чья любовь перевешивает, тот и перетягивает в свою сторону. Почему-то за обидой на Валентину, я об этом не думал».

Корабль несколько раз сильно мотнуло на огромной волне, солёные брызги долетели и до них. Мануэль невольно обхватил девушку, удерживая её от падения. Уловил быстрый настороженный взгляд. Она отстранилась, прижалась к холодной стене, словно пыталась втиснуться в неё. «Бойтся меня, что ли», — удивлённо подумал Мануэль. Она вдруг показалась ему такой маленькой и беззащитной. Эдита прикрыла рот рукой, сдерживая приступ тошноты.

— Тошнит?

— Давно тошнит, — вырвалось у Эдиты, в глазах блеснули слёзы.

— Почему давно? Качка недавно?

— Почему, почему? Почему женщин много тошнит.

— Ты беременная?

Молчание. Глубокий вздох. И снова в глазах слёзы.

— А Хуан знает?

— Нет, конечно. Пусть учится.

— Но он отец. Ты должна была ему сказать о ребёнке.

— Я ему ничего не должна! Ничего!

В голосе металл и неприкрытая ненависть. «И, правда, от любви до ненависти один шаг», — подумал Мануэль.

— А как твои родители?

— Вопрос! По головке, думаю, не погладят.

— Ты не отчаивайся, Эдита.

Ему захотелось пожалеть её, такую беззащитную и несчастную. Положил руку на плечо, пододвигая к себе ближе. Она неожиданно вывернулась, отстранилась. Недоверчивый, озлобленный взгляд. В этот момент корабль мотнуло, девушка скользнула по мокрой накренившейся палубе вниз к бортику. Мануэль бросился за ней. Мелькнули округлившиеся от страха глаза, раскинутые руки, пытавшиеся ухватиться хоть за что-нибудь. Он подоспел вовремя. Успел плотнее прижать её к борту, а сам крепко ухватиться за свисающий канат. Налетевшая волна окатила их с ног до головы.

Нужно было выбираться, но Мануэль не решался оторвать побелевшее от напряжения руки от спасительной опоры. Он ждал, когда корабль хоть немного выпрямится. Новая волна с воем обрушила им на головы очередную порцию воды. Эдита присела у борта, держась за его ноги. «О, Мадонна! — молила она в отчаянии — Не дай погибнуть мне и моему малышу». «Господи! — мысленно взывал и он, — Выпрями корабль. Дай нам возможность уйти с палубы». Налетела следующая волна, но к счастью она была немного меньше. Корабль стал выпрямляться. Можно вздохнуть, но времени терять было нельзя. Ухватив девушку за руку, Мануэль потянул её к двери, и только когда они оказались внутри тесного коридорчика, мужчина вздохнул с облегчением.

— Идём, провожу тебя до каюты. Ты вся мокрая, а простужаться тебе нельзя.

— Я сама. Неудобно заходить с тобой.

Капли воды стекали с волос по лбу, по щекам. Увлажнившиеся глаза. Может морская вода, может слёзы. Разве поймёшь. Но взгляд был тёплым, благодарным.

— Спасибо тебе, Мануэль.

— Какая тут благодарность, вместе спасались. А знаешь, Эдита, ты не переживай насчёт родителей. Я тебя в Хихоне найду, в обиду не дам. Устроюсь, к себе заберу.

Мануэль сказал это, неожиданно для самого себя. Она ничего не ответила, но отчуждения во взгляде не было. И он понял, что Эдита согласится. И вот уже дверь закрылась. И он один в узком коридоре. Он двинулся к себе, оставляя мокрые отпечатки следов. За стенами слышались голоса и знакомые, и незнакомые. Испанцы часто ходили из каюты в каюту, навещая друзей. Но сейчас Мануэль не хотел, чтобы какая-то дверь открылась и его увидели. Нет, не потому, что вид у него, промокшего насквозь, был не лучший, и пришлось бы объяснять любопытным что, да как. Он хотел остаться наедине с собой. Станные мысли роились в его голове. «Два одиноких человека — это уже не одиночество. Я нужен ей и её малышу. У меня всё получится и с работой, и с домом. Я смогу начать всё заново. Мы сможем. В конце концов, я еду домой, на Родину». Промелькнула мысль о дочери. Он успокоил себя: «Время всё расставит по своим местам, они ещё обязательно встретятся. Это будет потом. А сейчас нужно жить, работать. Нужно всё начинать сначала».

Качка стихала. Море ещё шумело, и в этих звуках Мануэлю слышался вопрос: «Что впереди? Что?». А, иногда, успокоившиеся волны приносили ему зов далёкой родины: «Жду вас. Жду»!

Корабль всё дальше и дальше уходил от берегов страны, которую они никогда не забудут, даже если будут очень хотеть это. Все пассажиры этого корабля на всю свою жизнь останутся для кого-то советскими, а для кого-то просто «русскими испанцами».

Хихон. 1956 г. Мануэль Менендес Робаналь, Анна Меана с сыном Карлосом, Хоакин Меана Каррипио с сыном Флориком.

Тбилиси. 1958 г. Валентина Менендес с дочерью Натальей, Анна Меана с сыновьями Флорентино и Карлосом.

*Хихон. 1956 г. Мануэль Менендес Робаналь
и его брат Карлос Меана Робаналь со своей семьёй (крайние слева).*

СССР, вторая половина 40-х лет. Флорентино Меана Каррипио

*Тбилиси. Начало 50-х годов. В спортивном зале снизу вверх:
Луис Фернандес, Мануэль Менендес, Хоакин Меана, Мануэль Мартинес.*

Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)

ПОДЛИННАЯ ГАРМОНИЯ

Поэтично написано... Статья — «Откуда вы?»

Каждая трава на Земле интересна в отдельности, сама по себе. Но ещё интереснее те законы, по которым сочетаются травы. Отношения между собой у них очень сложные. Тут есть борьба, конфликт, но есть и гармония, взаимность. Оба момента обычно неотделимы друг от друга.

Противоречие между ними разрешается в системной гармонии целого, — когда внутренние споры лишь укрепляют общий лад и порядок.

Этот порядок эстетически самоценен. Он — в красоте сочетаний, он — в богатстве композиций. Вот сочетания луговых растений: рядом с нивяником — василёк фригийский, на оба растения навил свои спиральные усики мышиный горошек, как бы установил связь между ними. А вот композиция лесных трав: ландыш — кислица — грушанка — седмичник.

Всё в этих сочетаниях и композициях устоялось, приобрело черты классической гармонии. Интуитивно мы чувствуем: эти травы встретились в незапамятные времена и уже давно как бы пришлифовались друг к другу. Воистину луг и лес — это классика природы.

А болото? Нет, здесь другая эстетика. И не классическая, а скорее романтическая: это атмосфера таинственности, это странные и причудливые формы... Вот растут бок о бок росянка английская — пузырчатка малая — осока топяная. Есть гармония между ними? Да, есть. Но она имеет совсем иной характер, чем гармония лесных или луговых трав. На лугу нам слышится Чайковский. А на мшаре — что-то современное, эксперименталь-

ное. Как-то уж очень неожиданно, с импровизационной смелостью сочетаются здесь необычные травы, необычные мхи.

Не ищите среди них плавных ритмов и глубоких созвучий. Синкопы, диссонансы — вот поэтика болота. Природа не позаботилась тут о тонкой согласованности форм. Она просто не успела сделать это. Ведь перед нами молодые образования биосферы. Не этой ли молодостью обусловлен романтический дух болота?

Травы и кустарники здесь могут расти в довольно плотном соседстве. Но мы чувствуем: они всё же держатся особняком. Между ними нет глубинных взаимодействий. Эта пушица и эта Кассандра: они друзья? враги? Растут рядышком — и всё же очень далеки друг от друга. Корни пушицы уходят глубоко в торф, тогда как у Кассандры они стелются в поверхностных слоях сфагнома. Эколог знает: корни этих растений находятся как бы в разных измерениях — инертном и деятельном горизонтах. Несмотря на соседство, растения эти разделены невидимым барьером. И барьер этот непроницаем.

Чем более олиготрофным является болото, тем разреженнее растительность на нём. Вот где со всей наглядностью обнаруживается тяга болотных растений к обособлению. Смотрите: это болотная орхидея гаммарбия. В полуметре от неё растёт одинокая шейхцерия. Расстояние между этими растениями слишком велико для того, чтобы они вступили в контакт, начали как-то влиять друг на друга.

Иногда кажется: между болотными растениями действует закон взаимоотношквания. Каждое ведёт своё маленькое хуторское хозяйство. И никто не помышляет о кооперации. Словно тяга к тихому уединению, к одиночеству — главная черта характера болотных растений. Нейтралитет — взаимное безразличие — разобщённость. Но почему, почему?

В душу растения не заглянешь. Но одно несомненно: у растений верхового болота — общая жизненная стратегия. Между ними много различий. И всё-таки не случайно именно здесь, на мшаре, пересеклись их пути. Что же привело их сюда? Стремление найти такое место на планете, где нет сильных конкурентов, нет ожесточённого соперничества. И вот оно, это место: суровое северное болото, все трудности существования здесь компенсируются свободой, простором. Тут никто тебя не стесняет. Пусть холодно, пусть голодно. Но зато гарантируется независимая жизнь. Очеловечивая болотные травы, невольно подумаешь: быть может, и для них воля превыше всего.

Не нужно думать, что на мшаре эти растения находят оптимальные для себя условия — нет, они с удовольствием переселились бы на уютные и плодородные места. Но эти места заняты более сильными растениями. Спорить с ними бессмысленно. Мудрее — отступить. Но куда, куда? И вот природа словно пошла навстречу гонимым. Она расковала мощную энергию, затаенную в дотоле малозаметных сфагномах. И мхи быстро завоевали обширные пространства. Фактически они создали новую среду обитания. Адаптироваться к этой среде нелегко. И всё же нашлись растения, охотно переселившиеся сюда. Болото стало для них своеобразным убежищем, резервацией.

Отсюда пестрота болотной флоры. Как говорят ботаники, это поли-типная флора. Здесь нет исконных обитателей, сформированных боло-том, нет специфических видов. Одни беглецы, одни пришельцы. Наскоро они приспособились к болотным условиям, проявив при этом недюжин-ную изобретательность. И всё же можно подметить: эти приспособления ещё не приняли окончательной формы. Перед нами не готовая, а становя-щаяся гармония, — она рождается в мучительных противоречиях.

Эстетическое своеобразие болот безусловно связано с политипностью их флоры. Это богатство форм! И форм необычных, парадоксальных. Са-мые дикийвинные, самые экзотические растения встречаются здесь, на бо-лоте. Тут надо отрешиться от всего привычного, примелькавшегося. Тут всё дышит новизной, романтикой, сказкой. Какой разнообразный мир перед нами!

Представьте город, где на одной улице расположены пагоды и минаре-ты, палаццо и фанзы, где перемешаны стили разных культур и разных вре-мён. В чем-то очень схожее разностилье мы находим и на северных болотах. Они не менее фантастичны, чем наш вымышленный город. Как же склады-валось это разнообразие? Откуда пришли на болото травы, кустарники?

Спросим об этом у вечнозеленой Кассандры. Ответ на наш вопрос со-держится в её крайне странном жизненном цикле. Проследим за ним. Начало мая... Воздух ещё студёный, но пушица цветёт вовсю. Приболот-ные берёзки тоже проснулись — по их стволам движется сок. А вот Кас-сандра ещё досматривает зимние сны. Никаких признаков пробуждения! И вдруг... И вдруг — сказочная метаморфоза. Да как же мы не уследили, когда на ветках Кассандры закачались белые колокольчики. Пришла те-плынь, и Кассандра мгновенно отреагировала на ласку солнца. Секрет этой мгновенности прост: растение зимовало с готовыми бутонами.

Осень... На мхах алеет клюква. Осыпает семена горичник. Улетают зи-мовать журавли. И вот среди осенних красок — маленький фрагмент вес-ны: белые колокольца Кассандры! Как, почему она зацвела поздней порой? Конечно, это не массовое цветение. И всё же свет золотой осени часто па-дает на распутившуюся Кассандру.

Теперь посетим болото в декабре. Кассандра — под снегом. Это очень важно для неё: прижавшись к земле, укрыться снежным одеялом. Но до-станем из-под него одну-другую веточку. И принесём домой, в тепло. Это ли не подарок к новому году? С поразительной готовностью — и без тени со-мнения — Кассандра раскрыла свои бутоны. Сказочно красивой она выгля-дит на фоне морозных узоров.

Итак, Кассандра может цвести три раза в год. И это на северных широ-тах! Ритмы растения не совпадают с ритмами Севера. Эта рассогласован-ность, асинхронность говорит о многом. Растение явно не является абори-геном, уроженцем этих мест. Пришло оно на Север из далёких стран. Судя по всему, натура у него консервативная: Кассандра упрямо хранит в себе ритмы, чуждые для её нового региона обитания. Она не хочет переводить стрелки своих биологических часов! Такова сила генетической памяти.

Заглянув в эту память, мы увидим... тропики. Причём тропики другого полушария! Ведь жизненный цикл кустарничка как нельзя лучше соответ-

ствует их климатическим ритмам. Родина Кассандры — Южная Африка. Это ли не удивительно? Растение пересекло экватор; миновало столько стран; добралось до полярного круга. И, однако, сохранило в своих генах память о тропическом солнце.

«Чуждые ритмы»: это понятие означает, что циклизм растения не соответствует его новой обстановке. Такие ритмы мы обнаруживаем и у вахты. Почему она спешит зацвести до распускания листьев? Удивительное это зрелище: залитое водой переходное болото — и над ним тысячи розовато-белых кистей вахты. К свету, к свету! Растение явно торопится. Словно боится, что на него скоро упадёт тень и оно не успеет завязать плоды. Однако, вокруг открытое пространство. Значит, спешка у растения наследственная: оно хранит память о жизни в листопадном лесу. По весне этот лес прозрачен насквозь. Света в нём вдоволь. Но распустятся листья — и плотная тень упадёт на лесное дно. Поэтому медлить нельзя. Вначале — цветы, потом — листья. Ибо цветы для растения — главное.

Вахта пришла на болота из леса. Этот же путь проделала и морошка, зацветает она тоже очень рано. При этом растение не учитывает, что на болоте холоднее, чем в лесу. Вот почему её цветы часто побиваются морозом. Рассогласование ритмов? Да, безусловно. И потребуется ещё очень много-много лет для того, чтобы гармонизировать ритмы среды и ритмы растения. Эта гармония в будущем. Вот снова мы убеждаемся в том, как молоды наши северные болота. Многое здесь пока не устоялось, не определилось. И потому нуждается в доработке, в подгонке.

Неисповедимы пути растений. Однако, попробуем дознаться у вереска: откуда он? На болоте растение чувствует себя, как дома. Но вот что интересно: вереск хорошо растёт и на скалах. Среди замшелого камня — аметистовое полыханье. Это северный август, это у наскальных верещатников началась пора цветения.

Высокая скала, и под нею верховое болото. Перед нами две резко различные экосистемы. Спускаясь вниз по скале, мы оказываемся у своеобразной границы: перед контрольной полосой кукушкиного льна остановились и марьянники, и очитки, и смолки. А вот вереск смело шагает на болото! Он является общим звеном двух экосистем. Можно подумать: это растение-универсал. У кого ещё такая широкая экологическая амплитуда? Под вереском — камень, под вереском — сфагнум. Сколь различны эти субстраты, и тем не менее, они в равной степени подходят для вереска.

Однако, различие это чисто наглядное, внешнее. На самом деле между болотом и скалами много экологических созвучий. Это в одинаковой мере олиготрофные среды обитания. Поэтому с твёрдого камня вереск легко переступает на зыбучий мох. Он загодя подготовился к трудной жизни в условиях болота.

Много на северных мшарах вереска. Но растение это пришлое. Вероятно, сформировалось оно на открытых скалах и песках. Схожий путь проделала и водяника. Вот бесстрашный скалолаз! Устроится на неприступном карнизе, прижмётся к камню — и ощутит себя в полной безопасности: зацветёт, запылит. А упадут её семена на болотную почву — приживётся и там, в соседстве с пушицей и карликовой берёзкой. Здесь тоже никто не теснит водянику. А это ей и надо. Растение словно уходит от споров за лучшее место под солнцем. Уходит на скалы, болота. Уступчивое, но по-своему сильное растение.

Присмотримся к соседям водяники на мшаре. Пушица, карликовая берёзка: облик болота невозможно представить без этих растений. Как органично они вписались в пейзаж! Вынешь их мысленно из этой картины — и она распадётся, потеряет обаяние. Казалось бы, вот самые что ни на есть болотные растения — детища этой среды, её вскормленники и воспитанники. Однако, и они не имеют кровных связей с болотом. В это трудно поверить, но вот факт: и пушица, и пухонос, и жириanka, и карликовая берёзка — растения-горцы. Да, да, они спустились на мшару с высоких гор! В Альпах пушица встречается на высоте 2500 метров. Что же принудило её к головокружительному спуску? Оледенение. И осталась там навсегда. Благо для неё нашлись удобные местообитания — послеледниковые болота.

Невидимые нити от наших болотных растений тянутся на другие континенты. Где впервые заалели шарики клюквы? В Северной Америке. Именно там установилась её прочная связь со сфагнумом. Под ледяным щитом Гренландии недавно найдены остатки этого мха. Он рос здесь, на лесных болотах, ещё в конце мелового периода. Тогда сфагнум был на вторых, даже на третьих ролях. Но предки клюквы могли уже в то время заключить союз с ним. Все выгоды этого союза стали очевидными лишь через миллионы лет, с отступанием последнего ледника. Вот когда раскрылся потенциал, за-

ложенный в малозаметных сфагномах. Они двинулись на завоевание северных просторов. И повели за собой клюкву.

На болотах немало вечнозеленых растений. Клюква, багульник, водяника, Кассандра, андромеда: в их окружении чувствуешь веяние южной природы. И это среди снегов, льдов! Мысленно увеличь тот же багульник — и вот он, тропический лес. Экзотика, настоящая экзотика. Чтобы почувствовать её, нужно немного: достаточно положить на болотный кустарничек увеличительное стекло воображения.

Впрочем, сходство с тропическими растениями тут носит вполне объективный характер. И это один из парадоксов болота. Словно два плана наложены друг на друга: мхи-северяне — и над ними зябкие кустарнички, заставляющие вспомнить о мирте и олеандре. Как же произошла эта накладка?

Конец мелового периода... Климат на Земле мягкий, тёплый. И главное — равномерный: что на экваторе, что возле полярного круга — везде теплынь, везде благодать. Тогда-то и поднялись предки болотных кустарничков на северные широты. И вдруг — холод. Катастрофический холод! Спуститься вниз по лестнице широт? Увы, спастись бегством медлительные растения не могут. Тут выбор прост: или гибель, или приспособление к новым условиям.

И вот с растениями происходит удивительная метаморфоза. Недавно это были рослые кусты, даже деревья. Но Север-чародей заколдовал их, превратил в карликов. Возникла новая жизненная форма: кустарнички. Не трудно заметить, что их высота обычно коррелирует с высотой снежного покрова. Это соответствие — новая гармония. И что снится кустарничкам под спасительным белым покровом? Наверное, прежние тёплые времена.

Проследим маршруты других болотных растений. Росянки: немислимо сложным путём они пришли к нам из Южной Америки. Камнеломки: их предки дышали студёным воздухом Гималаев. Тростник: он помнит дельты африканских рек.

Виды лесные и водные, горные и тундровые, обитатели скал, песков, сарпропеля — все они с полной неожиданностью для себя встретились на северных болотах. Можно ли вообразить более представительное вече растений? Тут есть посланники почти всех континентов Земли; тут мы видим растения, связанные с диаметрально противоположными средами обитания — от высокогорий до озёрного дна.

И вот северное болото — пусть без особого хлебосольства — приняло их всех. Можно ли отказать его характеру в широте? Перед нами уникальнейший и удивительнейший растительный комплекс. Ибо главное тут — сборность, агрегация.

Природа поставила на болоте захватывающе интересный эксперимент. Разные растения она объединила общей задачей: освоить самую необычную на планете среду обитания — сфагновый покров. Для этой цели она призвала изгоев, париев. Можно ли опираться на слабых и отверженных? Оказывается, можно. В новых условиях часто побеждает не сильнейший, а слабейший. И этим утверждает себя, наращивая жизненную мощь.

У болотных растений есть одна общая черта: это их противоречивая дружба-вражда со сфагнумом. Ведь надо всё время противостоять его нарастанию! Сфагнум даёт приют растениям — и в то же время стремится изгнать их. Поэтому жизнь болотных трав и кустарничков полна напряжённости. Они всегда обременены заботой, которой нет у других растений.

Эта общая забота объединяет их. Не успеешь, зазеваешься — и сфагнум поглотит тебя. Тут не до междоусобиц. Ибо внутренние споры и распри отвлекали бы внимание от главной опасности. Не случайно на болоте собрались растения, у которых нет особых амбиций. Это качество оказывается здесь воистину бесценным.

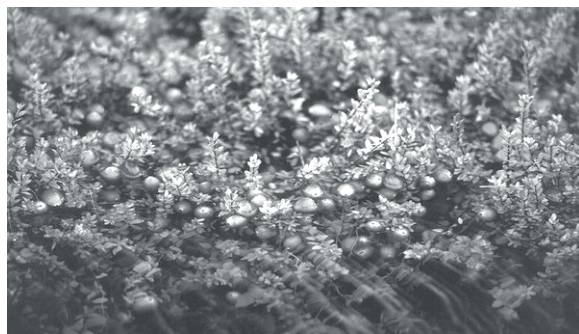
Быть может, болото дает нам самый красивый пример мирного сожительства растений. Но важно помнить: этот мир поддерживается благодаря объединённой войне со сфагнумом. Так что обстановка на болоте далеко не идиллическая.

Что же всё-таки определяет жизнь болота — гармония или дисгармония? Этот вопрос далеко не безразличен для нашего эстетического сознания. Вероятно, здесь не может быть однозначного ответа. Болото противоречиво. И противоречия эти часто разрешаются так, что на болоте всё же воцаряется гармония. Причём воцаряется надолго — иногда на тысячелетия. Однако, это предельно динамичная, внутренне напряжённая гармония.

Посмотрим на болото глазами художника. Нет ли эклектизма в сборном характере его флоры? Уж очень неожиданны, очень смелы эти сочетания форм, красок. Позволим себе такую игровую параллель: что-то в болоте есть от эстетики авангардизма. Этот экспериментаторский дух, эта ломка привычных канонов... А в результате — гармония. Только гармония странная, парадоксальная. Надо привыкнуть, адаптироваться к ней. И тогда станет ясно: в понимании красоты мы поднялись на новую ступень.

Эстетика утверждает: гармония тем глубже и содержательнее, чем более велики различия между явлениями, нашедшими согласие в ней. Гармония рождается из противоположностей! Разнообразие, разнородность: вот что благоприятствует рождению гармонии. И разве болото с его сборной флорой не создаёт условий для этого? Здесь согласуется несогласуемое, сближается не-сближаемое. Но без всякой эклектики! Ибо перед нами — гармония. Гармония — подлинная. Гармония — диалектическая.

(автор статьи Юрий Линник)

НЕОДОЛИМЫЙ ДУРМАН

Статья — «А пальма слушает, да ест»:

В начале 18 века возвратившиеся из тропических стран в Европу путешественники и миссионеры нередко рассказывали о растениях-вампирах и деревьях-убийцах. Серьёзные учёные скептически относились к подобным бредням. Но прошло всего несколько десятилетий, и ботаники привезли в Европу первые экземпляры растения, которое названо Венерина мухоловка. Едва муха попадала на вогнутые чашечки с ресничками этого растения, как его «ладошки» смыкались — жертва поймана. По прошествии ещё некоторого времени плотоядные растения, охотящиеся на мелких насекомых, были обнаружены и в Европе.

До сих пор многое, что связано с этими «посредниками» между растительным и животным миром, остаётся тайной за семью печатями. Чарльз Дарвин считал, что Венерина мухоловка, когда её ловчих органов касается насекомое, производит те же самые движения, что совершают животные, хватая добычу. Такого же мнения придерживается Владимир Оприков, профессор Нижегородского государственного университета. Проводя исследования реакции плотоядных растений на внешние раздражители, он пришёл к выводу, что некоторые из них вполне соответствуют реакциям, возникающим в нервных клетках зверей.

Заведующий отделом тропических растений Главного ботанического сада Москвы профессор Борис Головкин считает, что «ядовитые деревья, как и их мирные зелёные собратья, содержат хлорофилл и вполне могут обеспечить себя всем необходимым для жизни. Однако, без живой подкормки они становятся вялыми, перестают цвести и в конце концов погибают».

К насекомоядным растениям европейцы уже привыкли. Но вот с существованием деревьев, чьей «дичью» является человек, они смириться не мо-

гут. Хотя учёные регулярно сообщают о них с конца 18 века и вплоть до последних дней. Одним из них может считаться опубликованное в 1878 году письмо немецкого путешественника Карла Лиха польскому профессору Фредловскому.

В послании путешественник рассказывает о своей экспедиции на Мадагаскар в место обитания дикого племени мкодос. Его пригласили принять участие в ритуале жертвоприношения. Карл Лих в сопровождении дикарей отправился в глубь леса. Здесь на берегу реки росло странное дерево. Его ствол коричневого цвета достигал в высоту двух с половиной метров и имел форму ананаса. Из его верхушки росло восемь огромных листьев, ниспадавших на землю. Внутренняя сторона каждого листа была покрыта шипами. Чашеподобная верхушка дерева содержала липкий нектар. Из неё шли длинные усики, торчавшие во все стороны, и росло шесть похожих на змей тонких лиан, развевавшихся по ветру.

В жертву приносили молодую женщину. Аборигены подвели её к стволу дерева, заставили подняться на него и выпить жидкость из чашеподобной верхушки. Как только губы женщины прикоснулись к соку, извивающиеся змееподобные стебли внезапно оживились и обвили ноги и тело несчастной. Двухметровые усики, до того торчавшие в разные стороны, взметнулись вверх, крепко обхватив жертву. Пришли в движение и большие листья, до этого лежавшие на земле. Они тоже поднялись и окутали тело женщины. Жертва была так сильно сжата, что по стволу дерева потоком потекла кровь, перемешанная со сладким соком дерева-убийцы. Мкодосы бросились к стволу слизывать жертвенную жидкость. При виде жуткой оргии, в которую превратилось жертвоприношение, Лих постарался побыстрее уйти. Через десять дней он вернулся посмотреть, что стало с телом несчастной. Листья дерева уже снова ниспадали на землю. О недавней трагедии напоминал лишь белый череп, валявшийся у подножия дерева.

Бывший губернатор Мичигана господин Чейз Осборн, прочитавший письмо учёного в газете, решил сам отправиться на Мадагаскар в поисках этого растительного чудовища. Он изъездил весь остров и постоянно слышал от местных жителей рассказы о дереве-людоеде. Даже некоторые европейские миссионеры уверяли, что оно действительно существует. Но Осборн вернулся в Америку с пустыми руками — никто не решился показать ему живого людоеда.

Неудача не обескуражила бывшего губернатора. Чейз Осборн был уверен, что дерево-людоед существует. Тем более, что в древности остров Мадагаскар называли Землёй дерева-людоеда. Дополнительным подтверждением его существования является аналогичное дерево, только меньших размеров, которое он видел в Лондоне на сельскохозяйственной выставке. Чейз Осборн утверждает, что растение поедало не только крупных насекомых, но даже мелких млекопитающих. Мыши, привлечённые запахом цветка, попадали через отверстие в норку-ловушку, после чего лепестки плотно закрывались. Зверёк умирал, а жидкость, напоминающая желудочный сок, переваривала его. Такое необычное плотоядное растение, ещё не описанное ботаниками, встречалось в тропических районах Индии.

В Африке тоже имеются свои деревья-людоеды, о них рассказал биолог Клаус фон Швиммер. В конце 50-х годов он руководил небольшой частной экспедицией, исследовавшей верховья реки Каломбо в Северной Родезии. На моторных лодках члены экспедиции поднялись вверх по течению обмелевшей реки и углубились в дикие джунгли. Вскоре их внимание привлёк необычный для тропического леса аромат, который заманил людей на большую поляну. Она была почти правильной круглой формы и метров семьдесят в диаметре. В центре поляны росло одинокое дерево, похожее на индийский баньян. Кроме толстого центрального ствола, у него было ещё несколько тонких. Из-под широкой кроны с плотными блестящими листьями свисали многочисленные лианы. Удивительный запах ощущался очень сильно, и он как будто тянул людей к дереву. Вдруг Клаус заметил у подножия ствола странные белые пятна. Он приложил к глазам бинокль, разглядел кучи костей вокруг дерева и закричал: «Это ловушка! Зажмите носы! Убираемся отсюда!»

Только через несколько минут, снова углубившись в джунгли, люди стали приходить в себя. Не успели они вернуться к лодкам, как услышали позади себя вопли ужаса. Подбежав к поляне, они увидели около дерева шевелящийся шар зелёных «лиан», из которых торчали две чёрные ноги. Клаус с одним из членов экспедиции бросился вперёд с мачете в руках, чтобы попытаться спасти несчастного. Но тут дерево «выстрелило» навстречу им несколькими «лианами». Одна из них опутала спутника биолога. Несколькими ударами ножа лиану обрубили. Но тут с дерева начали спускаться новые «лианы» и спасателям пришлось обойти на безопасное расстояние. Обрубленный кусок, прицепившийся к руке одного из биологов, был сплошь покрыт крючками с зазубринами, позволяющими удерживать захваченную жертву.

На следующий день туземцы, сопровождавшие экспедицию, потребовали от Клауса уничтожить дерево-людоеда. Его забросали сухими ветками и подожгли... Когда были опубликованы результаты экспедиции, на Клауса фон Швиммера обрушились обвинения в фальсификации. Но организованная на следующий год Бельгийским тропическим институтом экспедиция нашла «поляну смерти» и подтвердила наличие на ней огромного количества костей.

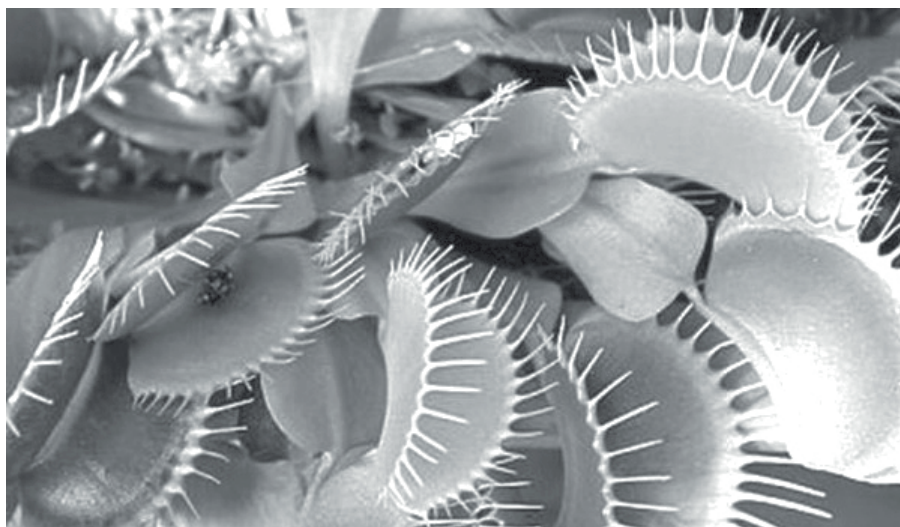
В 1970 году бразильский естествоиспытатель Марианода Сильва, находясь на границе между Бразилией и Гайаной, наткнулся в тропическом лесу на дерево — любителя сырого мяса. Оно добывало себе это необычное пропитание, привлекая к себе обезьян приторным запахом. Вдыхая его, они впадали в транс и как зачарованные карабкались по стволу хищника вверх. Там-то их и ждал смертный час. Листья смыкались над неосторожным животным, заворачивая его в плотный кокон. Обезьяны погружались в летаргический сон и погибали, не издав ни одного звука. В течение трёх дней зелёный хищник переваривал свою жертву, а затем «обглоданные» кости обезьян падали на землю.

Кроме деревьев-людоедов и деревьев-вампиров, учёным приходилось слышать рассказы и о деревьях-убийцах, основным оружием которых являются яд или газы, издаваемые их цветками. В середине 17 века в Ма-

лайзии жил голландский ботаник Румфий, писавший: «Под самым деревом не растут ни другие деревья, ни кусты, ни травы — не только под его кроной, но даже на расстоянии брошенного камня; почва там бесплодна, темна и словно обуглена. Ядовитость дерева такова, что сажающиеся на его ветви птицы, наглотившись отравленного воздуха, падают в дурмане на землю и умирают, а их перья устилают почву... Всё, чего коснуться его испарения, гибнет. Все животные его избегают, а птицы стараются не летать над ним. Ни один человек не осмелится приблизиться к нему, разве что руки, ноги и голова его будут защищены толстой тканью».

Английский журнал «Илластрэйтид Лондон Ньюс» напечатал статью об африканском дереве-убийце, которое зулусы называют умдглеби. Оно вызывает у людей священный трепет и заставляет приносить кровавые жертвы... Дерево зулусов источает смертельный газ. Учёные установили, что это газ угольной кислоты, которую растение добывает из почвы. Дерево умдглеби постоянно окружено ядовитым облаком. Спасти от него можно, только находясь с подветренной стороны. В остальных случаях вдыхание ядовитых испарений смертельно. Признаки отравления: жестокая головная боль, горячка и далее — быстрая смерть. Поэтому люди не селятся там, где произрастает смертоносное умдглеби. Но в то же время их тянет к нему какой-то неодолимый дурман. Зулусы уверены, что плоды дерева — большие чёрные стручки с красными наконечниками — могут излечить от отравления.

(автор статьи Михаил Бурлешин)

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ (повесть в рассказах)

ОТ АВТОРА

Двадцать первый век пролистал страницы двух десятилетий, и мы вступили в третье, которое принесло нам и новые тревоги, и новые разочарования. За эти два десятилетия подросло новое поколение, для них девяностые годы прошлого века, да и начало нынешнего так же далеки, как для моих ровесников была Великая Отечественная война. Нам о ней рассказывали отцы и деды, то есть мы получали правду из первых рук. Все герои рассказов моей повести реальные люди, поэтому в их историях нет ничего выдуманного. Они пережили своё сложное время, и, можно сказать, свою войну, казалось бы, в мирное время. У читателя есть возможность соприкоснуться с их судьбами, познакомиться или вспомнить так неумолимо отдаляющееся время. Это повесть о моих земляках, о нашей русской глубинке, о ностальгии этих людей по доброму и более человечному времени. Три десятилетия мы живём в совершенно другой стране. Ушли в небытие страшные девяностые, более благополучные нулевые, но и сегодня моим землякам живётся нелегко. Много, написанное в этой повести десять — пятнадцать лет назад, до сих пор актуально.

Так хочется верить, что надежда, которая как мы знаем, умирает последней, остаётся пока с нами.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Вокруг всё странно шевелится, беспорядочно и суетно. Вскрикивает ребёнок, железно тарыхтит тачка носильщика, а рядом почти бесшумно двигается машина, моющая пол, оставляя за собой большие влажные полосы, которые надвигаются на людей, сжимая им и без того тесное пространство. Кругом сумки на колёсиках, пузатые рюкзаки, уважаемые чемоданы и народ, народ, народ. В общем, вокзал есть вокзал — большой людской муравейник. И здесь в центре его так явственно ощущаешь себя маленькой беззащитной букашкой под этими высокими вокзальными сводами, а всё это мелькание и движение кажется хаотичным и бестолковым. Но нет! Приглядишься внимательней в эти, такие разные, лица и сразу поймёшь, что у каждого свой заданный маршрут, своя задача, своя дорога. И здесь они, потому что каждому хочется поскорей достичь этой конечной цели. Они стремятся к ней, но какая-то неведомая сила удерживает их в этом,

почти замкнутом пространстве, и они вынуждены подчиняться. Сиди и не дёргайся, до твоего поезда ещё долго.

Вот и сижу. Как в старом добром мультике «Всё сижу и сижу..., а рядом всё плывёт, идёт, спит, ест. Ну конечно, это же вокзал! Время до поезда ещё часа три, можно бы сходить погулять, но мои усталые ноги отказывают моему желанию полюбоваться вечерней Москвой.

А когда-то, даже бывая здесь проездом, я радовалась каждому лишнему часу, радовалась предстоящему свиданию с Москвой. Бегом, бегом из душного помещения к проспектам и старинным улочкам, к простору Воробьёвых гор и брусчатке Красной площади. И в первую очередь на лестницу — чудесницу, которой немного робеешь, но которая тебя, провинциального жителя восхищает, туда, где: «Осторожно, двери закрываются», где каждая станция великолепный дворец. Ты любишься, восхищаешься сказочным городом, и мурлыкаешь про себя старую песенку из далёкого детства «Вот она какая, большая, пребольшая...»

Это чувство влюблённости в свою столицу было естественным почти для каждого жителя огромной страны, без учёта его национальной, или религиозной принадлежности. Когда же оно утратилось? В те страшные 90-е годы? Да, по всей вероятности окончательно. Но вне всяких сомнений началось это охлаждение провинциала к любимой столице раньше, в 80-е, когда они толпами поехали от своих пустых прилавков туда за колбасой. И чем тяжелей были и физически, и морально эти поездки, тем меньше нежности ощущали они к Москве, такой сытой и самодовольной.

Первое десятилетие 21 века наполнило прилавки и оживлённых областных городов, и небольших районных, и даже посёлков, верней наполнили их наши неутомимые челноки, «пардон», предприниматели. Огромные клетчатые сумки везли нам желанные товары: продукты, с яркими упаковками, одежду, ещё более красочную и экзотичную. Такого мы не видали! Но, как оказалось, всё это было, в основном, дешёвое и не качественное барахло. А вот свои качественные, но тусклые и такие нам прежде неинтересные товары прекратили существование, так как прекратила существование вся наша промышленность. И мы опять поехали.

«Поехали!» От безработицы или от смеху подобных зарплат, на которые, если заплатишь за квартиру, то есть уже будет нечего. Опустели наши провинциальные города, особенно поубавилось мужское население.

Да вон, прямо напротив, наглядный пример этому — кучка мужчин на соседней лавочке. Говорят с протяжным волжским «О». Наверняка, мои земляки. Лица серые, усталые, видимо, едут с вахты. Один из них как -то выделяется из этого серого пятна. Определённо выделяется. Но чем? Вглядываюсь внимательней. Как же я это сразу не поняла! Конечно, своей молодостью. Лицо бледное, нежное, какое-то незащищённое, из-под чёрной вязаной шапки выбился рыженький чубчик. Где-то внутри меня щемящий дискомфорт, уж очень напоминает любимого сына. Зазвенели извлекаемые из сумок бутылки, пока пивные. Парень топчется, неудобно ему. Смотрю, телепатирую: «Отойди от греха подальше». Видимо мои мысли дошли успешно, отходит в моё направление, подсаживается рядом. Про себя: «Молодец».

Вслух:

- С вахты едете?
- Да, только приехали рано, до поезда ещё долго, но в общежитии пришлось место освобождать.
- Устал?
- Я на первой вахте, но сразу понял, что в Москве не сладко.
- А Москву-то видел?
- Да что можно увидеть, на работе с утра до вечера, поужинали, и валимся с ног от усталости.
- Правильно, что пить не стал.
- Не хочется с этого начинать, да и мать заругается, сразу поймёт.
- А ты сходи лучше Москву посмотри, а вещи я постерегу, да и напарники твои никуда не денутся. Хотя на Красную площадь съезди, и то дело.
- Вообще-то я и сам хотел.
- Вот и молодец, я бы с тобой погуляла, да ноги отказывают, уже находилась.

Ушёл мальчишка. В этот раз отказался от распития, а в следующий? Работают на износ, ничего в Москве не видят, кроме работы. Думаю, что это даже хуже, чем ездить за колбасой. В то далёкое время, если кто-то приезжал в Москву работать, так мог осесть здесь, и в перспективе стать москвичом. Коренным жителям «лимита» эта всегда была поперёк горла, а без них обойтись не могли. Но если уж приезжали провинциалы, то, чтобы остаться насовсем. А как сейчас? Семья дома, сам на заработках, жена без мужа, дети без отца, а бывает и без родителей, неприкаянная, кочевая жизнь, так не свойственная душе нашего народа. А от того и все беды! Чахнут, хиреют наши провинциальные города, а пуше деревня, как будто все жизненные соки из неё высасывает огромный монстр, а ведь монстр этот наша родная столица. А она всё втягивает и втягивает со всех уголков страны нескончаемые людские потоки. Патрициям всегда нужны плебеи, да и рабы тоже. Третий Рим возвращается к сословному делению первого. Всё по спирали, или ещё того хуже — «на круги своя». Разрастается ширится Москва, а в моём родном волжском городе за последние двадцать лет почти ни одного многоквартирного дома, если и строят, то разбогатевшие граждане — частные коттеджи. А как заводить молодым семью? Все надежды хоть как-то заработать на жильё. А где заработать? Только в столице. Вот он замкнутый круг. Разорвать который надо обязательно, если хотим, чтобы страна наша, а вместе с ней и мы выжили. Что-то вспомнился мне Царьград — Константинополь. Рухнул второй Рим, а ведь болезни его нам так знакомы.

И все мы сегодня много боеем и умираем.

Вот и здесь траурное присутствует. Женщина в чёрном платке сидит, рядом мужчина. Мягкая женская рука поверх жилистой мужской, а издали как будто это одна рука. «...и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть». Женщина интуитивно чувствует моё внимание к ним, поворачивается ко мне.

- А вы не на кинешемский поезд?
- Да.
- А не знаете, он не опаздывает?

— Да вроде не припомню, чтобы такое случилось, не самолёт, от нелётной погоды не зависим.

— Муж боится опоздать на похороны матери. Завтра в двенадцать.

— Успеете, не переживайте.

— Вот и я говорю.

И женщина, видимо, чтобы отвлечься от печальных мыслей, начинает рассказывать о далёком сибирском городе, из которого они прилетели. И радости и проблемы близкие, обычных людей, тех металлургов, лесорубов, поварих, врачей и учителей, которые раньше были героями романов и кино. Ну а теперь герои литературы и кинематографа другие — сплошь, если не бандиты, то олигархи, и золушки, которые выходят замуж всё за тех же олигархов или бандитов. Вон там, на прилавке среди глянцевого полуобнажённых красавиц видны яркие переплёты лёгких романчиков, которые с удовольствием раскупаются, особенно в дорогу. А скоро и они могут уступить место чему-то ещё более примитивному по содержанию, правда, в каком-нибудь осовремененном электронном виде. Не дай Бог! Рядом со мной молоденькая девчонка, из кармана проводочки в уши. Сидит, поглощённая созерцанием того, что внутри её, а не как я, всё пялюсь вокруг.

— Женщина, у вас ещё не скоро поезд? Посмотрите за девочкой, пожалуйста, я схожу до буфета.

— Конечно, давайте её сюда.

Вот и отвлекающий момент, скорей развлекающий — вертушка и хохотушка, смелая и общительная девочка лет шести. Общий язык найден, сейчас расскажет мне свою историю. Едет в гости к бабушке, из Казахстана. Ты откуда, девочка, не из моего ли детства?

А на горизонте симпатичный молодой человек, в руке маленький букетик, не притязательный, но приятный, около уха сотовый телефон. Сегодня точно не потеряешься, даже в этой толпе можно разыскать друг друга, не то что в былые времена, когда разойтись можно было в двух шагах, и разойтись на всю жизнь. О! Да, он к моей соседке направляется. Глаза встретились, а в них... Это сияние ни с чем не спутаешь, такой лучезарной может быть только любовь. Так вот кому эти милые цветочки, но не только они, в придачу и книжка. Заботливый молодой человек, хочет, чтобы любимая не скучала в дороге. В свете моих недавних размышлений, очень любопытно, что за книжечка. Напрягаем зрение, на удачное перевёртывание желанного объекта, благо в кои-то веки пригодилась приобретённая с годами дальность зрения. Да неужели стихи!? К тому же, Борис Пастернак — поэт не из лёгких. Ну, видимо не всё потеряно! Оптимизма в моих думах прибавляется.

А собственно думать-то уже особенно некогда. «Начинается посадка на поезд №...».

Ну, вот и всё, дождалась. Пора в путь.

НА ПЕРРОНЕ

Холодный, пронизывающий ветер. Проводница не торопится распахнуть двери к теплу шерстяного одеяла и мягкой ковровой дорожки. Дурац-

кая привычка выйти с запасом времени, а потом маяться в ожидании или чего-либо, или кого-либо. На перроне у нашего вагона таких торопыг — трое, я и одна немолодая пара. Наверное муж с женой собрались навестить своих детей и внуков. Куда ещё могут ехать люди в таком возрасте в нашей стране? Это западные пенсионеры колесят по всему свету, а наши если не к детям, то в лучшем случае, в какой-нибудь санаторий.

— Холодно? — мужчина вопросительно смотрит на свою спутницу.

— Нет, нормально. С тобой рядом в любую погоду тепло.

Она доверчиво прижимается к его плечу. Прячет ладони ему в подмышки.

Русая волнистая с лёгкой проседью прядка выбилась из-под шапочки и щекотит мужчине подбородок. Он отстраняется. Она вопросительно поднимает глаза.

— Неудобно?

Неясно, какое неудобство она имеет в виду, то ли позы, то ли неуместности такой нежности двух немолодых людей.

Мне и, правда, неловко быть невольным свидетелем, но расстояние между нами слишком мало. Видимо, иногда заткнуть уши проводками бывает полезно.

— Иди, не дожидайся, я и сама сяду, а то опоздаешь на электричку.

— Ну, электричка будет ещё не одна, а вот опоздал я, это уж точно.

— Не надо снова заниматься самоедством, судьбу не обойдёшь, не объедешь. Я тебе об этом говорила.

— Во всех твоих бедах...

— Я знаю, что виновата сама. Я и не пытаюсь тебя в чём-то упрекать.

— Да, конечно, — говорит мужчина с вызовом. — Я ведь тебе не раз предлагал разрубить этот узел.

— Конечно, милый, предлагал. Я сама не захотела оставлять семью.

— Да какая у тебя была семья?

— Какая никакая, а семья, да и кем бы я была, переехав поближе. Ты ведь и сам обременён.

— Ну, у меня другое дело. Дети, внуки, хозяйство.

— У тебя другое дело, — согласно кивает она. — А помнишь, когда я поехала в санаторий, мы с тобой целый день гуляли по Москве.

— По какой Москве, целый день проторчали в зоопарке. Ты кормила там всех подряд и тебе за это досталось от охранника.

— Зато ты кормил меня целый день мороженым, и я приехала на юг охрипшая. Целую неделю лечилась, а не купалась. Хорошо хоть путёвки раньше были почти на месяц, а вот сейчас бы, вылечилась и уезжай.

— А в восемьдесят седьмом я поехал в командировку и заехал к тебе на целых два дня.

— На тридцать четыре часа.

— Почему на тридцать четыре часа?

— Ты приехал в девять утра, а уехал на другой день в семь, вот и получается тридцать четыре часа.

— Ты что, сейчас сосчитала?

— Я считала тогда.

— Интересная бухгалтерия.

- А помнишь песню: «Сто часов счастья, разве этого мало...» А у нас с тобой по крупянам и тысяча наберётся.
- Если начать считать с пятого класса, то конечно.
- С девятого. Мы с тобой в девятом познакомились.
- Признайся, что влюбилась в меня с первого взгляда.
- Нет, с первого прикосновения. Ты сначала взял меня за руку, а потом я тебя увидела.

Стук в тамбуре возвестил приближение посадки. Продрогшие люди напирали сзади. Незамёрзшая проводница, проверяя билеты, была спокойно медлительна. Слева меня теснила огромная клетчатая сумка, справа пузатый чемодан. Я не заметила, как они надвинулись на меня, но была даже рада, что оторвалась от диалога, который, разрушил мои первые предположения.

Вдохнув характерный вагонный аромат, я прошла к своему месту, ожидавшему меня с распахнутым ртом. Сунув в ненасытную пасть нижнего сиденья свою лёгкую поклажу, я не стала торопиться закрывать его. И правильно. Напирающая на меня клетчатая сумка уже приближалась.

- Вы разрешите? У вас вроде вещей не много?
- Конечно.

Суетливое рассаживание закончилось. Поезд качнуло. Мой взгляд уловил уходящий сутулый силуэт. Вязаная шапочка, прильнув к окну, смотрела ему вслед. Интересно, прибавит ли им судьба хоть несколько «часов счастья»?

ХОРОШО

Первые минуты, когда поезд ещё только набирает скорость, толкотня успокаивается и все замолкают, только неугомонная девчонка — хохотушка в соседнем купе, свесив голову с верхней полки с любопытством разглядывает всех и тарахтит без умолку, кидая вниз цветные картинки. Заметно, что она раздражает соседку напротив, но та сдерживается, видимо предпочитая, чтобы приставaku урезонил собственный дед.

— Ленуся, не озорничай, хорошо, — просит свою внучку седовласый мужчина, слегка окая.

— Хорошо, хорошо, — передразнивает деда бойкая девчушка.

Озорница совсем не похожа на девочку из моего далёкого детства, но это волжское певучее «хорошо» так знакомо, и размеренный стук колёс уводит меня в дальние дали.

Девочка плыла в лодке. Она тихо лежала на самом дне на узеньких деревянных дощечках. На голубой простыне неба сидели пушистые белые собачки. У одной было смешное полуоторванное ухо и длинный хвост. Этот хвост завивался в колечко, слегка шевелился и тянулся к девочке. И оттуда же с неба лилась странная многоголосая музыка, она делала девочку лёгкой и невесомой, и ей казалось, что она вот-вот оторвётся от своей качающейся зыбки и полетит высоко-высоко. Но собачий хвостик, сорвавшись

с неба, превратился в змею, которая закрутилась вокруг шеи, и девочка стала задыхаться. Она испугалась и открыла глаза.

— Мама, мама! — звала она.

Над кроватью наклонилась молодая, красивая женщина.

— Дыши, дыши, Тати, не бойся! Скоро придёт доктор.

Голубое небо становится тёмным, грязно-серым, в центре его качается оранжевый абажур.

— Климат не подходит, — доносится до девочки обрывок фразы.

И снова она плывёт в маленькой очень тесной лодке, и словно из далека слышится и переливается, как блики на волнах, то выше, то ниже, странная мелодия. Блики светят в глаза и она не может открыть их, поэтому смотрит сквозь прищуренные ресницы в окно. В промежутке между толстыми шторами видны узкие длинные деревья.

— Татка, вставай! Надо позавтракать, я скоро уйду.

Вода из крана смывает остатки сна, становится веселей, но завтракать не хочется.

— Фу, мама, какое противное молоко! Ты что налила в него рыбий жир?

— Не придумывай, пей. Позавтракаешь, сходишь погулять. Валерка несколько раз приходил, пока ты болела. Слышишь, уже в дверь стучит?

Мать подходит к двери и приоткрывает её.

В проёме показалась вихрастая, русая голова.

— Тётя Валя, Наташа пойдёт сегодня гулять?

— Пойдёт, пойдёт. Только ты её одну не оставляй. Мало ли что, она ведь, сам знаешь, недавно приехала.

— Конечно, можете не беспокоиться.

Во дворе пёстрая ребячья толпа, в которой перемешаны и русые, и чёрные, и рыжие головы. Обычный послевоенный тбилисский двор: здесь и грузины, и русские, и армяне, и украинцы, и греки, и испанцы, и... Да, кто только не жил в этом многонациональном гостеприимном городе, приютившем во время войны людей со всех уголков большой страны. А после войны поехали сюда люди строить новые предприятия, рабочие руки и специалисты были очень нужны. Переженились, перемешались. Теперь и не поймёшь во многих семьях какая она — то ли русская, то ли грузинская, то ли армянская, то ли испанская? Ребята не разбираются, ватагаобщая. Слово на русском, слово на грузинском, но понимают друг друга.

— Валерка, мы за тобой. Ты пойдёшь с нами? — спрашивают ребята.

— Не знаю, мне далеко не ввели, я с Наташкой.

— Так бери и её.

Валерка смотрит на девочку вопросительно.

— Пойдём? Тута сладкая.

— Хорошо, пойдём, — говорит она с певучим протяжным волжским «о».

— Вай ме, деда* — смеётся черноволосый мальчишка. Дёргает девочку за длинную косу и передразнивает. — «Хорошо! Пойдём!»

Валерка мрачнеет и загоразживает Наташу собой.

* Ой, мамочка (грузинский).

— Не трогай.

К ним подбегают рыжий мальчишка и глазастая полная девочка.

— Эй, отойди, — отталкивает рыжий черноволосого, — она моя сестра.

— И вообще ты — дурак, — кричит тонким голоском большеглазая толстушка, — не понимаешь, что она с Волги приехала. Моя бабушка тоже так говорит.

— Да я что, я ничего. Не сердись, генацвале*.

Дружная ватага отправляется в глубину территории большого текстильного комбината. Их никто не ругает и не прогоняет, ведь все эти дети живут в большом доме, расположенном рядом с корпусами комбината, в этом огороженном пространстве за проходной. Дом этот многие называли испанским, так как лучшие комнаты и квартиры действительно занимали испанцы, которых много работало на комбинате.

Они были эвакуированы сюда во время войны, а некоторые приехали уже после, прослышав про тёплый гостеприимный город, в котором живут их земляки. Обзавелись семьями, потомством. И теперь их подростки дети, как и другие ребята, живущие здесь, считают всю территорию комбината своим неотъемлемым пространством. Им разрешалось ходить везде, кроме цехов.

Любопытство, конечно, толкало заглянуть и сюда. Шум и грохот пугал и одновременно завораживал.

— Эй, марш от сюда! — раздавался чей-то сердитый оклик, и ребята бросались врассыпную, и зазевавшийся пацан старался вовремя увернуться, чтобы не получить хорошую затрепщину.

Запретные места манили, но, в основном, ребята из испанского дома гуляли в многочисленных скверах с тенистыми деревьями, яркими благоухающими клумбами, обрамлёнными стройными кипарисами. Иногда, как сегодня, они отправлялись на задний двор, где около высокого забора стояли пирамиды из хлопковых кип. Рядом с ними росли деревья шелковицы, которую называли здесь — тутой.

Конечно, этого неприхотливого дерева было везде предостаточно, но рвать ягоды в других местах ребятам было высоко и неудобно, да и с территории ребят из испанского дома без родителей не выпускали. А здесь ветки просто лежали на кипах, можно было сидеть и наслаждаться сладкими ягодами, которые в то далёкое время никто кроме детей не ел.

Но занятие это было не безопасное, так как кипы нагромождались очень высоко, поэтому походы за тутой были под запретом. Ребята старались держать очередную вылазку в секрете, но их выдавали перепачканные физиономии.

Компания, собиравшаяся в этот поход, была не очень большая. Девочка пошла с ними впервые, ведь она совсем недавно приехала от бабушки с дедушкой, которые жили в небольшом волжском городе. В сентябре она должна была пойти в школу, поэтому нужно было за лето привыкнуть и, как мама говорила, «акклиматизироваться» в новом месте. Это ей никак не удавалось, она постоянно болела в этом городе. Сейчас, когда она, нако-

* Дорогая (грузинский).

нец, поправилась, и её отпустили погулять, она была несказанно рада и этой шумной толпе, и сладким, мнущимся в руках, ягодам, и своему надёжному защитнику, и новой бойкой подружке. Ей не хотелось казаться хилой размазнёй, и она старалась не отставать от других, когда карабкалась по огромным кипам, держась за хрупкие верёвочки. Вот, наконец, она забралась и уселась на самом верху. Отсюда хорошо были видны все окрестности и внутри комбината и снаружи. От неожиданности такой высоты перехватило дыхание.

— Ой, как высоко, — выдохнула она.

— Угу, — с набитым ртом подтвердил Валерка, — ешь.

И она, по примеру других ребят, стала рвать целыми пригоршнями мягкие сочные ягоды и запихивать эти пригоршни в рот. Ягоды мялись и оставляли тёмные следы их «преступления». Они возвратились домой перемазанные, но довольные, и им, конечно, здорово влетело от родителей.

Сентябрь наступил быстро, и голову девочки украсили огромные белые банты. Она с удовольствием надела на шерстяную коричневую форму шуршащий капроновый фартук и первый раз собрала портфель. Неизменным её сопровождающим, как и в летние прогулки, стал Валерка, ведь они пошли в один класс. И теперь в школе она стала помогать Валерке, которому учёба давалась трудней, чем ей.

Быстро прошла и первая, и вторая четверть, в ведомости у девочки стояли круглые пятёрки. Впереди был замечательный праздник — Новый год. Настроение омрачал серый асфальт и земля с пожухлой травой, совершенно не покрытые снегом. Снега ждали, как чуда.

Девочка любила кататься на санках и лепить снежки, и такая бесснежная зима ей не понравилась.

— Не переживай, — успокаивал её Валерка, — на Новый год снег обязательно будет.

Но под Новый год девочка опять заболела. Как-то утром, проснувшись, она увидела своего деда.

— Дедушка, ты мне снишься?

— Нет, Наташенька, я приехал за тобой. Хватит тебе здесь болеть.

— А мама?

— Мама потом приедет. Хорошо? — выводил напевно дед, пряча глаза.

И вот поезд уже увозит её от новых друзей: безутешного Валерки, весёлой Галки и брата Флорика, который на самом деле был её племянником. В эти детские годы ему, её ровеснику, не очень нравилось такое родство, а когда они стали взрослыми он стал шутливо именовать её «тётушкой».

Она лежит на верхней полке и любит снежинками, которые кружатся за окном.

— Снег, дедушка, снег, посмотри.

— Конечно снег, Наташенька, мы к Москве подъезжаем.

А потом они идут по заснеженным улицам, где почти не видно заборов, лишь торчат дощатые уголки вдоль снежной тропинки. Взмахнув руками, и запричитав, встречает их бабушка в маленьком доме, с большой русской печкой, от которой так вкусно пахнет пирогами. Она идёт в школу в мягких тёплых валенках. Идёт в новый класс, и знакомится с новыми друзьями.

Старательно выговаривает так, как говорят и они, чтобы её не дразнили «москвичкой».

А ночью, когда она засыпала, ей снились мамины руки, высокие кипарисы, горы из хлопковых кип и сладкие ягоды, оставляющие на руках и лице тёмные пятна. И она тихонько плакала.

К ней подходили дедушка или бабушка и спрашивали:

— У тебя что-то болит?

Она отрицательно мотала головой.

— Ну спи тогда, поздно уже.

— А в Тбилиси я когда поеду?

— Вот когда совсем поправишься, и врачи разрешат. Хорошо?

— Хорошо, — говорила она с напевным волжским «о».

Поезд мерно покачивает, и везёт меня к родному городу. Он небольшой, но очень красивый, гордо стоит на высоком волжском берегу. А тот далёкий город из детства сегодня вдруг оказался за границей и стал совершенно чужой. И все мои друзья уже давно там не живут. Но почему-то иногда и сейчас мне снятся стройные кипарисы и горы из хлопковых кип.

КЛЕТЧАТАЯ СУМКА

— Ой, извините, можно я вас потревожу, кое-что достану из сумки, обращается ко мне обладательница клетчатого баула. Отряхивая свои наплывающие мысли, не сразу понимаю, что же от меня хотят, а, когда доходит, встаю в узкий проход. Женщина быстро находит нужные ей вещи: постельное бельё, полотенце, тапочки и многое другое. «Запасливая и очень экономная», — думаю я с некоторой долей недоумения и непонимания.

Женщина, как будто читая мои мысли, поясняет:

— Ездить приходится раз в неделю, привыкла со своим бельём, да и расходы на дорогу очень большие, чтобы оправдать свои поездки приходится экономить.

— Но доходы ведь у вас, наверное, не плохие?

— Ну, это как посмотреть, аренда, налоги, зарплата продавцу, а в нашем маленьком городе очень дорогие товары не покупают, накрутки делаю небольшие. Так что олигархами на таком «бизнесе» не станешь, а вот физически выматываешься ужасно.

— Да, — соглашаюсь я, и в памяти встаёт другая поездка, другая женщина и другая клетчатая сумка.

Весна накинута голубой платочек неба и вырядилась в пушистое бело-розовое платье цветущих вишен, яблонь, сирени. Середина мая. Всего два дня меня не было дома. Уезжала в хмурый, холодный день, дома не было ни зе-

лени, ни цветов. А вот, поди же ты, четыреста километров южнее, а всё вокруг благоухает. Будто попала в другой мир. Вырвалась только на выходные, на день рождение дочери. Поехала совсем налегке: маленькая сумка, да пакет с подарком, возвращаться — с поезда прямо на работу. У дочери в Подмоскovie под окнами кипенье сирени. Не удержалась, сорвала несколько веток. И вот так налегке, с ароматной сиренью сажусь в вагон.

Дочь отправляю на электричку:

— Отправленья поезда не жди, приеду — позвоню.

Место нижнее, напротив мужчины, на боковом сиденье ещё один. Похудевались, приглядываемся. Диалог ещё не начали. Сирень кладу на столик, из сумки достаю книгу. Минут десять до отправления поезда. Вдруг в наше, почти обжитое пространство вваливаются две женщины с огромными клетчатыми сумками, правда, полупустыми. Ни на кого не глядя, ни слова не говоря, встают в проходе, затапливают сумки на третью полку, кидают на вторую на матрас какое-то тряпье. Скидывают в проход обшарпанную, растоптанную обувь. На стол, рядом с сиренью брошены билеты. Одна женщина со стороны прохода забирается на вторую полку. Вторая ставит ногу в не первой свежести носках, прямо перед лицом мужчины на стол и тоже забирается на вторую полку.

Слышу невольный возглас сидящего напротив соседа: «Женщина, да вы что!», на который нет никакого ответа. Вижу изумлённое лицо обоих мужчин.

Пять минут до отправления поезда. С верхних полок раздаётся мерное похрапывание. Женщины спят беспробудным сном!

Поезд тронулся, билеты проверены, бельё роздано.

Мужчины наперебой начинают предлагать мне свои услуги: один принести воду для сирени, другой заказать чай. Наверное, я очень контрастно отличаюсь от тех двоих со своей дамской сумочкой и сиренью. Мужчины ничего не говорят о женщинах, спящих наверху, но взгляд, который они бросают время от времени на них, красноречивей слов. Этот взгляд презрителен. А мне, почему-то, становится очень жаль наших попутчиц. Нет, я не оправдываю отсутствие элементарной культуры поведения, но у меня возникает чувство, что они просто нас не видели. Эти «бизнесменши» больше были похожи на вымотанных рабов.

Поезд мерно постукивает и покачивает. Мы ведём тихую интеллектуальную беседу. На верхних полках спят женщины. Утром они молча спустились и также молча вышли в небольшом городе, незадолго до конечной станции. А у меня они ещё долго не выходили из головы, вот и сейчас вспомнились. Моя соседка, конечно, воспитанней и приятней, но, несомненно, в них есть что-то общее. Что? Неужели эта клетчатая сумка? Нет, наверное, их роднит эта обречённость, эта неизбежность участи наших российских баб, а иначе и не назовёшь, которые взваливают на свои плечи тяжёлое бремя ответственности за свою семью. И не важно каким способом они выживают: с сумками, баулами, дежурствами по ночам, горами, проверяемых

тетрадей, воспалёнными от компьютера глазами — главное, что в этой жизни им не на кого опереться и они надеются только на себя. Ведь не может же настоящий мужчина позволить своей жене ехать куда-то с тяжёлыми сумками, вкалывать по двенадцать часов в день, неважно на какой работе. Но только, где они, настоящие? А может и им не сладко, может и они едут в этом поезде?

ЧЕПЭШНИК

Ехать на поезде, конечно дольше, чем лететь на самолёте, но мои предпочтения очевидны. И дело не в том, что отрываясь от земли, испытываешь неясную, таящуюся в недрах твоей души, тревогу, и даже не в том, что полёты разом вытряхнут содержимое твоего тонкого кошелька, не оставив заначки для маленьких женских удовольствий в виде посещения парфюмерного магазина и парикмахерской, дело совсем в другом. Я люблю в поездках на поезде три вещи: слушать и вглядываться в окружающих меня людей, думать под мерный стук колёс, любясь в окно, и пить чай, который приносит проводница в старинных тяжёлых подстаканниках. Если первые два удовольствия относятся к сфере духовной, то третье находится как раз на границе, где две эти сферы духовная и телесная смыкаются. Тяжёлый подстаканник напоминает мужчину в сюртуке и в галстуке, маленькие пакетики с сахаром — девушку в кружевных панталончиках, аромат, который вместе с дымком поднимается вверх, пахнет милой дамой в кринолине с неразрезанным романом в руке. Чай в поезде — это особый ритуал, избежать которого, равносильно потерять всю прелесть поездки.

Вот этого-то чая я и заждалась!

Выглядываю в проход. Что-то проводница медлит, не желая доставить мне удовольствие. Таких, нетерпеливых, не я одна. Мужчина отходит от своей компании, разместившейся по соседству, и спрашивает меня:

— Вы тоже ждёте чай?

— Вы угадали, — улыбаюсь ему в ответ.

— Я схожу, напьюсь, все равно собрался в тамбур покурить.

Его окликают:

— Чепэшник, ты куда? А по рюмочке?

Но мужчина, махнув рукой, уходит. Слышу, как кто-то говорит:

— Не уговаривайте, он не будет, в рот не берёт.

— Завязал?

— Так вроде он сильно и не пил?

— Зато редко, да метко. Не зря — «Чепэшник», как выпьет, так ЧП. А последний случай всё и перевернул в нём.

— Расскажи, Палыч, — просят мужики, и я, понимая, что услышу незаурядную историю, подсаживаюсь ближе к проходу.

«Серёга, не смотри, что внушительного роста и силы недюжинной, он парень скромный и стеснительный, хоть ещё мальчишкой подростком многие отцовские дела были ему по плечу. И среди сверстников был заводилой и авторитетом, хоть и не многословен, но подчинялись ему с одного взгляда. Слабых — сам не обижал и другим в обиду не давал. А вот девчонок сторонился, вроде как и побаивался. Вот уж и армию отслужил, да не как сейчас, не успели взять, а вот он и дембель наступил, полных два года долг родине отдавал в десантных войсках. К тридцатнику подбиралось. Родители одолели: «Женись, да женись». Приглянулась ему девчушка, решился, наконец, поухаживать, да и она вроде взаимностью отвечает. И родителям её он нравится. Жених хоть куда, не пьёт, не курит, работающий, да и не неуч, за плечами техникум. У нас-то дома всё ещё по старинке, прежде, чем жениться, нужно посвататься, а по простому говорят не «сватать», а «пропивать». Сватовство началось честь по чести, как полагается — вино рекой течёт. А тут жених сидит, как красная девица, а в стакане сок, как у малого дитя. Будущая тёща думает: «Не порядок, нужно проверить зятя». Проверить — это значит напоить, чтобы узнать, сколько выпьет, да каков он пьяный. Ну и давай ему подливать будущие родственники водочки, да с уговорами, не отвертеться. Умеют же у нас уговорить выпить, тех немногих, кто не хочет этого делать. И главный довод при этом: «Не уважаешь?». Пьёт Сергей, румянится, вроде и не пьянеет совсем, да вдруг враз осоловел, глаза кровью налились. Не успели гости и ахнуть, а уж он весь стол навзничь опрокинул. Еле утомонили его. На другой день проснулся, ничего и не помнит. Невеста от него шарахается. Чуть отставку ему не дала, но любовь взяла своё. На свадьбе его уж никто выпить не уговаривал. Кличка, правда, к нему приклеилась, «чепэшником» стали называть. Зажили не плохо, вскоре девчушка у него родилась. А тут, будь она неладна, перестройка началась. Поехали мужики работу искать. А где она — работа осталась? В столице, да в крупных городах. Вот Сергей с нашей бригадой и подался. Зарабатывали не плохо, даже получше, чем теперь. В конце вахты решили немного расслабиться. Уж и не помню, кто его тогда уговорил, но только разметал он наш вагончик в щепки. Не часто он, конечно, выпивал, но всегда в результате его веселья — «ЧП». А вот несколько лет назад решили мы с мужиками после вахты дома в баню сходить. Сергей тоже любитель попариться. Жена у него в вечернюю смену работала, а дочка у тёщи была. Да нужно было тёще утром рано куда-то, ну и просила его жена дочку-то забрать. Он намылся, мы уж его повадки знали, никто и не уговаривал выпивать, да вышел он от нас немного вперёд. С кем хлебнул в предбаннике? Не ведаю. Баня большая, городская, славится парилкой, со всего города мужики ездят. Ушёл и ушёл. А на другой день узнали его приключение. Пришёл он к тёще уже поддатый. Велит: «Собирай дочку». Тёща знает, что перечить бесполезно. Одевает малышку. Говорит: «Выходи, бери санки, а я её укутаю и посажу». Весёлый он на тот раз был, взял санки да всю дорогу с песнями. Зимой дело было, мороз градусов двадцать. Под ногами снежок хрустит, санки легко катят, быстро домой доехал. Наклоняется: «Ну, доченька,

вылезай». А в санках-то пусто. Он туда, сюда. Нет никого. Под ногами правда полено валяется, да он на него внимания не обратил. Побежал бегом к тёще, всю дорогу по сторонам смотрит. Враз протрезвел. Здоровенный мужик, а по щекам слёзы катятся. Дочку-то он до беспамятства любил. Вбегает к тёще, а даже вымолвить ничего не может. Мычит: «Доченька!». А тёща ему: «Не заболела ли?» Он побледнел, того гляди рухнет замертво. Покачала головой баба, дверь в другую комнату открыла, а доченька его в кровати спит. «Эх ты, чепэшник, — урезонивает его — да неужто я тебе пьяному-то внучку бы дала, чай полено ты вёз. А ведь и не понял даже». Вот как! С тех пор и не пьёт совсем. Чего уж, раз не может».

— Да уж это точно, не может, — поддержал пожилой жилистый мужичёк в потёртом свитере.

— Не к рукам, так хуже варежки, — многозначительно дополнил другой его сосед.

— А тёща-то змея, чуть не угробила мужика.

— А где ты видел, чтобы тёща, да не змея.

— Нет, мужики, я вот думаю, это как-то и не того, не по-нашему. Русские мужики всегда выпить умели.

— Чего мы сейчас и сделаем, — нетерпеливо возвестил мужчина с землистым лицом, покрытым сеткой мелких морщин и словно синькой подведёнными подглазинами.

Зазвенели стаканы и кружки. Периодически звучало «слушай...» или «помнишь...», но это было уже не интересно.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Четырёхместное плацкартное пространство обжито по-человечески. Каждый разместил свои пожитки по-своему, создавая маленький, но свой уют. Мои соседки — женщины, и наше женское купе контрастно отличается от мужского. На маленьком столике булочки, вафельки и долгожданный чай. На этот раз мне здорово повезло, вагон старый и подстаканники из тех же времён. Позвякивают ложечки о стекло, постукивают колёса вагона, и всё это располагает к приятной беседе. О чём чаще всего разговаривают женщины? Конечно о мужчинах. Правда, один друг мне шепнул по секрету, что мужчины тоже отдают предпочтение разбору женских тайн, перед полемикой о политике. Думаю, что наши соседи, едущие с вахты, дадут нам хороший повод к беседе.

Кажется, я не ошиблась!

— И что с нашими мужиками происходит, просто не понимаю, — завозмущалась обладательница клетчатой сумки, — скоро, наверное, повымирают, как мамонты.

— Ну что вы, мужчины разные. Вот в столице — очень даже ничего, — улыбнулась молодая яркая красавица, занимающая верхнюю полку напротив меня, — это у нас в провинции они как вид исчезать стали. Микроб, что ли, какой съели?

— А мы тоже хороши, надо было им вовремя прививки делать. Мне кажется, их губит наша доброта, нетребовательность, так отличающая нас от европейских женщин, — включилась в беседу третья моя соседка.

— Ну, так что же, всем становиться стервами? Сегодня это слово, как ни странно, становится уже не ругательным, а комплиментарным по отношению к женщинам, — не удержалась от размышлений и я.

— Не знаю, какими нужно быть, но хорошим отношением их точно не спасти. Могу в доказательство, если хотите, рассказать историю моей подруги, — предложила предпринимательница.

Мы, естественно, хотели.

«Рита вовремя поняла, что время настало, только не зевай. Это, конечно, девяностые. Мужа она потеряла под закат советской власти, съела его опухоль, как в народе говорят, сожрал рак. Возможно, хорошо, что случилось это до смутных времён, был он типичный совковый мужик, вряд ли бы стал раскручиваться, был бы только обузой. А так, она его всегда вспоминала с теплотой и грустью. Жили они скромно, но душа в душу, сначала в семейном общежитии, затем в двухкомнатной брежневке. Для друзей дом всегда был открыт, праздники весело проводили. Стол скромный: сырок Дружба с яйцами, натёртые с чесноком, винегрет, ну а если салат «оливье», так это вообще шикарно. Зато песен напоятся, напляшутся, не то, что сегодня: стол ломится, а наедятся и сидят, отдуваются, беседа и то ленивая. Когда перестройка обрушилась, дети у неё подростками были, хочешь, не хочешь, а поднимать надо. Работали на фабрике, вместо зарплаты — бартер: что дают, то и бери. Хорошо, если продукты, а могли и диван предложить. Хоть сиди, хоть ешь, не хочешь брать — жди у моря погоды. И по полгода ждали, а всё ещё многие не верили, что вот так всё разрушат и «прихватизируют». Ваучеры большинство народа старались вложить в свои родные предприятия, а потом оказалось нет ни ваучеров, ни предприятий. Вроде и здание стоит на месте, да иногда даже работает, а тебе уже не принадлежит. Обвели вокруг пальца «чубайсики». Сто хозяев сменилось, лишь рабочий, как был никем, так и остался никем. «Всем» то он, и в советское время, конечно, не был, но жилось получше «тегемону». Рита созерцать всё это и ждать не стала, а рванула челноком в Польшу, Турцию и другие гостеприимные страны, которые очень обрадовались нашему необъятному рынку. Попала она «в струю»: купила себе по дешёвке дом в центре города, отстроила торговый комплекс, из квартиры переехала в новый дом. Лет десять прошло в круговороте, и не заметила их. Дети подросли, выучились, но никто не захотел вместе с матерью продолжать её бизнес, хоть он и кормил их. Разъехались. В большом красивом доме осталась она одна. Всё вроде есть, а чего-то не хватает. Дама она была интересная, мужики заглядывались, да ведь что толку. Если порядочные — живут с семьёй, отбивать не будешь, не так воспитана. Если не очень — то уже с любовницей, но и в любовницы она не хотела.

И тут случается с ней такая история. Как-то вечером после работы подъезжает она к дому, вышла из машины, чтобы открыть гараж, а замок заклинило: ни туда, ни сюда. День выдался тяжёлый, она усталая и злая. Полчаса провозилась, ни в какую! Хотела вызывать знакомого мастера, так ведь быстро бы не приехал. Подходит к ней мужик, с виду обычный бомж, но без характерного запаха, видать ещё не совсем опустился.

— Мадам, что-то у вас неладится, может помочь? — говорит с сочувствием, а поглядывает с любопытством.

Женщине, конечно, помощь нужна, но доверяться первому встречному, тем более такого потрёпанного вида, не хотелось.

— Нет, — говорит, — скоро муж приедет.

— Пардон, мадам, дело ваше, хотел как лучше.

Рита была совершенно вымотанная, и неожиданно для себя решила: «была — не была».

— Ну, хорошо, попробуйте, долго ждать не хочется.

Мужичок взял у неё ключи, повертел их, заглянул в замок, потом каким-то неудовимым движением крутанул, и ворота открылись.

— Загоняйте свой «мерседес», мадам, чего ж мужа-то ждать, — хмыкает не без ехидства в бородку.

— Спасибо, — говорит она, — сколько я вам должна?

— Да кусочек, какой не жалко дадите, из ваших ручек всё, как конфетка будет.

— Сейчас, сейчас, — заторопилась она, — достала из пакета бутерброды, что остались от обеда.

И что-то защемило у неё, глядя на мужика, пожалела, что ли.

— А подработать не хотите? — спрашивает, — у меня дома кое-что подремонттировать нужно.

— Это можно. Только муж ваш возражать не будет?

— С этим я разберусь, приходи завтра пораньше, а то мне на работу днём уехать нужно будет.

Утром Риту засосала обычная суета, и она думать забыла о неожиданном для себя самой приглашении, поэтому, когда раздался мелодичный колокольчик звонка, она даже удивилась. Подумала: «И кого это в такую рань несёт?». Вышла на крыльцо, а погода была в этот день отвратительная. Поглядела на серое тяжёлое небо, морсящее потихоньку, но без видимого в скором времени окончания этой сырости, аж досада взяла, что кого-то несёт в такую рань. А звонок всё дребезжит, хоть и без удовольствия, но пошла к калитке.

— Кто? — спрашивает не без досады.

— Вы работать приглашали.

И тут до неё дошло, что это продолжение вчерашнего приключения. Открыла калитку. Прямо напротив её вчерашний знакомый. Глаза усталые, в которых то ли вопрос, то ли надежда. Не разберёшь! Рассердилась на саму себя: «Ну и дура я, чего разжалелась!». Но отступить почему-то стало неудобно.

Пригласила:

— Ну, входи, раз пришёл.

— Мадам разрешает? — спрашивает её, а в голосе опять ирония.

Хотела моя Ритуля его послать подальше. Баба она с характером, но опять что-то остановило. Показала, что нужно делать во дворе. Работа не сложная, за баней дрова уложить, да место для беседки расчистить. Сама ушла в дом. Но нет-нет, да выглянет из окна, посмотрит на работу. А работает мужик ладно, не смотри что хилый, изголодавшийся. К обеду управился. Пригласила его в дом, накормила. Видит, что мужик был не простой работяга, не их, не фабричный. Что-то в нём такое неуловимое, чужое ей, но одновременно притягивающее. И разговаривает на интересные темы, и в курсе всех событий, и даже ирония его перестала раздражать, хоть и поддел он её.

— А вот про мужа вы, мадам, зря. Нет у вас никакого мужа.

— С чего это вы взяли, — взъерошилась она, даже назвала его на вы.

— Живёте зажиточно, но по всему вашему хозяйству видно, дом без мужика.

— Так уж и видно?

Начал он ей перечислять, что где сделать нужно. Она даже удивилась, что многого не замечала. Спросила:

— А ты всё это устранить можешь?

— Конечно, могу, если мадам доверит.

— Ну что ты всё, «мадам, да мадам», меня Ритой зовут.

— А меня — Евгений.

— Вот и познакомились.

С этого дня он стал у неё работать. Целый месяц утром приходил, а вечером уходил. Обычно Рита не очень работникам доверяет, а его даже одного в доме оставляла. А через месяц пришли к ней мастера беседку делать, развели канитель, это не так, да это не то, цену заломили. А мужик был невольным свидетелем. И говорит ей:

— Да гони ты их, я тебе за месяц такую сделаю, глаз не оторвёшь. И денег мне не нужно, только за прокорм.

Она под горячую руку и выгнала мастеров. А мужик занялся беседкой. И выходило из-под его рук всё удивительно красивым. Рита просто диву давалась: «Как это у него всё получается? Просто мастер на все руки». Как-то раз провозился очень долго. А погода испортилась, дождь, как из ведра. Она раньше не спрашивала, куда он уходит, а тут что-то толкнуло её. Он так неопределённо буркнул. У неё опять жалость сыграла, предложила остаться переночевать.

— Иди, — говорит, — баню затапливай. Хоть отогреешься.

Сама первая помылась, а пока он парился, решила ужином его вкусным накормить. Возится на кухне, а тут и он является. Как в той песне: «Чист, как только что из ванны...». Ну из бани-то ещё лучше, конечно. В махровом халатике, набритый, душистый. Не узнать!

На улице погода всё хуже, да и дома сумрачно, сыро. Решили затопить камин, сели поближе к огню. Достала она винца хорошего. Посидели, выпили, душевно поговорили. Ну а дальше всё как-то само собой получилось. Утром просыпается рядом с ним. И так ей хорошо стало! Ведь для женщины даже не вечер и не ночь важна. Главное, утром проснуться рядом! И на-

чался у них медовый месяц. Он дома занимается делами, она своим бизнесом.

«Мне, — говорит, — ничего от тебя не надо. Только будь рядом». Но рядом он пробыл чуть больше месяца. А потом помрачнел, стал какой-то сам не свой.

Ходит из угла в угол, ничего не делает, а однажды и промолвил ей.

— Ты, конечно, Рита, женщина хорошая, но пойду я к своим. Не нужен мне твой комфорт. — Уходя, не взял даже одежды, что она ему накупила.

— Куда она мне там, — говорит, — в такой одежде не поймут и не примут к себе мои друзья. Ты что, думаешь, у меня в прошлой жизни ничего не было? У меня всё было, но мне это не нужно.

— А что тебе нужно? — обалдела Рита.

— Свобода.

Шагнул за калитку, пошёл под моросящим дождём. Рита смотрит ему вслед, а он не оглядывается даже. Идёт вдоль улицы, голову в плечи вобрал, поднял воротник своей потрёпанной куртки, где только он её хранил, одному Богу известно».

Замолчала предпринимательница. И мы молчим. Вроде такого конца и не ожидали.

Но всё-таки думаю, чего-то в этой истории не хватает. Не проглядывало за всем этим благополучием духовности, родства душ, которые так необходимы. Может это он и искал, этого и не хватало в предыдущей жизни? А может, просто в таких случаях нужен хороший психолог, который поможет человеку адаптироваться в новые условия? А некоторым и врачи-наркологи. Добровольность лечения — это полнейший абсурд! Редко кто из них считает себя больным. Но опустившихся людей действительно становится всё больше. Что-то страшное происходит с нами. В городах у мусорных контейнеров бомж — обычное явление, и чаще это именно мужчины. Вот и сейчас в этот вечерний поздний час, там, на маленькой станции, которая за окном поезда, милиционер гонит из здания какого-то бедолагу. А наши души становятся всё более чёрствые. Помню, пришлось мне несколько лет назад посмотреть фильм из своей молодости «Генералы песчаных карьеров». Увидела в программе, усадила с собой детей. Вспомнила и рассказала им, как в молодости мы выходили из кинотеатров зарёванные, так нас потрясла судьба бездомных. Плакали даже взрослые парни, хоть и стеснялись своих слёз. Особенным шоком для моих друзей было то, что в фильме беспризорники ели из помойки. Мы дети шестидесятых не видели никогда ни бездомных, ни нищих. И вот сидим, смотрим — и я не плачу, и дети мои не плачут. Говорят: «Да, мам, фильм не плохой. Но над чем вы там ревели? Обычные беспризорники». И, действительно, думаю, сегодня — обычные. Но не тогда.

— Ой, женщины, нашли над чем голову ломать, — улыбается молодая с верхней полки, — закон джунглей: слабый вымирает, а сильный побеждает. И если ты не дура, то всегда сможешь найти сильного.

— Ну а вы, конечно, к категории дур не относитесь, — усмехнулась предпринимательница.

— Конечно. Дуры остаются в провинции, там нормального мужика днём с огнём не найдёшь. Но ведь есть и мегаполисы, где есть из чего выбрать.

— Вам удалось?

— Вариант не самый удачный, но в перспективе... В Москве ведь главное зацепиться.

— Мне кажется и в Москве кому-как повезёт, — тихо возразила соседка напротив.

Оборачиваюсь и смотрю на неё внимательно, может разговорится, но нет. Видимо ещё не её время для откровенности.

И я обращаюсь к молодой попутчице:

— Поделитесь вашим московским опытом.

И новая история, а верней судьба, продолжила наше чаепитие.

МАНЯЩИЕ ОГНИ

Школу Лариса закончила почти отличницей. Могла бы и с медалью, но какой смысл. Институты в областном центре, а у неё — мать с мизерной зарплатой и привычкой большую часть её пропивать. Учиться на дневном отделении, конечно, без поддержки она не смогла бы. Да и мать ей заявила: «Работай. Я с пятнадцати лет работаю, а тебе вот-вот восемнадцать». На помощь отца надеяться не приходилось, она о нём уже лет десять не слышала, а от алиментов её родимый благополучно скрывался.

Работы в маленьком провинциальном городе не было, и никакого смысла оставаться здесь тоже не было, потому что парень, с которым она дружила в школе, уехал поступать в институт. Ехать за ним не позволяла гордость, да и он не особенно приглашал. Лариса решила: «Была, не была, ехать, так уж в столицу». Решительно вытряхнула свою заветную копилку, в которую потихоньку складывала уже несколько лет утаенные от пьяной матери деньги, надеясь, что поедет учиться вместе с Павлом. Наивная! Денег хватило только, чтобы купить билет до Москвы. Осталось совсем немного, но она решила, что этого на первое время хватит. Покидала в дорожную сумку самое необходимое из вещей, и, сказав матери: «Ну что ж, работать, так работать», шагнула за порог.

В Москве она была только проездом, да и то в далёком детстве, когда ещё отец жил с ними, и они поехали отдыхать на юг, перед её первым классом. Остались лишь смутные воспоминания о лесенке-чудесенке, на которой ей очень нравилось кататься, да о зоопарке с длинношеим жирафом. Единственное, что её потом выручило, так это то, что она запаслась адресом знакомой соседки, которая работала в Москве уже несколько лет.

Как и сейчас, билет ей достался на верхнюю полку. Не успев отъехать, она забралась туда и лежала, уставившись в окно и предаваясь мечтам о прекрасном будущем, которое её ждёт. А в будущем этом главное место отводилось сказочному принцу, которого она встретит назло Пашке, работа тоже допускалась, но как некое приложение к её основной мечте.

Желание учиться пока ещё совсем не пропало, но определённости в этом направлении она не видела. «Там посмотрим, — думала, — глядя по обстоятельствам».

И вот, со всех сторон уже шумный вокзал. Огляделась, сама нашла метро, достала адрес и хотела обратиться к милиционеру за помощью. Уже даже направилась в его сторону, но увидела, как тот о чём-то выспрашивает растерянного мужичка, и интуитивно притормозила. Встала у схемы метро, сама прислушивается. О какой-то регистрации говорят, совершенно неведомых ей вещах. Решила ехать к знакомой и сначала всё там узнать.

Удача ей улыбнулась. Поезд приходил очень рано, поэтому соседка была ещё дома, конечно, если так можно назвать трёхкомнатную квартиру, в которой проживает десять совершенно чужих людей. Соседка ей объяснила, что живёт она даже очень неплохо, если учесть, что в её комнате только одна соседка, а в двух соседних живут по семье, что тоже достаточно удачно. А главное, она могла на пару дней её приютить, так как соседка по комнате уехала на выходные. С работой обещала помочь, но учитывая, что у Ларисы не было образования, можно было устроиться только уборщицей. Сама она работала уже несколько лет старшим кассиром в большом супермаркете, и её, как она говорила, уважали, поэтому не откажут.

Быстренько попили кофе и в дорогу. Опять метро, и почти час в дороге с пересадками. Но ей опять объяснили, что для Москвы это прекрасно, так как метро лучший транспорт. И если работа и жильё находятся рядом от станции, то и мечтать больше не о чем.

Лариса мечтала совсем о другом. Но пришлось взяться за тряпку и испытать многие «прелести» столичной жизни в виде подвалов, обустроенных предприимчивыми москвичами под общежития, изнурительной работы по двенадцать, а то и четырнадцать часов, досмотров алчными милиционерами и несчастий от потери всей зарплаты, украденной ворами-карманниками. А «принцы», которые периодически появлялись в пространстве супермаркета, на «золушку» с тряпкой в руках никакого внимания не обращали. Зато, когда она, вымотанная и уставшая до чёртиков, поздно вечером добиралась домой, пристальное внимание на неё почему-то обращали милиционеры. Проверив документы и убедившись, что всё в порядке, они очень нехотя отпускали смазливую молодую девчонку. Но однажды она не успела продлить свою регистрацию, так как в липовой конторе, в которую она обращалась, заломили невообразимую цену, бывшую ей не по карману, и она решила протянуть до зарплаты. Но не тут-то было. Нанесла нечистая на неё ретивого мента, и он зажёб её в отделение. Пришлось ночь провести в обезьяннике с проститутками и другой нечистью. Повезло, что ещё не стали использовать её, как тех девочек с панели. И то спасибо!

Лариса решила: «Всё, хватит! Нужно активнее двигаться вверх». Но куда? Знакомая посоветовала на курсы для кассиров. Из небольшой Ларисиной зарплаты и дефицита свободного времени она выкроила необходимое, чтобы получить желанное удостоверение. Работу пришлось поменять на другой супермаркет, который работал круглосуточно.

График работы у неё, как у новенькой, был самый что ни на есть паршивый, чуть ли не через раз ночные смены. Она совсем уже начала путать день

с ночью. Но были и свои плюсы — посетителей ночью было не очень много. Но самое удивительное, что были! И часто приходили покупать то, чему она поначалу просто не находила объяснения. Ну, зачем в два часа ночи хилому мужичку резиновые перчатки? А девице на высоченных каблуках в четыре утра клей «момент» и простоквашу? Но были и приятные посетители — элегантные, симпатичные молодые мужчины, правда, всё время куда-то спешащие и совсем не обращающие на неё внимание. Девушка стала лучше следить за своей внешностью: ухоженные ногти, аккуратная стрижка, и обязательный запах свежести от не очень дорогой, но настоящей туалетной воды, которую она купила на распродаже. Взгляды желанных мужчин стали на ней задерживаться. Другой и шоколадку лишнюю для неё купит, да и намёки делают не двусмысленные, но она понимала, что это не то, что ей было нужно.

За широкими витринами её магазина был хорошо виден огромный проспект, расцвеченный яркими переливами огней. Они загадочно мерцали, словно новогодняя ёлка, и уносили её мысли далеко-далеко: ей казалось, что это она мчится в шикарном автомобиле мимо витрин, это она, в модной дорогой шубке, идёт об руку с элегантным мужчиной, и это она стоит у витрины ювелирного отдела и, капризно поджав губки, выбирает украшения.

Девушка сидела за высоким прилавком, с высоко поднятой головой, как королева, забывая, что она всего-навсего кассир. Она была уверена, что король обязательно встретится ей. Когда это случится? Может быть под Новый год, а может быть под Рождество. Когда же ещё случаться чудесам! Она ждала.

Под Новый год она работала с утра до позднего вечера. Это была самая тяжёлая смена, она устала до изнеможения, еле успела добраться до своего подвала к двенадцати. Правда, праздничный стол был уже накрыт соседями. Она выпила фужер шампанского и свалилась замертво. Первый свой Новый год в Москве с его сказочными, ослепительными фейерверками она попросту проспала! И узнала обо всей этой красоте только из рассказов. Рождественская ночь тоже не принесла ожидаемого чуда. Москвичи за новогодние дни достаточно пресытились праздником, и Рождество встречали вяло.

Заметил февраль, включил свой небесный пылесос, втягивая с асфальта то, что не успели убрать дворники с раскосыми восточными глазами. Девушка торопливо шла по улице с ночной смены, ругая себя за то, что по дурацкой московской моде не одела шапку, а капюшон пуховика ветром то и дело сдувало. Хотелось скорей добежать до метро, но вспомнила, что соседка занедужила и просила купить ей что-то от простуды. Пришлось переходить на другую сторону улицы, там была ближайшая круглосуточная аптека.

У окошечка выдачи лекарств топтался и тормозил её желанную покупку прилично одетый мужчина. Фармацевт, позёвывая, что-то лениво ему объясняла.

Невольно прислушавшись, Лариса поняла, что изобилие пищи и вина в январские праздники сделали своё подлое дело, и мужчина теперь страдает болями в желудке. Лекарства ему предлагались одно дороже другого.

— Ой, мужчина, — не выдержала она, — поешьте вы овсяной каши недельку другую, всё и пройдёт. Чего вы сразу за лекарства.

— Думаете?

— Предполагаю, но я же не медик. Уж если не пройдёт, так сходите к врачу.

Мужчина всё-таки взял предлагаемое лекарство и отошёл в сторону, бросив на неё внимательный взгляд.

Быстренько заложив в пакет чудодейственные средства, ожидаемые подружкой, девушка выскочила на холодную продуваемую улицу и невольно поёжилась. У обочины стояла машина с приоткрытой дверцей, в которой восседал аптечный посетитель.

— Девушка, — обратился он к ней, — куда вам? Если в мою сторону, то подвезу.

— Да, я привыкла на метро добираться.

— А всё же?

Направление их движения совпадало, но Лариса не испытывала желания садиться в автомобиль к незнакомому мужчине.

— До метро ещё нужно идти. Вы же замёрзли.

Она и правда замёрзла. И это стало решающим фактором. Доехали быстро. Вышла она у соседнего дома, рассказывать, что живёт в подвале, не стала. Но когда спросил, не студентка ли она, ответила правду, назвав и место работы. О своей случайной встрече она быстро забыла. Мужчина был на сорокалетнем рубеже, и особого впечатления на неё не произвёл.

А потом вытянулись, оскалив зубы, сосульки. По чисто вымытому первым дождём асфальту застучали каблучки московских модниц, а в руках у мужчин, спешащих поздравить своих любимых, появились нежные тюльпаны, веточки с пушистыми цыплятами мимоз, пышные розы и другие более экзотические цветы, обильно завезённые к женскому празднику. Теперь ей выпало работать в сам праздник. «Ну и Бог с ним, — думала девушка, — чего и с кем праздновать?». Одаривали её в этот день щедро, внизу в пакетике лежала целая куча шоколадок, а рядом с ней даже стоял в маленьком горшочке скромный цветочек. Эти знаки внимания от покупателей-мужчин были, конечно, приятны. Когда перед её носом заблагоухали нежные бутоны белых роз, она не очень обратила внимания на их обладателя, и, сосчитав деньги за дорогой набор продуктов, протянула сдачу. Но покупатель тормозил, протягивая ей букет, и Лариса посмотрела на него пристальней. «Лицо знакомое, — подумала она, — А!... — осенило её. Сзади мужчины раздавалось недовольное ворчание, и мужчина отошёл в сторону, бросив на ходу: «Я подожду вас».

Смена подходила к концу. Через полчаса она освободилась и вышла из магазина. У обочины стоял уже знакомый ей автомобиль. Мужчина на этот раз стоял рядом со своим многолошадным эскадроном, поблескивающим перламутровым боком. Лариса не очень разбиралась в марках автомобилей, но было понятно, что престижный и дорогой.

— Очень приятно было увидеть вас снова, — сказал он, улыбаясь, — вас зовут Лариса, не так ли? Ну а я — Вадим.

— Приятно познакомиться, — машинально ответила она.

— Сегодня ваш день, а вы работаете.

— Что делать, кому-то нужно и в такой день работать.

— Но только не таким девушкам, как вы.

— А, чем я лучше? — усмехнулась Лариса, и неожиданно поняла, что приняла его шутливый тон, который её раздражал в других посетителях магазина.

— Вы созданы для праздника, а не для работы. И сегодня мне очень хочется вам этот праздник устроить.

— Каким образом?

— Поехали куда-нибудь посидим.

Целый день она видела перед собой мужчин, которые спешили к другим женщинам, изредка одаривая её комплиментами, улыбками и сладостями. И вот сейчас именно ей подарили эти красивые розы, и именно её приглашают на ужин. Мужчина не был похож на ожидаемого принца. Он был не молод, но не был ей неприятен. Она была в нерешительности. «Что делать? Отказаться? А, может, это её шанс выбраться с низов», — мелькали лихорадочные мысли.

— Согласие на ужин вас ни к чему не обязывает, — пристально глядя в лицо, произнёс мужчина.

— Но я прямо с работы, куда я в таком виде.

— Это разрешимая проблема, я купил наряды для дочери, думаю, что у вас один размер, и что-то вам может понравиться.

— Значит, я буду вашей дочкой на сегодняшний вечер. А где же она сама?

— Они с матерью уехали отдыхать. Вы можете сами определить свою роль на сегодня: дочери, друга, жены. Выбирайте.

— Посмотрим. Вечер покажет.

Вечер показал, что мужчина — галантный кавалер, умеющий незаметно и не навязчиво делать очень приятные вещи и говорить ещё более приятные слова. Никогда и никто так за ней не ухаживал. Разве можно было сравнить неумелые комплименты и скромные Пашкины подарки с тем праздником, который ей устроил новый знакомый. Рубиновое вино и приятная музыка кружили голову. Она хотела танцевать. Боже, как давно она не танцевала! «Пусть он пригласит её», — загадала она. И он пригласил. Аромат его парфюма был необычен, а от прикосновения руки она невольно вздрогнула. Его близость в танце была и не была. И ей самой захотелось сломать эту сдерживающую преграду. «Да нет, он совсем не старый, и мне очень хорошо с ним», — крутилось в затуманенной голове. Они много танцевали, пока у неё не устали ноги.

А потом долго разговаривали, верней говорила больше она, потому что Вадим как-то неуловимо вызывал её на откровенность. Сама не зная почему, Лариса рассказала ему про свою нелёгкую жизнь. Рядом с ним она ощутила себя маленькой и беззащитной, и ей хотелось спрятаться за его широкую спину. Несколько часов пролетели, как одно мгновение. Она ехала в машине в свой подвал, ощущая себя Золушкой, сбежавшей с бала. Остановились в знакомом переулке. «Ну, вот и конец праздника», — подытожила она про себя. Но Вадим не торопился расставаться.

— Выслушайте меня, Лариса. Я, конечно, человек не свободный, и обманывать тебя не хочу, — сказал он, перейдя на ты.

— Могу предложить тебе быть моей подругой. Я не буду очень назойливым, у меня немного времени, но когда я буду приезжать, ты должны быть дома. Будешь жить в квартире, которую я для тебя сниму. Работать не нужно, будешь совершенно свободна. Чем бы ты хотела заниматься?

— Учиться, — неожиданно для самой себя ответила она.

— Что ж, это возможно, но повторяю, когда я буду приезжать, ты должна быть дома, даже если в этот день сдаёшь экзамен. Договорились?

— Я подумаю.

— Думай не долго.

— Завтра мне на ночь, верней уже сегодня.

— Я приеду в шесть, если согласна, выйдешь сюда.

Дома ей не спалось. «Нет, соглашаться нельзя, — думала Лариса, — и дело не в том, что он женат, и не в том, что он старше её, но ведь я же его не люблю. И, как назло, Пашка всё никак из головы не выходит. Нет, конечно, нет»

Полшестого она вскочила с постели, как ужаленная, и стала лихорадочно собираться. Ровно в шесть Лариса садилась в уже знакомую машину.

Прошло семь лет. Сейчас она не сомневается в правильности своего решения. Закончив институт, она уговорила Вадима устроить её на личную работу, хоть он и упирался. Уже год она живёт в своей квартире, небольшой, но уютной. Домой к матери ездила только один раз, но материально ей помогает регулярно. Мать вроде и пить стала меньше, но тёплых отношений так и нет. И вот вдруг соседка позвонила, что мать отвезли на скорой помощи в больницу. А у неё, как назло, машина в ремонте. Кинулась на вокзал, билетов нет, а поезд через пять минут отходит. А тут удача — проводник её одноклассник. Вот пристроил в свой вагон. Странно, но оказалось место такое же, как когда ехала в Москву. Наверное, это знак судьбы.

Красивая, молодая, успешная. Почему же мне кажется, что не всё так прекрасно и благополучно. Что мешает поверить в эту сказку про современную Золушку?

— Значит счастье вам в Москве улыбнулось и вы всем довольны? — спросила Ларису предпринимательница.

— Человек не может быть всем довольным, ему всегда чего-то не хватает, — усмехнулась девушка, — пойду-ка, покурю.

ПАТРИЦИИ И ПЛЕБЕИ

Закончена вечерняя трапеза, приятное чаепитие с неторопливой беседой. Обладательница клетчатой сумки, пожелав всем спокойной ночи, уснула на верхней полке. Тускнеющий свет возвестил, что надо поторапливать-

ся с вечерним туалетом, который в условиях поезда не очень удобен. Моя соседка тоже отложила в сторону свою книгу. Спрашивает: «Вы в туалет?» Киваю, и мы, взяв всё необходимое, выходим в коридор. В конце вагона всего несколько человек, что обнадеживает этот процесс ускорить. Наша молодая попутчица мило беседует с проводником. По оживлённому диалогу видно, что они хорошо знакомы. Увидев нас, кивает и сообщает нам, что встретила одноклассника. Мы возвращаемся на свои места, затённые почти интимным полумраком. Читать уже невозможно, спать ещё не хочется. Попутчица — приятная женщина возраста, часто называемого «бальзаковским», правда, я думаю, что во времена Оноре де Бальзака этот возраст был гораздо моложе. Предполагаю, что она перешла границу, определяемую в полвека — плюс-минус пятилетие. Мне кажется, что это очень закрытая женщина, которая даже близкой подруге, если такая у неё вообще есть, вряд ли расскажет что-то своё личное или обмолвится об этом спустя определённое время, когда уйдёт или притупится боль пережитого. А вот сейчас в поезде видимо наступил тот момент, когда переполняющая её боль выплеснулась наружу. Удивительно, но факт, в поезде часто можно услышать очень интимные подробности о жизни попутчика, человек рассказывает о том, что не решается открыть даже близким людям. Здесь полная уверенность в том, что тайну его унесёт этот поезд в дальние дали, и будет она по-прежнему никому не доступна. А он выговорился, и стало намного легче. А я проникаюсь судьбой этой случайно встреченной женщины, а потом под мерный стук колёс восстанавливаю отдельные факты, происшествия и случаи в единое целое её жизни. Я не могу не удивиться, как хватило у неё решимости преодолеть страшный жизненный перелом и начать совершенно новую жизнь в столице, тоже полную проблем и преодолений.

«Седина в бороду — бес в ребро», — народная мудрость потому и мудрость, что точнее и правдивей сказать невозможно. Муж уходит к молодой, и семейная жизнь Ирины с треском разваливается. Дети выросли, получили образование, разъехались. Прошло несколько лет, холодный железный обруч одиночества становился всё более душающим. Она задыхалась в пустой квартире, ожидая редких приездов своих детей, которым всё время было некогда. И она решила уехать сама, чтобы быть поближе, хотя бы к сыну, живущему в Москве. Слава богу, что медикам в столице работы хоть отбавляй, москвичи не стремятся к работе, особенно в государственных больницах и поликлиниках, тем более сестринской. Снимать отдельную квартиру было не по карману. Через агентство нашла комнату с хозяйкой. «Есть вариант недорого жилья, при условии, что вы будете делать медицинские манипуляции. Хозяйка пожилая, это её условие», — сказали ей. Ирина согласилась. И вот она переступила порог своего нового жилища. Хозяйка пристально оглядела её с головы до ног.

— Так значит ты медик?

— Да.

— Будешь мне делать массаж, уколы.

— Хорошо, меня предупредили об этом.

— Будешь убираться, ходить в магазин, водить меня в больницу.

Ирина посмотрела на хозяйку с удивлением, о дополнительных услугах ей никто не сказал, но промолчала. Уходить было некуда. И она вошла в квартиру вслед за странно семенящей впереди пожилой женщиной. Ирина не сразу разглядела под длинным халатом уродливые разные ноги: одна была тонкой, как палка, другая толстая. Таким же странным, как эти ноги оказался и характер новой хозяйки, перепады настроения которой редко можно было угадать. Чтобы оправдать свой приезд, работать Ирине приходилось много и подолгу. Усталая и вымотанная за день, придя очень поздно домой, она тут же могла услышать грозный окрик:

— Чего так долго?! Иди чисти ванну!

— Дайте хоть мне раздеться и попить чаю.

— Успеешь! Мыться нужно, а ванна не блестит.

Все распоряжения делались приказным тоном, не терпящим возражений. При этом Ирина не только выполняла роль домохозяйки, но и делала все необходимые медицинские манипуляции. Когда курс массажа и инъекций был закончен, хозяйка заявила:

— Мало мне платишь за квартиру, соседи за комнату в два раза больше получают.

— Но квартиранты, наверное, им не делают уколы и массаж.

— Ну и что?

— А вы хоть знаете, сколько это стоит? С учётом моих услуг я вам плачу в три раза больше. Тем более, что массаж вам делает специалист.

— Ха, да какой ты специалист? Специалисты в кабинетах сидят, а ты всё бегаешь по всей Москве.

Начались мелкие и крупные придирки. «Убралась плохо!», «Продукты купила не те!», «Ночью храпишь!». В выходной, когда она собиралась навестить сына, обязательно находилось неотложное дело, отнимающее у неё тот короткий момент свидания с родными людьми. Нервы у неё сдавали:

— Маргарита Михайловна, некогда мне сегодня, я к сыну тороплюсь.

— Ха, к сыну! Приехала в Москву жениха искать. Прописку вам всем московскую надо. И никого ты не найдёшь. Ты старая, страшная.

— Так неужели и страшная?

— Конечно, страшная. Маленькая, волосы жидкие, нос длинный. И одеваешься плохо.

Всегда относившаяся к своей внешности критично, Ирина думала: «Может и действительно я так состарилась, и так плохо выгляжу? Устаю, мотаюсь целыми днями по всей Москве». Ей приходилось ездить в разные районы с одного конца города на другой, по заявкам фирмы, в которой она работала. Второй месяц прошёл, как в аду. Хозяйка выживала её, несмотря на условия договора. Ей нужны были более выгодные квартиранты, а в услугах медика она пока не нуждалась. Понимая, что на улице выгнать квартирантку посреди зимы нельзя, она сделала ей шокирующее предложение:

— А иди жить на первый этаж, там квартиру таджики у моей знакомой снимают. Я договорюсь. Правда, кроватей у них свободных нет. Ничего, на полу поспишь. Ирина не выдержала:

— Маргарита Михайловна, вы что — это серьёзно? У вас с головой всё в порядке?

— Вот, ещё и перечишь. Характер у тебя тоже невозможный. Ни с кем ты не уживёшься.

Последняя капля переполнила чашу её терпения. В очередной выходной она встала пораньше, чтобы заняться поисками новой квартиры. И вот, наконец, удача чуть-чуть улыбнулась. Случайно встретила своих земляков, которые снимают совместную квартиру и ей предложили войти в долю.

— Ну что вы, разве можно жить вместе с хозяевами? А недорого — это всего лишь хитрый ход, способ найти себе бесплатную домработницу, а вернее, домработницу, которая ещё и будет приплачивать хозяевам. Неужели вы не знали этого? Достаточно распространённое в Москве явление. Пойдёмте с нами, нам как раз не хватает одного человека, чтобы плата получилась приемлемой.

Она с радостью согласилась. В обычной московской квартире получилась большая коммунальная, но это было намного лучше. Здесь они все были на равных. Никто не ощущал себя плебеем, человеком второго сорта. А самое главное, у неё стало больше времени для общения с семьёй сына.

И вот сейчас после долгой и трудной зимы она, наконец, едет домой. Она проведёт несколько дней в своей просторной квартире, где никто не будет ей указывать, что делать, где никто не оскорбит, но и никто не потревожит её одиночества.

Кажется, моя соседка уже спит. Я мысленно желаю ей удачи и настоящего женского счастья, хоть и понимаю, что обрести его в этом возрасте очень сложно. Сколько их, одиноких женщин багачевского возраста и старше, в нашей стране. С экрана телевизора на нас смотрят довольные собой пятидесяти- и семидесятилетние мужчины рядом с новыми молоденькими жёнами. И ни у кого не возникает вопроса: «А где же его прежняя состарившаяся супруга? Почему он так спокойно перешагнул через все прожитые годы? А как воспринимают эту — свою ровесницу — его дети?» Это не осуждается — значит это правильно. И уже «примадонны» наши норовят доказать: «А мы не хуже, мы тоже можем». И меняют своих мальчиков — мужей на глазах у изумлённой страны, как перчатки.

А как же те вечные истины о любви: «пока смерть не разлучит нас»? Да и есть ли такая любовь и верность? Хочется верить, что есть, но в жизни они так редко встречаются. Мы строим храмы, идём поклониться к алтарю, но что в душах наших сегодня? Конечно, герои экрана не простые смертные, но тем более это показательный пример для простого обывателя. А как опасна насаждаемая с экрана мысль, что уважать можно только богатство. Не отсюда ли такое алчное стремление к наживе любым путём. Не могу завести себе удачный бизнес — буду использовать для этой цели

свою жилплощадь. И вот уже простые граждане нашей страны, только потому, что живут в матушке-столице, возомнили себя людьми особого сорта, даже и если ничего из себя не представляют. Они хозяева жизни — они патриции, а тот, кто живёт у них, конечно, плебей, данный ему в услужение. А за этим сословным делением появляется ещё более страшное, казалось ушедшее в глубь веков, но вдруг так явственно себя обозначившее сегодня. На планете вновь появилось рабство, иногда тщательно скрываемое за высоким забором, или в подвальной темноте баров, а иногда прорастающее в виде мало оплачиваемых нелегальных таджиков и узбеков и людей других национальностей в Москве, да и в других крупных городах мира. И опять забыты данные нам свыше заповеди: «Мы все равны перед Богом». «Легче пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Древние мудрецы говорили, что не может быть справедливым общество, где есть очень бедные и очень богатые. Когда-то пламенные революционеры мечтали ликвидировать богатых, и все стали бедными. Сегодня робко, но говорят о ликвидации бедности, но при этом скромно умалчивается, что богатство олигархов достигает уже неправдоподобных размеров. А общественная гармония может быть лишь в обществе равных. Нет не уравненной бедностью, а именно равных! Как же хочется верить, что это не утопия, а наше будущее, в котором не будет деления на патриции, плебеи и рабы.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Поезд идёт по заданному маршруту. Угомонились соседи: кто похрапывает, кто присвистывает во сне, кто-то тихо уткнулся в кузую свалывшуюся казённую подушку. А мне что-то не спится, жёстко, неудобно. А ведь когда-то так нравилось забраться на верхнюю полку с книжкой, а потом, когда свет станет тусклым, помечтать о том, что ждёт впереди, а впереди ожидание чего-то очень хорошего. В поезде всегда красиво мечталось, казалось, что само это целенаправленное движение под мерное постукивание колёс устремлено в «прекрасное далёко». «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко...» И была такая искренняя, хоть и наивная вера в светлое, безоблачное будущее. И, конечно, в этом вагоне ехали такие же мечтатели-романтики с гитарами и рюкзаками. Как вам сегодня живётся, мои состарившиеся сверстники? Кто-то из вас, наверное, давно не ездит в плацкартном вагоне, у него, возможно, и личный самолёт есть. А кто-то выброшен на обочину жизни, как тот бомж на станции, которую мы только что проехали. За окном изредка мелькают огоньки, которые выскакивают из-за тёмной стены леса, обрамляющей путь.

Позади ярко освещённый вокзал и этот неприкаенный бедолага, которого куда-то гнал милиционер. Может в нём тоже пропал «мастер на все руки». Какое чудо может помочь ему? Да и бывает ли оно в этом мире? И сама себе отвечаю: «Конечно, бывает. Разве без него можно объяснить то, что иногда происходит с нами?».

Моя многолетняя работа над повестью о судьбе моего отца и других испанских детей, привезённых в СССР, заходила в тупик. Я прочитала всё, что могла найти по интересующей меня теме, но всё равно чего-то не хватало. «Чего? — спрашивала я себя, и сама же отвечала, — Живого общения с очевидцем». Но где же взять очевидцев, ведь с момента этих событий прошло уже больше семидесяти лет, и даже те, кто был совсем маленькие уже состарились. Да и события девяностых лет заставили уехать даже тех, кто казалось бы, не хотел уже никуда двигаться. «Слишком поздно, — думала я, — взялась за эту работу». Куда не толкнусь, везде тупик, выросшие и уже состарившиеся испанские дети, бывшие ленинградцы, кто умер, кто уехал, кто совсем в дряхлом состоянии и общаться не хочет. Когда весной 2010 года произошла трагедия в московском метро, я взволнованная позвонила в «Центр испанской культуры», узнать всё ли в порядке у моих знакомых, и вдруг, получила очень интересную информацию. Оказалось, что в Питере живёт моя однофамилица, вполне контактная женщина, которая не уехала в Испанию, а осталась в России, и мне дали её телефон. С волнением набираю номер. На том конце — звонкий молодой голос. «Наверное, дочь, — думаю я, — и прошу позвать маму».

— А мама умерла в сорок втором, в блокаду.

— Ой, извините, а мне бы Элоину Менендес.

— Так это я.

— Простите, у вас такой молодой голос, что я приняла вас за дочь.

В ответ слышу весёлый смех. Объясняю, кто я такая, кто мне дал телефон и что мне нужно. И чтобы окончательно убедить, что я действительно писатель, предлагаю прочитать несколько строчек из своей первой поэтической повести, посвящённой отцу. Читаю. И слышу сквозь громкие рыдания:

— Простите, сейчас не могу разговаривать.

«Боже, что я наделала, — клянусь я себя, — разве можно так с пожилым человеком». Целые сутки хожу сама не своя, на другой день снова звоню, извиняюсь, что расстроила человека. Прошу написать мне о своих воспоминаниях.

— Написать не могу, плохо вижу. Но вы можете приехать ко мне, и я расскажу всё, что помню.

Так стремительно завязалось наше знакомство. Через два месяца я приехала в Санкт-Петербург. Переступив порог её дома, я с первых же минут почувствовала, что рядом со мной очень близкий и родной человек. У нас были похожие взгляды по многим вопросам, и несмотря на огромную разницу в возрасте удивительно совпадали наши интересы, поэтому мы очень хорошо понимали друг друга. Мне хотелось слушать и слушать эти яркие, живые воспоминания о событиях таких далёких лет. Тётя Элоина, так я её стала называть, так как отчеств по испанской традиции она не признавала, сразу решила, что мы всё-таки родственники, и она обязательно это выяснит.

— Это не главное, — говорила я ей, — главное, что мы нашли друг друга.

Не хотелось никуда уходить от её рассказов о нелёгкой судьбе, заброшенной на чужбину девочки, но не тут-то было.

— Собирайся быстрее. Сегодня ты идёшь,, — и очередной маршрут моего знакомства с Питером выкладывался мне с утра пораньше.

— А как же мои записи?

— Вечером... Не фика тут сидеть с бумажками. Всего-то на две недели приехала ко мне, кисуля, а тут и месяца мало.

И она смеялась молодым задорным смехом. Её боевое «не фика» и странное обращение «кисуля», меня умиляло.

— Почему, тётя Элоина, «кисуля»? Я что на кошку похожа?

— Кошки для меня самые любимые люди. Из-за кошки я даже в Испанию не уехала, когда последний раз совсем было собралась

— Неужели можно было не уехать из-за кошки?

— Уж очень я её любила.

— А раньше почему не уезжала?

— А раньше из-за мужа, мужа любила, а он не хотел.

— А сейчас хочешь?

— Очень хочу, но не могу. Поедем с тобой? Одна-то я боюсь ехать, стара стала.

— Конечно, съездим.

Две недели пролетели, как один день. В день отъезда рано утром весёлой и жизнерадостной Элоины было не узнать.

— Не уезжай, кисуля, не уезжай. У тебя же отпуск, останься хоть до конца.

— Не могу, тётя Элоина, не рви душу. Нужно домой.

Ресурсы мои подходили к концу, а дома действительно было запланировано много дел. Ох, уж эта наша житейская суета! Как часто мы ставим её на первое место, а потом жалуем об этом.

— Тётя Элоина, я приеду на зимних каникулах. Напишу за это время свою повесть, прочитаю тебе. Может тебе чего-то не понравится. Моя повесть не документальный очерк, там и придуманные герои будут, но обещаю — то, что ты мне рассказала, будет неизменным.

— Приезжай побыстрее, кисуля, лучше осенью, а то до зимы далеко.

— Ну не знаю успею ли я написать к осени. Посмотрим, тётя Элоина, не переживай.

Дома пишу свою повесть взахлёб, пишу на свежих впечатлениях, звоню каждую неделю, теперь уже такому близкому мне человеку, и каждый раз на том конце провода: «Кисуля, это ты...» Я в предвкушении своей будущей поездки, мечтаю выбраться пораньше на католическое Рождество, чтобы порадовать Элоину. Повесть почти готова. Но вдруг, мой звонок остаётся без ответа. Какая-то неосознанная тревога охватывает меня. Сажусь на телефон, стараюсь дозвониться до знакомых, до соседей. Почти догадываюсь о страшном, но не хочу верить. Не хочу верить, когда на том конце провода слышу слова, которые навсегда поделят меня и Элоину на до... и после...: «Она умерла».

И теперь главная мысль: «Успеть проститься». Но тишину её голос не нарушил, и я так и не узнала понравилось ли ей всё, что я написала о ней и её

друзьях. Иногда я всё-таки к ней обращаюсь с просьбой: «Ну что ты мне не помогаешь издать моё сочинительство на двух языках, как мы с тобой мечтали?» И я опять слышу её насмешливый голос: «Не фика, кисуля, хватит с тебя и одного чуда». Видимо пока не пришло время.

ЛЕДЯНЫЕ ОСКОЛКИ

Время мне кажется самым таинственным явлением на земле. Оно может тянуться до бесконечности, когда ты тоскливо смотришь на стрелки часов в ожидании чего-то очень желанного. Оно может пролетать стремительно, как ослепительная молния, с ожесточением буравящая землю, именно тогда, когда ты хочешь его задержать. Оно превращает смешно косолапящего малыша с пухлыми надутыми губками, которого ты держала за ручку, в солидного, степенного мужчину, уже тебя поддерживающего под руку. Время отвратительно старит твои зеркала, из которых выглядывает стареющая женщина, закрывая собой тебя настоящую, ту которой и сегодня не больше двадцати. Оно может отнимать дорогих тебе людей, но взамен подарить других, которые напомнят тебе саму себя, и станут самыми дорогими в жизни, хоть и возведут тебя сначала в статус мамы, а потом бабушки, а значит уже не молодого человека. И ты сразу очень многое простишь этому волшебнику, который бывает и добрым и злым. Да, Время — всесильно. Ты не можешь смириться лишь с утратами близких тебе людей, и с тем, что время может изменить такого близкого и хорошо знакомого тебе человека до неузнаваемости.

Ночи становились всё светлей, и уже не за горами была самая короткая. Та самая, в которую вроде и пошёл провожать тебя любимый поздно ночью, а к калитке пришли под утро. Это был самый любимый месяц Татьяны. Он всегда радовал нежной листвой деревьев, купаньем в Волге и относительно бездельем в огородных делах, когда посадки уже закончились, а урожайные хлопоты ещё не начались. Но в этом году июнь принёс ей большое горе. Ей было очень плохо, так плохо ещё не было никогда. Самый родной и близкий человек — ее мама, покидала ее. И она чувствовала, что каждый день, каждый час, каждая минута совершают что-то непоправимое. Татьяна была очень одиноко, несмотря на то, что рядом были ее дети и муж. Конечно, муж сочувствовал ей, да и дети, всегда любившие бабушку, казалось, с пониманием относились к её беде, но она, почему-то, остро ощущала своё одиночество. И ей казалось, что она снова стала совсем маленькой и беззащитной девочкой, которой очень страшно оставаться одной дома, потому что в окно к ней стучится кто-то страшный и злой, и никто — никто не может помочь ей. Но ведь в том далёком детстве всегда был человек, который защищал её.

И в её голове промелькнула спасительная мысль: «Ну конечно, как же она могла забыть, ведь у нее есть самый надежный и лучший человек, ко-

торый всегда приходил к ней на помощь, и как по взмаху волшебной палочки, прогонял все её беды». И действительно, как она могла забыть про своего брата.

И вот уже протяжные звуки телефонного звонка останавливает голос.

— Что, так серьезно? Не знаю, смогу ли, но постараюсь.

После ее сообщения голос не стал взволнованным, но думать об этом, а тем более анализировать она не могла. Она просто ждала, ждала с нетерпением и тревогой. Мама, почему-то догадалась, что она звонила брату. И тоже стала ждать. Но если Татьяна ждала с какой-то твердой верой, как будто и правда, могло случиться чудо, то мама ждала как-то по-другому: с обреченностью и безнадежностью.

— Наверное, его не отпустят, — вздыхала она.

— Ну что ты, мамочка, конечно, отпустят, ведь я сказала, что ты заболела.

— Ну да что наши стариковские болезни, — слабо махала она рукой.

Но каждый раз, когда раздавался скрип открывающейся двери, она вострепенувшись, с надеждой поглядывала на неё.

Конечно, они обе ждали.

Мама ждала своего сына, а она брата. И еще Татьяна вспоминала.

Вспоминала то время, когда она действительно была совсем маленькой девочкой, а он уже взрослым парнем. Он был не просто ее старшим братом, а намного старше ее. И она так его любила: большого, сильного и очень доброго. Он был уже студент и учился в другом городе. Она так хорошо помнила, как пришла зима, и как за окном кружился белый, пушистый снег, и мороз разукрасил стекло красивыми кружевными узорами. А она дула на стекло и получался маленький кружочек, в который она заглядывала, чтобы получше разглядеть, когда откроется калитка и в нее войдет ее брат. Он всегда приезжал с подарками: шоколадом или игрушками, а однажды он приехал с красивой книжкой.

— Почитай мне новую книжку, — попросила она.

— Я сегодня очень тороплюсь, потом.

— Ну, почитай, почитай, — не отступалась она.

— Ну что с тобой делать? Из-за тебя я опоздаю на свидание, и мне влетит.

— Не влетит, — уверенно утверждала она, — ты же сам говорил, что она хорошая.

— Хорошая, но строгая.

— Как наша мама?

— Похоже, что да.

— Ну, тогда не бойся, мама только делает вид, что она строгая.

И она с чувством победителя уселась к нему на колени, и он стал читать. Это была очень интересная сказка про мальчика и девочку, про то, как они любили друг друга и как девочка спасла своего друга от Снежной королевы. И ей сказка очень понравилась. А в следующий вечер родителям надо было срочно куда-то уйти, и она осталась совсем одна. Ей стало очень страшно, но не потому, что никого нет дома. Она почему-то представляла карету Снежной королевы, которая увозила далеко на Север ее брата, и как она бежала за ним, пытаясь догнать. Но брат не обращал на нее никакого вни-

мания, ведь ледяные осколки попали ему в глаза и в сердце, и поэтому глаза его видели все неправильно, и он не узнавал ее, а сердце превратилось в кусочек льда, и ему нисколько не было ее жаль. И она горько заплакала. А потом дверь открылась, и маленькая девочка увидела своего брата и кинулась к нему на шею. Он взял ее на руки, гладил по голове, утешал и говорил, что никогда не увезет его Снежная королева и он всегда будет ее любить. Она успокоилась и перестала плакать.

И снова тихий голос мамы возвращал ее к действительности. Татьяна сидела с ней рядом, и уже вместе они начинали вспоминать и то, как росли мамины внуки, и сколько было радостей и трудностей, и сожалеть о том, что последнее время так редко удается маме видеть своего сына, а ей брата, и тем более, быть с ним вместе.

И они снова ждали.

Но, чем дальше шли дни, тем яснее она осознавала, что исправить ничего нельзя и приближается неизбежное. И, казалось бы, что к этому надо уже привыкнуть. Но привыкнуть к потере близкого человека невозможно. И от этого было очень больно. А незадолго до страшного дня, мама вдруг заговорила о том, о чем старалась никогда не вспоминать: как сын хотел бросить институт из-за женитьбы, как они с отцом еле его уговорили не делать этого. Ей тяжело было согласиться с выбором его невесты, а когда она смирилась, их сын уже очень изменился и как-то незаметно в своей незадачливой семейной жизни и постоянных склоках с женой растратил все самое хорошее, что было в его душе. И что видимо ей напоследок не придется посмотреть ему в глаза и сказать ему что-то очень важное.

И Татьяна с ужасом поняла, что мама видимо права, и всё это она хорошо предчувствует.

Брат не только не успел проститься с матерью, он опоздал к ней даже на похороны.

Приехал позднее. И ей снова стало страшно от того, что её безутешное горе мало трогало его. Он вел себя так, как будто ничего не произошло, ну, во всяком случае, случилось то, что всем следует принимать как должное. Конечно, он сходил на кладбище и, конечно, нанес визит вежливости ей и отцу. Даже остановиться он предпочел не у них, а у родственницы жены. И через несколько дней заторопился к отъезду, ведь они с женой ехали отдохнуть на юге.

И она вдруг поняла, что это ее вторая потеря и она такая же безвозвратная, как и первая.

Она почувствовала себя снова маленькой девочкой, которая пробирается сквозь снега и льды в царство Снежной королевы, чтобы спасти своего брата. И ей хотелось заплакать, чтобы ее горячие слезы растопили его ледяное сердце и чтобы он тоже смог заплакать, и чтобы со слезами из его глаз выпали ледяные осколки, которые превратили его из доброго в жестокого, из любящего в абсолютно безразличного.

Над головой кружился и осыпал всё вокруг тополиный снег. «Лето, а как будто зима, — подумала она, — холодно, очень холодно».

Она прощалась со своим братом, но вот плакать почему-то не могла.

«Если бы в жизни все было так же просто, как в сказке, — думала она, — в ней бы тоже всегда был бы счастливый конец: где сестра найдёт брата, любящее и верное сердце не будет одиноким, а добро обязательно победит зло».

ОКРАИНА

Темнота за окнами вагона становится не такой густой. Что-то плохо спится мне в эту ночь. Встаю и иду в сторону туалета. В приоткрытую дверь тамбура вижу Ларису. Лицо мрачное. Курит.

— Лариса, вы так и не ложились?

— Да проболтали с Серёжкой. А сейчас нахлынуло.

— Тяжёлые воспоминания?

— Да всякие. Школьные годы вспоминаются только приятным, хоть и много всякого было. У меня жизнь не сладкая. Но в школе я всегда среди лучших была. Так что о том, что у меня дома так плохо, учителя и не знали. Ну, выпивает мать, но ведь девочка учится хорошо. А то, что я уроки под одеялом учила в нетопленном доме, да полуголодная ходила, об этом не догадывались. Но знаете, я не унывала. Всегда была уверена, что в нашей прекрасной стране я смогу всего добиться. А тут с окончанием школы, как обухом по голове, девяностые. Но даже и не в этом дело. Думала: «Ничего прорвёмся!». С моей энергией выжить можно было. Но выбили из-под меня главную опору, уверенность в самой себе. И случилось это из-за моего парня. Помните, я вам рассказывала, что он уехал поступать в институт? Дело было даже не в нём. Я ведь поехала бы тогда за ним, и в институт бы поступила. Училась даже лучше его. Но как-то вечером пришла ко мне его мама. Сказала, что хочет поговорить. И поговорила о том, что у него большие перспективы, а у меня никаких, к тому же и наследственность плохая. Мол, «яблоко от яблони не далеко падает». В общем, чтобы жизнь я ему не портила. А я гордая была, портить, конечно, не стала.

— Так главная причина вашего отъезда в Москву в этом?

— Конечно. Не за «манящими огнями» я туда ехала. Помните, как учили в школе: «А мне, Онегин, пышность эта, постылой жизни мишура...»

— Но может быть всё ещё наладится и встретите своего «Онегина».

— Надежда умирает последней. Но домой ехать почему-то страшно. И в то же время тянет непреодолимо. Вон смотрите, за окном всё больше появляется такое знакомое и родное.

Действительно, бегут вдогонку за поездом берёзки в обнимку, да ёлочки кучками, мелькают неказистые трёхглазые дома с проваленными крышами в деревнях, которые доживают свои последние дни. А на окраинах городов рядом с такими же домишками вырастают уже солидные «новорусские» коттеджи. Им наше слово «дом» уже как-то и не к лицу.

А в моей памяти совсем другая окраина из моего детства.

Улицы моего детства хранили память о прошедшем в своих названиях. «Алексеевская» о деревне Алексеехе, «Дерябинский проезд» — о Дерябихе.

И уклад жизни был полудеревенским. За забором хрюкали поросята, а по улицам неторопливо выхаживали курицы, разукрашенные краской, кто красной, кто синей, кто зелёной, чтобы не спутать с соседскими. Названия улиц не очень приживались, чаще всего о месте своего проживания говорили: «Из Дерябихи, Цибихи, Алексеихи; как будто и правда мы жили в тех уже давно не существующих деревнях. О деревенском укладе напоминало и мычание коров в некоторых домах, и козы с бегающими рядом маленькими козлятами. Их хозяйки по утрам отправляли попастись на зелёный лужок, привязав их крепко-накрепко длинной верёвкой к колышку. У всех соседей на улице были небольшие огороды и сады, которые по вечерам манили ребятню сочной сладкой вишней и малиной, вяжущим и обволакивающим рот терновником и, конечно, яблоками, за что родителями незадачливые воришки часто бывали пороты. Мы в том далёком детстве пользовались довольно большой свободой, ограниченной выполнением несложных домашних дел: принести воды, полить огороды, вымыть полы. В остальное время детвора была предоставлена сама себе. Ходили в недалеко расположенные: Дом культуры, который мы звали просто клубом, где были разнообразные кружки и библиотека; посещали по соседству расположенное небольшое здание, которое именовалось «Детский сектор», где просто так можно было поиграть и в шашки и в шахматы и в другие игры, а вечерами своими качелями и каруселями манил Детский городок. Всё это пространство было вполне городским: ухоженным и цивилизованным, хоть и располагалось в двух шагах, стоило только перейти дорогу у остановки «Рынок», которую всё называли «Голубой Дунай». Это экзотическое название было дано деревянной закусочной, выкрашенной в голубой цвет, но распространилось на всю близ лежащую территорию. Вся она вместе с нашими улочками частного сектора и волжским берегом была постоянной средой нашего обитания — нашей «землёй обетованной».

Общей ватагой мы могли ходить даже за пределы города за ягодами и грибами в соседний лес, который все называли посадкой, так как он был посажен в первые послевоенные годы. В летнюю жару можно было раз или два, а то и три за день сходить искупаться на Волгу. Конечно, не забывая доложить о своём походе родителям, если они были не на работе. Живя у бабушки, и опекаемая своей старшей двоюродной сестрой, я к купанию в Волге не допускалась из-за слабого здоровья. Обычно нам давались строгие указания: «Наташку к воде не подпускать, пусть на берегу сидит. Косы проверю, не скроете. Галька, утонешь — домой не приходи». И сестра на ходу кидала в ответ: «Не приду, бабусь». А, бабушка, всплеснув руками, кричала вслед: «Ах, ты паразитка, я те дам, «не приду». На Волге я начинала канючить: «Галь, ну пусти хоть ноги помочить». Ноги помочить мне милостиво разрешали. Прохладные ласковые волны набегали до лодыжек. Я закапывала ступни в мягкий песок, который у воды был не такой раскалённый. От нечего делать, пока мои друзья плескались в воде, или ныряли с выш-

ки, начинала собирать разноцветные камушки. Этот небольшой пляж недалеко от дома был чистым и ухоженным. Каждый год привозили свежий песок. На берегу стояли зонтики и раздевалка. Вышка для прыжков была двухъярусная. Когда кто-то прыгал со второго яруса, у меня захватывало дух от страха. И становилась стыдно за саму себя. «Ну, какая же я трусиха и неумеха. Галка вон как далеко плавает и с вышки прыгает, а я всё на берегу торчу». Научиться плавать — это была самая заветная мечта, которую я смогла осуществить лишь годам к восемнадцати, когда само по себе отпало строгое табу, и процесс обучения начал мой закадычный друг Славка. К совершеннолетнему возрасту я уже не на шутку комплексовала от своего неумения плавать, и даже старалась найти причину, чтобы не ходить на купания с друзьями, на которых я сидела в сторонке, или слонялась по берегу. У ребят постарше были самые любимые вечерние купанья после захода солнца. Младшее поколение с собой не брали. На берегу разжигали костёр, чтобы побыстрее обсохнуть в ночной прохладе и не заболеть. В это время я не так бросалась в глаза всей честной компании, и можно было спокойно сидеть у костра и смотреть на огонь. Живой огонь всегда магнитом притягивает взгляд человека, наверное, выходят наружу его древние инстинкты почитания огня. Ночью было меньше баловства в воде, меньше криков, гиканья, подшучивания. Тёмная загадочная глубина внушала уважение всем, а меня вообще приводила в ужас. Нет, хоть я и не очень видна друзьям, но зайти в воду не решалась. Только Славке всё-таки удалось затащить меня искупаться. Как-то он подошёл ко мне, задумчиво уставившейся на мерцающие искры, устремлённые в небо и где-то там высоко превращающиеся в звёзды над головой. «А может эти звёзды зажглись от костров, которые развели на земле люди?», — промелькнула у меня мысль. За этими глупостями и застал меня мой друг. Его широкоплечий бронзовый силуэт встал надо мной, как изваяние.

— Что мы тут в одиночестве скучаем, Натали?

— Ничего я не скучаю.

— Значит, мечтаешь. Пойдём, я научу тебя плавать. Знаю, чего ты тут торчишь у костра.

— Ну и знай себе на здоровье.

— Не бойся, Наташка. Со мной не пропадёшь.

И такой уверенностью веяло от его слов, что я невольно поверила, и сама не знаю почему первый раз, побаиваясь, но всё-таки вошла в воду. Мы шли за руки и вода уже поднималась к груди. Как-то само собой я легла на воду, но почему-то схватилась за его плечо.

«Не бойся, держись крепче», — и мы поплыли вдоль берега. «Вот смотри, я встаю, и мне по грудь, а тебе будет по плечи, и ты уже сама держишься на воде». Через несколько дней мы плыли уже наискосок, а потом и по направлению к другому берегу. Только через месяц я смогла отцепиться от верного плеча, но оно было поблизости. И с ним казалось, что бездонная глубина, отливающая ртутным блеском, уже не такая страшная.

Я и сейчас пловец не ахти какой. Куда мне до моих друзей! Но проплыть небольшое расстояние смогу, во всяком случае, не сразу топориком ко дну. Спасибо тебе, мой друг Славка!

Я смотрю на мелькающие за вагонным окном домики приближающегося города и вспоминаю улочки и переулочки своего детства, своих друзей, которые сейчас так далеко. И Славку, и мою подругу Любашу, с которой на лавочке по вечерам мы с увлечением распевали и песни наших бабушек, и самые последние новинки, в сегодняшнем определении «хиты сезона». Я вспоминаю эту атмосферу открытости и дружелюбия, которая была среди людей. Когда приходили друг к другу без приглашений, когда всей улицей гуляли свадьбы: приглашённые гости дома, а соседи накрывали стол по соседству или прямо на улице. Когда каждая бабушка на лавочке была для ребят непререкаемым авторитетом: из уважения или даже просто по праву её возраста. Когда замок на двери был экзотической редкостью, и если моя бабуля гуляла на соседней улице, то в дверных ушках для замка торчал лишь маленький штырь, чуть больше гвоздя. А доброта была не показушной, на выхвалку, а истинная христианская, при всём, казалось бы советском, отрицающем Бога, как у моей младшей двоюродной сестры, другой Гали. Она, зная, что вкусеньким меня не очень балуют, носила мне тайные гостинцы, подсовывая их потихоньку маленькими посылочками, хоть и сама была в это время ещё совсем ребёнком, которому тоже не так много этих сладостей доставалось. И в то далёкое время первый купленный телевизор на нашей улице в семье моей подружки могли смотреть все мы без исключения. А вечерами к ним домой приходили почти все соседи и, если не хватало стульев, сидели прямо на полу.

А эти общие, не поддельные радость и ликование, когда в космос полетел Гагарин! А распирающая тебя гордость в День Победы, когда ты идёшь рядом с дедом, у которого позвякивают и поблескивают на груди медали, может быть и не самые ценные из наград. А наше с друзьями трепетное молчание на митинге, и замирание сердца, когда раздавались выстрелы почётного караула, хоть и не были они ослепительным столичным салютом. Наши дружные «ленинские субботники», приуроченные к Пасхе, когда мы все вместе убирали улицу, и может поэтому потом и мусорить не могли. Мы радовались каждому новому ситцевому платью или рубашке, потому что одевались очень скромно. Мы мало видели лакомств: и стуженное молоко, намазанное на хлеб, было настоящим пиршеством, а брикет какао с сахаром за восемь копеек вполне заменял нам шоколад.

Да что это я! Неужели я снова хочу очереди за колбасой? Конечно, нет! Но мы были уверены в завтрашнем дне и равенстве наших возможностей, потому что в одной компании с детьми из простых рабочих семей были и дети интеллигенции, и дети партийных руководителей. Ведь здесь на окраине была одна общая школа для всех, поэтому выделяться можно было только по своим личным заслугам, а не по материальному и социальному статусу твоих родителей.

Когда сегодня огульно ругают то время, мне становится очень больно и обидно, хоть, кажется, мне ли быть защитником. Девочка, у которой папа жил за границей, сразу же попадала в категорию не совсем благополучных. А моя религиозная бабушка заронила в моё сердце невольное отрицание воинственного атеизма, который потом мне пришлось изучать и даже пре-

подавать, к счастью недолго, так как грянувшая перестройка заменила его на «историю религий», что было более удобоваримым.

Конечно, для каждого человека, живущего в любую эпоху, юность своя — это самое прекрасное время. Может и у меня это просто ностальгия по тому, что ушло безвозвратно? Не знаю. Но как в той милой песенке, где автор хочет вернуться, а верней «ворваться в городок на нашу улицу в три дома...» Я бы тоже хотела вернуться на свою окраину, ведь живу я совсем рядом. Только вернуться некуда. Её нет. Там в последние десятилетия советского времени построены большие многоэтажные дома, там много магазинов, там новая огромная школа. Там на месте скверов и клуба пустыри и развалины, оставшиеся, как страшное напоминание девяностых, которые сегодня постепенно застраиваются частными домами, загораживающими то место, что когда-то было общим, высокими заборами и даже колючей проволокой, закрывающей всю нашу «землю обетованную» с берегом Волги, где когда-то был и наш любимый пляж.

Но как-то, проходя в этом незнакомом чужом пространстве, я с удивлением обнаружила кафе и магазин под общим названием «Голубой Дунай», наверное, у кого-то тоже, как и у меня, ностальгия. И я невольно помахала рукой и «Голубому Дунаю», и пустырю с зарослями, скрывающими последний дом Дерябиhi, и этой новой красивой школе. Привет, моя окраина!

Привет тебе, моя далёкая юность!

МЕСТО ПРИБЫТИЯ

Суетливые движения за моей спиной со всей очевидностью показали мне, что приближается конец моего путешествия. Мой милый городок надвинулся на меня сначала старым историческим вокзалом, построенным в конце девятнадцатого века, а затем новым, не оправдавшим надежды кинешемцев на то, что станция из тупиковой превратится в важную точку, которая свяжет новой железнодорожной линией нашу столицу с Заволжьем. Новый мост через Волгу, который должен был стать многофункциональным, остался только автомобильным. Что-то там видно не рассчитали. Увы! Тупик, из которого нас вывел в девятнадцатом веке купец Коновалов, протянув к нам эту железнодорожную ветку, в двадцатом снова становится местом, где заканчивающиеся стальные параллельные линии, заканчивают и перспективы нашего провинциального города. Мы опять тупик! Новое время требует стремительных электропоездов, новых технологий, ну и, наверное, нового мышления. А у нас развалившиеся заводы и фабрики, а взрослое население на пятьдесят процентов «мёртвые души», то есть, прописаны они в Кинешме, а работают да и живут уже давно в других городах, которые побольше, ну и, конечно в «дорогой столице».

Вон с рюкзаками и с сумками на плечах вышагивает живописная группа мужчин. Сразу видно, что едут с вахты, и мои знакомые среди них. Где-то там среди них мелькнул рыженький чубчик. У светофора на переходе большая толпа. Разъезжаются люди по разным автобусным маршрутам, кто домой, кто в гости. Садится в такси супружеская пара, они торопятся успеть отдать свой последний сыновний долг. Рядом стоит моя соседка

— Лариса, видимо решила приехать домой с шиком, хоть и поклажа у неё не велика.

Нужно и мне поторопиться, поезд ведь дальше не пойдёт. На перроне всё явственней слышен родной певучий волжский говорок, среди которого и грубое словечко проскочит, да и матерное не на редкость. Всё не в диковинку, всё хорошо знакомо. Новый вокзал просторен и светел. Народу здесь не как в Москве, свободных мест хватает. Но очередь в кассы за билетами говорит о том, что для многих этот зал ожидания — отправная точка, начало его пути. А я приехала, мне поскорее нужно домой.

Где-то, наверное, уже везёт и потряхивает по ухабистым пригородным дорогам клетчатую сумку, а на шоссе мчится в автомобиле друга женщина — богатая, но одинокая, не думая о том, что у контейнера с мусором стоит бомж — «мастер на все руки». «Чепэшник», возможно, дома, радостно обнимает свою любимую дочку. А в другом доме, с занавешенными зеркалами, в горестном молчании замер в последнем прощании с матерью мужчина, убелённый сединой. Возможно, совсем рядом на соседней улице, мой знакомый паренёк с гордостью выкладывает своей маме, любящейся на него и сразу помолодевшей, свои первые честно заработанные деньги. Почему-то хочется верить, что навстречу молодой москвичке из провинции идёт тот, который снова заставит её поверить в любовь; а у пожилой пары ещё будут свои «сто часов счастья». И, конечно, уже за столом с удовольствием уплетает бабушкины пироги девчушка, которая так похожа на меня, ту — далёкую. Я надеюсь, что впереди у неё будет мало огорчений и много хорошего.

У всех моих неожиданных знакомых, как и у меня, есть свой зал ожидания и своё место прибытия. И хоть возможно, они находятся в одной точке, но пусть дорога между ними будет длинной и принесёт как можно меньше разочарований.

Счастливого пути, люди!

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

КОНСТАНТИН СИМОНОВ (литературный портрет)

Мне хочется рассказать читателям о самом популярном писателе периода Великой Отечественной войны, о верном и преданном авторе военной темы; о человеке, объехавшем всю планету; о художнике, работавшем во всех родах и жанрах — в поэзии, прозе, драматургии, в журналистике, театре, кино и телевидении; о писателе, удостоенном звания Героя Социалистического Труда, Ленинской и шести Государственных премий страны; о личности, горячо любимой людьми нескольких поколений.

Константин Симонов родился в 1915 году в нашем городе, когда он назывался ещё Петроградом. Его мать, окончившая Смольный институт благородных девиц, была не просто дворянкой, а княжной. Звали её Александра Леонидовна Оболенская-Шаховская, и обе части двойной фамилии её говорили о знатности происхождения. Отец писателя был генералом, погибшим в 1-ю мировую войну, и воспитывать Кирилла (таково подлинное имя будущего поэта) довелось отчиму, полковнику А.Г. Иванишеву, который привил пасынку высокое чувство долга и редкостную организованность. Столь «немодному» по тем суровым временам происхождению следовало что-то противопоставить, и юный Симонов, окончив в 1930 году семилетнюю школу,

вместо очередного восьмого класса, решил предпочесть фабзавуч и учёбу на токаря. Тридцать семь рублей в получку, которые стал зарабатывать подросток, серьёзно улучшили тогдашнее скромное материальное положение семьи, жившей в эту пору в Рязани и затем в Саратове. По случаю перевода отчима в Москву, юный Симонов поступил на работу в столице токарем сначала на завод, а потом в цех на киностудии «Мосфильм».

Тяга к поэзии привела юношу в литературный институт, куда он поступил в 1934 году и где учился у В. Луговского, П. Антокольского и Л.И. Тимофеева. Здесь он познакомился с Натальей Типот, дочерью драматурга и переводчика комедии «Свадьба в Малиновке», и в 1935 году женился на ней. Осенью 1938 года Симонов закончил Литературный институт, получивший к тому времени имя М. Горького, и поступил в аспирантуру прославленного Института философии, литературы и искусства (ИФЛИ), где вскоре сдал экзамены кандидатского минимума и готовился написать диссертацию о творчестве А. Блока.

В эту пору Константин Симонов (такой псевдоним он избрал) уже активно печатался. Он опубликовал поэму «Павел Чёрный» о строительстве Беломорско-Балтийского

канала и «перековке» её тружеников. В поисках соответствующего материала он дважды ездил на этот канал, после чего издал свою поэму отдельной книгой, которой позже справедливо стыдился за её конъюнктурность. Иной характер носили стихи о лётчиках и моряках сурового Заполярья, об Амундсене («Старик»), о мужественном враче и художнике («Всю жизнь любил он рисовать войну...»), о дерзких подвигах и страстях (поэма «Мурманские дневники»), о людях мужества и подлинной героики («Стихи тридцать девятого года»). Особое место в лирике молодого поэта заняла испанская тема, отразившаяся в цикле великолепных стихов, ставших откликом на тревожные события, которые происходили на Пиренейском полуострове. Таковы баллады «Рассказ о спрятанном оружии», «Рассказ о глотке воды» и дивное стихотворение «Генерал», посвящённое венгерскому писателю Матэ Залке, командиру героической интернациональной бригады, отдавшему жизнь за свободу другого народа. Центральный образ героя овеян романтикой, а всё произведение дышит влюблённостью в подвиг и мужественное деяние, уверенностью в бессмертии борца за людское счастье:

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжёлой листвою шелестят.

К. Симонов пишет в те же годы волнующую читателя поэму «Победитель» (1937) о Николае Островском, о его писательском, гражданском и человеческом подвиге. Обратившись к отечественной истории, поэт создаёт поэму

«Ледовое побоище» (1937), проникнутую предощущением новых военных схваток, причём с потомками именно псов-рыцарей, нынешними распространителями германского фашизма. Автор воспринимал эту свою историческую поэму как антифашистский памфлет. Примечательно, что когда молодой поэт читал «Ледовое побоище» в клубе войск московского гарнизона, при первых строках солдаты встали и слушали до конца произведение стоя.

Ещё одним опытом обращения к русской истории стала у Симонова поэма «Суворов» (1938-1939). Поэту удалось нарисовать запоминающийся самобытный характер полководца, показанного в резком конфликте с павловским режимом. Три главы передают мучительную для Суворова опалу и воспроизводят его героический поход через Сен-Готард. Найденные поэтом ритмы, звучные ямбы, весомые и точные характеристики подчинены обрисовке живого, остроумного, деятельного человека, наделённого полководческим гением и чувством преданности Отечеству. Эту поэму автор читал в Политехническом музее, и Сергею Наровчатovu запомнилась внешность тогдашнего Симонова: броская смуглость, каштановая шевелюра, располагающие черты лица, твёрдость жестов, раскатистый голос, лёгкая картавость.

Тогда же двадцатитрёхлетний поэт был принят в члены Союза писателей. В это время произошли перемены в личной жизни Симонова. Он разошёлся с Натальей Типот и женился на Евгении Ласкиной, которая в 1939 году родила ему сына — Алексея. Изменения кос-

нулись и учёбы. Поэт неожиданно оставляет аспирантуру. Это было связано с длительной командировкой, полученной в Политуправлении Красной Армии в качестве военного корреспондента газеты «Героическая Красноармейская». Симонов уехал в Монголию, на Халкин-Гол. Давнее стремление самому участвовать в военных сражениях и быть свидетелем творящейся истории получило, наконец, для себя выход. Впечатления от дальневосточных событий получили отражение в цикле стихов «Соседи по юрте» (1939), в поэме «Далеко на Востоке» (1939-1941) и пьесе «Парень из нашего города» (1941). Поэт рисует участников боёв с японскими захватчиками, передаёт переживания солдат («Механик»), славит величие нашей нелёгкой победы («Танк»). Журнал «Литературное обозрение» отмечал: «Стихи К. Симонова о Монголии — одно из самых заметных явлений в нашей поэзии за последние годы» [1].

Пьеса «Парень из нашего города» стала вторым драматургическим произведением писателя. Первым была пьеса «История одной любви» (1940), обнаружившая умение автора передавать сложность интимных переживаний личности. Пьеса была не слишком крупным достижением начинающего драматурга, но она передавала носившееся в воздухе предощущение войны и была тогда же поставлена московским Театром имени Ленинского комсомола.

Вторая драма — «Парень из нашего города» — появилась перед самой Великой Отечественной войной, в ещё мирные дни апреля 1941 года. Несколько её сцен

воспроизводят тихие, спокойные будни, ещё не омрачённые взрывами и пожарами, но уже в них и тем более в последующих картинах, исполненных напряжённого драматизма, живёт ощущение близких сражений. В особенности это предчувствие возникает в эпизодах войны в Испании и на Халкин-Голе. Будучи показанными непосредственно на сцене и прерываемые словами германского диктора о том, что немцы вступили в Краков и фашисты маршируют по Европе, эти картины предвещают близость военных событий на нашей земле. Пьеса свидетельствовала о возросшей художественной зрелости молодого драматурга. К. Симонов своеобразно выстроил временную конструкцию своей драмы. Каждая из трёх картин первого действия соотносится с определённым отрезком в жизни страны, причём интервалы между ними каждый раз оказываются равными двум годам. Картина четвёртая и пятая, составляющие второе действие, относятся к 1937 году, а шестая картина того же действия вновь возникает через два года, т. е. в 1939 году. Все три сцены третьего действия относятся к тому же 1939 году, при этом время здесь «сжимается», и интервалы между картинами становятся равными сначала месяцу, а затем одним суткам, что отвечает напряжённости заключительного акта. Одновременно сменяются и места действия: сначала квартира в провинциальном волжском городе, затем танковая школа под Омском, потом квартира в военном городке в Средней Азии, далее — комната в полуразрушенном доме Мадрида и, наконец, место близ Халкин-Гола.

Этой пространственно-временной организации пьесы соответствует её жанр хроники и развёртываемая героическая биография её центрального героя — Сергея Луконина, каждый решающий жизненный шаг которого обусловлен потребностями времени и страны. Вчерашний юноша, проявлявший мальчишество, он сегодня обнаруживает дерзкую рискованность, смелость, настойчивость и самоотверженность, и автор великолепно выявляет неповторимую индивидуальность «парня из нашего города», готового к подвигам и совершающего их.

Пьесу принял к постановке Московский театр имени Ленинского комсомола, осуществил спектакль по этому произведению в 1941 году, и драма с огромным успехом шла в военные годы [2]. 11 апреля 1942 года автор её был удостоен Государственной премии первой степени.

Всё больше вырисовывалась основная направленность творчества К. Симонова как «военного писателя». Так называл себя он сам. А поэт П. Антокольский определил эту особенность по-своему: «Когда говоришь о Симонове, война вспоминается прежде всего» [3]. Писатель мог сказать о себе и словами своего героя — Сергея Луконина: «Армия для меня — это всё. Вся жизнь». Поэтому совсем не случайно во время финской войны Симонов закончил двухмесячные курсы военных корреспондентов (1939), и с осени 1940 года по июнь 1941 года он учился на курсах военных корреспондентов при Военно-политической академии и закончил их, получив воинское звание интенданта второго ранга.

24 июня 1941 года писатель был направлен в район Гродно, но из-за сложившейся на фронте обстановки он туда не попал и был послан в редакцию газеты Западного фронта, в связи с чем под Могилёвом принял участие в кровавом сражении на Буйницком поле. С конца июля поэт был переведён военным корреспондентом в газету «Красная звезда», где служил до осени 1946 года. В этой должности он побывал в годы войны почти на всех участках фронта: на Западном, Южном, Карельском, в Крыму, Сталинграде, на Брянском, Северо-Кавказском... Очерк «У берегов Румынии» Симонов писал на подводной лодке, где ему довелось пробыть десять дней с риском погибнуть вместе с матросами. Он высаживался в тыл противника за Полярным кругом, попал под бомбёжку в Феодосии, был среди бойцов Сталинградского фронта. Он сам ходил в атаку и в разведку, был на волжской переправе под обстрелом. Так вёл себя поэт в годы войны. По словам его товарищей по оружию, Симонов сделал для нашей великой победы невероятно много.

Главная заслуга К. Симонова в годы войны — его оперативное, очень разнообразное и всегда мобилизующее людей творчество.

Прежде всего он проявил себя как поэт. Сергей Баруздин вспоминал, что всех на фронте и в тылу потрясла баллада «Сын артиллериста». Афоризмом бойцов стала любимая поговорка майора Деева из этого стихотворения: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!» В «Морской пехоте», написанной в 1941 году в Одессе, поэт запечатлевал военное много-

цветье: («Белый свет, да синее море, да багровый стяг») и показывал, как «вперёд идут ребята, не боясь огня». В призывной «Атаке» Симонов изобразил солдат, отрывающихся от стылой земли и бегущих в отчаянную схватку с противником под звуки снежной метели. И перед атакующими остаются «те последних тридцать метров, где жизнь со смертью наравне!» Пластичен образ погибшего товарища, при падении широко разбросавшего руки, словно разом обнявшие свою многострадальную землю. Его мать будет долго плакать, но «сыну было — пусть узнает мать — лицом на Запад легче умирать» («Товарищ»). А вот ещё одна смерть — близкого друга, который отныне не споёт застольной песни в занесённой снегом землянке, не ляжет рядом под одной шинелью у жестяной печки.

Но и здесь у поэта нет безысходности, потому что друг оставил в наследство своё упрямство, терпенье и гнев, потому что «по земле, войной сожжённой, идти завещано друзьям» («Смерть друга»).

Величественной и бескрайней предстаёт наша воюющая страна в стихотворении «Родина». Раскинув свои многочисленные города, она лежит, касаясь одновременно трёх великих океанов, «непобедима, широка, горда». Первая строфа своей медленной распевностью очень напоминает гимническую поэзию в духе Лебедева-Кумача с его прославленными строками: «Широка страна моя родная...» Но Симонов создаёт свой вариант песни о Родине. От масштабной картины он переходит к совершенно конкретному ряду образов, передающих очень индивидуальное

восприятие и интимное переживание малой родины. В краткий миг сражения боец припоминает самое сокровенное, что у него осталось вдалеке и прочными узами связано с образами детства:

Клочок земли, припавший
к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

В этой строфе всё преуменьшено и построено на литотах: не земля, а «клочок земли», не лес, а «лесок», не березняк, а только три берёзы, не речка, а «речонка». Здесь предстаёт уже не возвышенное видение, а намеренно сниженные образы: родной перевоз оказывается прозаически «скрипучим», а ивняк — «низким». Тем не менее от этого преуменьшения и этой прозаизации чувство родины не становится смутным или приглушённым, а, напротив, приобретает особую, щемящую трогательность и сокровенность. За этот бесконечно дорогой клочок земли можно и должно идти на смерть, чтобы «эти три берёзы» не были безжалостно срублены озверелым врагом.

Памятными остались и суровые инвективы, произнесённые К. Симоновым.

Это написанное в традиции лермонтовского «Беглеца» стихотворение «Я знаю, ты бежал в бою...», это «Открытое письмо», обращённое к женщине, изменившей воину, а значит — предавшей его. Это пламенное стихотворение «Если дорог тебе твой дом...», проникнутое жгучей ненавистью к врагу, оскверняющему нашу землю. Оно заканчивалось мощно звучащим призывом к отмщению: «Сколько раз увидишь его, / Столько раз его

и убей!» Такие строки в 42-м году отнюдь не казались проповедью человеконенавистничества, они воспринимались как выражение суровой необходимости, ибо, если ты не убьёшь фашиста, он изгадит твою избу, сорвёт со стены портрет твоего отца и наступит на его лицо, возьмёт силой твою подругу и надругается над ней, обнажённой на твоём полу. Сила этих стихов, их эмоциональный накал были необыкновенными. Не случайно вырезки из газет с такими строками солдаты и офицеры носили на своей груди. Это стихотворение расклеивалось на улицах осаждённого Ленинграда, его сбрасывали с самолётов в виде листовок. Поэт М. Львов рассказал, что его друг-танкист говорил на Сандомирском плацдарме, что он присвоил бы этому стихотворению звание Героя Советского Союза, ибо оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер [4].

Особую популярность приобрело симоновское стихотворение «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». Написанное ещё в первый год войны в жанре лирического послания (к поэту А. Суркову), оно не ограничилось мотивом дружбы и стало признанием любви к родине.

Ты знаешь, наверное, всё-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами из русских могил.

Стихотворение соткано из многочисленных вещных деталей, очень зримых, осязаемых и предметных, совокупность которых создаёт скорбную картину многострадальной Отчизны. Трудно забыть эти глиняные кринки, прижатые к гру-

ди, словно малые дети; этих усталых женщин с горячими слезами, вытираемыми украдкой; седую старуху в салопчике плисовом и старика, одетого в белое, будто приготовленного к смерти. Трудно не сохранить в памяти девичий крик и плач по мёртвому; тракт с пригорками, скрывающимися вдали; трижды повторённый образ деревень с погостами.

Троекратные повторы, пришедшие из отечественного фольклора, композиционно и ритмически организуют текст этого шедевра, трижды передаются слова старухи «мы вас подождём», подхваченные пажитями и лесами; многократно повторяется выражение «по-русски».

В этом стихотворении удивительно гармонично соединились исповедальность лирических интонаций и эпически переданная панорамность картины Смоленской земли с её «дорожной тоской от села до села». Пейзаж Родины, открывающийся взору поэта, отличается такой выразительностью, что он поневоле побуждает к действию, защите этих деревень, просёлков и погостов. Подобно женщине, провожающей в бой русского солдата, само стихотворение зовёт отстоять эту «горькую землю» и провожает воина на ратный подвиг.

В полный голос во время войны заговорила лирическая Муза Симонова. Кроме «Фронтовых стихов» (1942), в эту пору он выпускает «Лирический дневник» (1942) и сборник «С тобой и без тебя» (1942). Некоторое время оправданно сдерживаемая лирическая стихия, присущая этому поэту, теперь мощно вырвалась на простор. Хотя, казалось бы, она противо-

стояла контрастной военной теме, но, по существу, она была тесно сращена с последней и закономерно вызревала из неё. Не случайно в любовной лирике поэта жило то же мужество, какое звучало в стихах на военную тему.

Центральным и особо значимым в произведениях о любви стало стихотворение «Жди меня». Написанное в июле 1941 года и опубликованное в 1942 году в газете «Правда», оно стало крупным событием в истории нашей лирики. Прежде всего этот лирический шедевр запечатлевает историю души и самого автора. При своём рождении стихотворение предназначалось быть посланием возлюбленной поэта. Об этом свидетельствуют некоторые признаки: под тремя звёздочками, заменившими название, стоят инициалы адресата; поэт обращается к женщине на «ты». Индивидуальное начало стихотворения, его интимные интонации обнаруживаются в упоминании сына, матери, общих друзей и особенно проявляется в концовке, сокровенной, интимной, обращённой к конкретной женщине, знающей некую тайну: «Как я выжил, будем знать/Только мы с тобой...»

Поэт молит любимую женщину ждать, потерпеть, быть уверенной в его возвращении. Ждать — это значит, по Симонову, быть верной в любви, стойкой, верящей в торжество жизни. Одновременно это означает для автора послания быть самому уверенному в любви подруги, в прочности тыла, в надёжности дома.

Поэт не просто просит ждать, не просто молит об этом, а призывает. Для этого он многократно, настойчиво, 12 раз повторяет сло-

во «жди», часто ставит это слово в начале строк, используя анафоры. Столь же настойчиво поэт варьирует глагол «ждать» и образует от него разные формы: «ждут», «ждёт», «ждать», «ждавшим», «ожиданием». Неоднократно слово «жди» становится эпитетом, будучи вынесенным на конец стихотворных строк. Благодаря этим приёмам выражение «жди» получает характер заклинания, передавая это свойство всему стихотворению. Только терпеливое ожидание и верность любимой может принести любящему покой, даровать ему надежду, вселить огромную силу. Мы ощущаем энергию, напор, недюжинный темперамент автора этого послания, его страсть, его силу.

Но стихотворение говорит не только о любви. Уже в первой строфе появляются пейзажные вкрапления: «жёлтые дожди», «снега метут», «жара». Это приметы самых разных времён года: дождливой осени, снежной зимы, жаркого лета. В любую погоду необходимо ждать. Дожди — «жёлтые», потому что связаны с тоской, а вино друзей, упомянутых в стихотворении, — «горькое», ибо его распитие означает прощание с близким товарищем, его пьют на «помин души». Послание напоминает и о других жизненных реалиях: о родственных отношениях, о семейных привязанностях, о маловерах. Симонов использует систему контрастов, противопоставляя подругу друзьям, «уставшим ждать», людям, которым ждать надоело, и другим женщинам, «не ждавшим» и не ждущим.

В стихотворении отражено и время: оно упоминает о «дальних местах» (т.е. фронте), говорит

о смерти, неизбежной в боях, вводит в текст образ огня, полыхающего на просторах Родины. Здесь нарисован и образ воина, который сражается «всем смертям назло». Такую же решимость поэт вселяет в подругу, применяя повелительные формы глаголов. Так «история души» поэта оказалась соединённой с «историей всего времени». Война введена в стихотворение на равных с любовью и верностью, и потому оно стало таким злободневным и понятным миллионам сражающихся мужчин и миллионам трудившихся женщин.

Три строфы стихотворения сопровождаются трижды повторяющимся рефреном, которым они открываются. Стихи четырёх- и трёхстопного хорея завершаются мужскими рифмами, придающими шедевр удивительную крепость и волевою твёрдость.

«Жди меня» сразу приковало к себе внимание этих миллионов воюющих людей. Его переписывали в заветные тетради и посылали в треугольных конвертах писем. Знаменитый снайпер Наташа Ковшова писала накануне своей героической гибели: «Со мной ничего не случится. Я счастливая и вернусь к вам жива и здорова. А потому, как сказал поэт: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...» [5].

Сила, звучание и красота этого стихотворения были столь притягательными, что 17 композиторов написали к «Жди меня» свою музыку, и среди них В. Соловьёв-Седой, А. Новиков, М. Блантер, И. Дзержинский и другие.

А теперь упомянем имя адресата этого шедевра. Им была актриса театра и кино Валентина Серова, которой увлёкся Симонов накануне

войны и которая стала женою поэта позже, летом 1943 года. Она уже играла в пьесе «Парень из нашего города» в Театре имени Ленинского комсомола. Теперь на основе стихотворения поэт написал пьесу «Жди меня» (1942), которая ставилась на сцене этого и других театров, а затем и сценарий одноимённого фильма, в которых тоже снималась В. Серова.

Но жанр лирического стихотворения не был подходящей основой для перевода его в пьесу и киносценарий, и оба произведения не стали удачей К. Симонова. То, что в стихотворении было проявлением страстного душевного порыва, в спектакле и фильме стало дидактикой, сухой схемой и бесконфликтной ситуацией, хотя В. Серова в этих произведениях пыталась донести до зрителей сильные и чистые чувства любви и верности Лизы к своему мужу, лётчику Николаю Ермолаеву. Не слишком счастливой была и судьба симоновских текстов, претворённых в музыку, хотя ряд композиторов пытался донести до слушателей лиризм и мелодичность стихотворений поэта. Так, были созданы вокальные пьесы М. Блантером («Песня о Ленинграде», «Старая солдатская»), Д. Толстым, М. Табачниковым. Стихотворение «Ты помнишь, Алёша...» стало текстом одной из частей оратории Ю. Шапорина «Сказание о битве за Русскую землю».

В годы войны К. Симонов ярко проявил себя и как драматург, став автором значительного произведения — «Русские люди» (1942). Напечатанная в газете «Правда», пьеса запечатлевала ход напряжённой войны перед переломной

битвой под Москвой, разнообразные впечатления её автора во время фронтовых поездок. В центре драмы оказался героический поединок небольшой группы наших бойцов с озверевшим и численно превосходящим противником. События происходят осенью 1941 года на Южном фронте, где отряд капитана Сафонова оказался отсечённым от армии, но, несмотря на эту изолированность, проявляет стойкость и мужество в борьбе с врагом.

В центре пьесы изображён капитан Сафонов (когда-то этот персонаж действовал в драме «Парень из нашего города»), жизнелюбивый человек, наделённый большой внутренней энергией. Сильное чувство испытывает он к Вале Анощенко, но в трудную минуту он вынужденно посылает возлюбленную вместе с фельдшером Глобой на самый решающий и опасный участок фронта, где их ждёт верная смерть. Иначе в этой ситуации Сафонов поступить не может. Валя второй раз отправляется в тыл к немцам и переплывает ледяной лиман. Девушка-шофёр, она стала отважной разведчицей, готовой в самых сложных обстоятельствах совершить свой человеческий подвиг. Попав в руки немцев, она мужественно ведёт себя в фашистском застенке, хотя ей приходится испытать физические и нравственные мучения. К. Симонову удалось создать женский образ, наделённый редкостной скромностью, застенчивой влюблённостью и мужеством. Именно Вале доверил автор пьесы произнести слова об Отчизне, по мотивам и интонации перекликающиеся с приведёнными выше строками симоновского

стихотворения «Родина»: «Родина, Родина... наверное, что-то большое представляют, когда говорят. А я — нет. У нас изба на краю села стоит, и около речка и две берёзки. Я качели на них вешала. Мне про Родину говорят, а я всё эти две берёзки вспоминаю». Перед нами пример заметной преемственности между поэзией и драматургией писателя, монолог, красноречиво раскрывающий красивую душу девятнадцатилетней девушки.

Душевным богатством наделён и военфельдшер Глоба. Когда гитлеровцы, отступая, расстреливают томящихся в их плену, этот весёлый человек заслоняет своим телом Валю и мужественно погибает с мелодией и со словами песни. Пожилой Васин, инвалид, воевавший ещё в русско-японской войне, разоблачает предателя и в ответственную минуту ведёт в атаку бойцов. Он гибнет, «сделав всё, что мог, и даже больше, чем мог». Мать Сафонова Марфа Петровна отважно говорит врагам о своей ненависти к фашизму и погибает, исполнив свой гражданский долг. Мария Николаевна Харитонова отравляет одного из фашистских истязателей и произносит слова презрения в адрес топчущих её землю мерзавцев, мужественно жертвуя своей жизнью. Из поступков этих персонажей пьесы складывается массовый подвиг советских бойцов, вырисовывается исключительная красота русских людей, которых славит Симонов в своей пьесе.

Этим персонажам противопоставлены враги, садисты и изверги, не пренебрегающие сложной психологической игрой, выматывающей нервы и растравляющей души простых людей, на чью зем-

лю они явились. Это сильный, умный, коварный враг, и, одолевая его, умерщвляя таких садистов, как Розенберг, герои пьесы показывают своё нравственное и духовное превосходство. Победа над таким изощренным противником делает честь изображённым в пьесе русским людям.

Острый конфликт, поразительное сочетание героического и лирического начал, выразительность речевых характеристик, ёмкость ударных концовок всех актов, контрапункт реплик, умелое сплетение нескольких сюжетных линий, высокий патриотический пафос монологов и пьесы в целом — таковы идейно-художественные достоинства этого произведения. Не случайно все действующие во время войны театры поставили эту превосходную драму, в том числе МХАТ (где роль Сафонова исполнял талантливейший Б. Добронравов).

Эту пьесу сумели издать даже в блокадном Ленинграде. И совершенно естественными актами стали присуждение автору в 1943 году Государственной премии и экранизация пьесы под названием «Во имя Родины».

Менее удачной, но тоже по-своему интересной стала пьеса Симонова «Так и будет», написанная в 1944 году. В ней представала Россия, возмужавшая в ходе войны, и выражалась уверенность в победе над фашизмом.

Значительными были достижения писателя и в области художественной прозы.

Сначала это были рассказы и военные очерки, печатавшиеся в «Красной звезде», «Правде» и «Известиях» и составившие четыре книги, выходившие в 1942, 1943,

1944 и 1945 годах под общим названием «От Баренцева до Чёрного моря». Среди рассказов писателя выделяются «Третий адъютант», «Перед атакой» и «Бессмертная фамилия».

Затем к читателям явилась повесть «Дни и ночи» (1943-1944), первое крупное произведение о героической сталинградской битве и первое большое прозаическое произведение К. Симонова. Напечатанная в журнале «Знамя», повесть воспроизводила великий подвиг нашего народа на Волге. В центре произведения была судьба пехотного батальона, сражающегося у разрушенных стен Сталинграда в течение двух месяцев — с момента прибытия в этот район и до решающего наступления наших войск. Писатель передаёт сверхчеловеческое напряжение, с которым ведёт ночной бой выдвинутый на передовой рубеж батальон Сабурова. Беспрерывное четырёхдневное сражение обеспечивает поставленную задачу — прорыв к отрезанному немцами полку, но при этом погибает большая часть солдат — ветеранов и командиров. Симонову великолепно удаётся художественное совмещение героики, проявленной в эти сменяющиеся дни и ночи, с подробно описанным осадным бытом и будничностью, поражающей читателя своим спокойствием.

Писатель сумел также, оттачиваясь от документального материала, воссоздать ряд колоритных характеров: замкнутого Сабурова, совершающего троекратное ночное «путешествие» в окружённый немцами полк; генерала Проценко, редкостно спокойного, умелого командира дивизии; наделённо-

го душевным теплом юного Масленникова; молчаливого, но выразительного политрука Парфенова, мужественного командира роты Гордиенко.

Сюжетно сосредоточенная на жизни одного батальона и на изображении маленького пространственного «пятка», повесть отличалась психологизмом при всей пунктуальности в передаче человеческих судеб, продолжением традиций прозы А.Н. Толстого, своеобразной репортажностью и лаконизмом стиля. Повесть вы-

звала большой читательский интерес, получила широкий международный резонанс и была удостоена в 1946 году Государственной премии СССР.

Годы войны — ярчайшая страница в творческой биографии К. Симонова. В 1943 году ему было присвоено звание подполковника; первым из писателей он был награжден орденом боевого Красного Знамени, позже — двумя орденами Отечественной войны I-й степени, Чехословацким военным крестом и орденом Белого Льва (1945).

*(Окончание литературного очерка-портрета
см. в следующем выпуске журнала)*

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. "Литературное обозрение" — 1940г, № 24 — С. 14.
2. Более подробно см.: Роговер Е. С. "Парень из нашего города", предвоенная повесть К. Симонова // "Если завтра война..." / Сб. под ред. Т. К. Донской и О. В. Черновой. — СПб. — Пенза, 2011. — С. 96-99.
3. Литературная Россия. — 1965г, № 48 — С. 9.
4. Львов Михаил. Стихи-герои // Муса Джалиль. Стихи. М.: Молодая гвардия, 1974. — С. 4-5.
5. Комсомольская правда. — 1943. — 23 мая.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 19 ВЕКА

В начале 19 века в китайской литературе замечен застой и упадок почти во всех жанрах. Правда, были отмечены литературоведами писатели тунчэнской группировки — Фан Бао, Яо Най. Их произведения были похожи на «восьмичленные сочинения».

Выделяется своим романом «Цветы в зеркале» (1805) Ли Жу-чжэнь, в котором сцены из реальной жизни перемешиваются длинными рассуждениями и описаниями фантастических стран. Автор исходит из конфуцианских представлений о мире и обществе, представляя читателю увидеть идеальное общество. На Севере страны в это время был распространен «сказ под барабан», а на Юге — «сказ под струны». Их сюжеты были взяты из народных преданий и популярных романов.

Китайская литература делает робкие шаги в сторону ознакомления с культурой Запада. Первая «опиумная война» (1840) вызвала патриотический подъем в Китае. Поэты — Чжан Вэй бин, Вэй Юань и др. из литературной группы «Сюаньнань» создают стихи и поэмы в классических формах, прославляющими борьбу с иностранными агрессорами. Им противопоставляли свое искусство представители «сунской школы». В области романа в это время господствуют нравоописательное и авантюрно-героическое направления.

Нравоописательное направление представлено романом «Зеркало наслаждения цвета-ми» Чэнь Сэня и «Сон в синем тереме» (1879) Юй Да. Они описывают жизнь публичных домов. Авантюрные романы написаны с консервативных позиций — «Усмирение разбойников» Юй Вань-чуня, «Деяния судьбы Ши» (1838, автор неизвестен). Представления об справедливом чиновнике показаны в романе «Три храбрых, пять верных», созданном сказителем Ши Юй-кунем. В этих произведениях отмечено приближение литературного языка к разговорному.

Новые веяния в китайскую литературу принесло реформаторское движение (конец 19 в.), когда поэт Хуан Цзунь-сянь выступил за обновление стиха и отказ от подражательности. Он старался осуществить свой литературный девиз — «моя рука пишет то, что говорят мои уста». Его направление поддержали поэты Кан Ю-вэй и Тань Сы-тун. Писатель Лян Ци-чао внес значительный вклад в развитие повествовательной прозы («Будущее нового Китая» — роман написан в 1902 году).

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ВАЛЕРИЯ ОРЛОВА
КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 19 ВЕКА

